

69

10901

Имя путешественника	...
Время путешествия	...
Место путешествия	...
Цели путешествия	...
Историческое значение	...
Литературное значение	...
Источники	...
Примечания	...

ПУТЕШЕСТВИЕ ВЪ КИТАЙ.

ГПНТЪ

СОРАН

ПУТЕШЕСТВІЕ

ВЪ

К И Т А Й

Е. КОВАЛЕВСКАГО.

—
Ч А С Т Ъ II.

∞

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КОРОЛЕВА И К^о.

1853.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ законенное число экземпляровъ.
Санктпетербургъ, 12 Марта 1853 г.

Ценсоръ А. Фрейгангъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА I. Китайскій костюмъ. — Визиты. — Прогулка по городу. — Древность основанія Пекина; его па- родонаселеніе и разность показаній по этому предмету. — Лю-ли-чанъ (книжный рядъ); кни- гопечатаніе и рѣзба на деревѣ въ Китаѣ	1.
ГЛАВА II. Сяо-ши, рынокъ. — Памятникъ Го-фей. — Жерт- веняки небу и изобрѣтателю асмаелѣвіа; об- рядъ проведенія борозды императоромъ. — Брач- ные обряды; разводъ; право наследства въ се- мействѣ	10.
ГЛАВА III. Пурпуровый городъ. — Жилище китайскаго императора. — Цзин-шанъ и ея дворецъ. — Сады, кіоски и тропицы; видъ заустѣліа, господ- ствующій всюду; богатство и роскошь при роды. — Приключеніе съ Кэ и Сы	20.
ГЛАВА IV. Хуан-ди, императоръ. — Названіе его правле- нія и династіи; сбивчивость въ опредѣленіи ихъ. — Общественная и семейная жизнь хуан-ди. — Втягочничество и недостатокъ денегъ въ Ки- таѣ. — Интриги. — Дряхлость и болѣзни нынѣш- няго хуан-ди	33.

- ГЛАВА V.** Поѣздка въ Фей-ченъ. — Смотръ артиллеріи; стрѣльба въ цѣль; число людей въ артиллеріи и состояніе ея. — Войско въ Китаѣ. — Знаменитый мостъ черезъ Хуан-хе и берега ея . . . . . 46.
- ГЛАВА VI.** Государственное управленіе. — Шу-бины, дуча-юань и цензора нравовъ или прокуроры. — Еще нѣсколько словъ о взяточничествѣ. — Казни, тюрьмы и уголовные законы въ Китаѣ. — Страданія и оргіи заключенныхъ въ тюрьмѣ . . . . . 59.
- ГЛАВА VII.** Театры. — Театральныя представленія составляютъ потребность народа. — Актёры. — Жонглеры. — Обѣды и разныя пекинскія увеселенія. — Наемные защитники чести. — Публичныя вѣстовишки. — Пекинская газета. . . . . 76.
- ГЛАВА VIII.** Смерть китайской императрицы, Тай-хоу, и жены старшаго сына хуан-ди. — Перенесеніе гроба въ Хай-тяцъ. — Тяжкія обязанности въ этомъ случаѣ богдохана. — Верховный указъ его и церемоніаль . . . . . 91.
- ГЛАВА IX.** Опіумъ. — Опіумъ въ древности и въ настоящее время. — Монополія разведенія маку въ Индіи. — Обработка его; составныя части. — Употребленіе его. — Контрабанда опіумомъ въ Китаѣ. — Количество ея. — Нагубныя послѣдствія. — Мнѣнія о томъ китайскихъ и англійскихъ писателей. — Курильщики опіумавъ Китаѣ. 103.
- ГЛАВА X.** Чай. — Благодѣтельное дѣйствіе чая. — Появленіе его въ Россіи. — Происхожденіе чайнаго дерева. — Количество чая, выпиваемаго въ Китаѣ. — Обработка плантацій и сборъ листьевъ. — Торговля чаемъ. — Причины, по которымъ чай, доставляемый въ Англію и хуже и дешевле доставляемаго въ Россію. — Приготовленіе чая. 123.
- ГЛАВА XI.** Зима въ Пекинѣ. — Зимнія удовольствія. — Поѣздка въ саяхъ. — Оранжереи. — Неожиданная вѣсть. — Смерть богдохана. — Верховный о томъ указъ и манифестъ о милостяхъ. . . . . 146.

- ГЛАВА XII.** Поѣздка на земли, принадлежащія миссіи. — Состояніе земледѣлія и земледѣльческаго класса въ Китаѣ. — Кадастръ. — Доходы правительства и землевладѣльцевъ. — Кумирня чернаго дракона 162.
- ГЛАВА XIII.** Тань-шинскіе горячіе ключи, дворецъ и садъ. — Кладбище императоровъ минской династии. — Понятія Китайцевъ о безсмертіи души. — Сравненіе паятыинокъ древняго Египта и Китая. — Встрѣча съ однимъ изъ потомковъ богдохановъ династии Минъ . . . . . 173.
- ГЛАВА XIV.** Монгольское и корейское подворье. — Связь наша съ Монголами. — Посѣщенія Корейцами и Тибетцами русскаго подворья. — Отмѣна праздника новаго года. — Фейерверки и порохъ въ Китаѣ . . . . . 189.
- ГЛАВА XV.** Обсерваторіи: русская и китайская. — Школы русскаго языка въ Пекинѣ. — Благотворительныя заведенія. — Фабрикація бумаги, индиго и цвѣтовъ. — Банки. — Монетный дворъ. — Капсюльное заведеніе. — Прощальные визиты. — Обратный путь въ Россію. . . . . 200.

Рис. съ нит. Чжуговъ.

ГЛАВА I.

КИТАЙСКИЙ КОСТЮМЪ. — Визиты. — Прогулка по городу. — Древность основанія Пекина; его народонаселеніе и разность показаній по этому предмету. — Лю-и-чанъ (книжный рядъ); книгопечатаніе и резьба на деревѣ въ Китаѣ.

Нелегко было на первыхъ порахъ прилично одѣться по-китайски. Китайскій туалетъ очень сложенъ; каждое время года или, правильнѣе, каждая переменъа погоды требуетъ особаго платья: такимъ образомъ надо имѣть отъ самаго теплаго, или *длинношерстнаго*, до самаго холоднаго, газоваго, переменънъ шесть, и все-таки туалетъ вашъ не будетъ полонъ. Нѣкоторые цвѣта усвоены только однѣмъ женщинамъ, другіе обыкновенны у торгующаго сословія, вообще непользующагося большимъ уваженіемъ въ Китаѣ; употребить эти цвѣта порядочному человѣку неприлично. Самый покрой платьевъ, повидимому неизмѣнный, имѣетъ свои оттѣнки моды, за которыми мы, впрочемъ, не гонялись. При томъ же, надо имѣть всѣ эти платья парадныя и обыденныя: курмы, замѣняющія наши фраки, и макауцы, составляющіе домашній нарядъ, хотя, въ противоположность фракамъ и сюртукамъ, курмы длинны, а ма-

куацы коротки; даже самыя шляпы подлежатъ тѣмъ же измѣненіямъ, какъ и платья, и выѣхать куда-нибудь запросто въ парадной шляпѣ было бы смѣшно.

Члены новой миссіи обмѣнялись своими платьями съ русскими старожилами Пекина; для послѣднихъ это было необходимо, потому что тѣ изъ нихъ, которые были обязаны принимать или дѣлать со мною официальные визиты, одѣвались по-европейски; я и сопровождавшіе меня казаки въ этомъ случаѣ также всегда бывали въ форменныхъ платьяхъ. При обыкновенныхъ выходахъ въ городъ мы одѣвались по-китайски, чтобъ не возбуждать любопытства празднаго народа, который и безъ того обыкновенно толпою слѣдовалъ за нами, узнавая по лицамъ и манерамъ Русскихъ. Официальные выѣзды совершались торжественно, съ толпою слугъ, въ нарядныхъ экипажахъ, или верхомъ; послѣднее допускалось для насъ какъ для военныхъ; однимъ словомъ, при этомъ соблюдался весь этикетъ, присвоенный китайскимъ *да-жепямъ*, важнымъ чиновникамъ. Правда, вначалѣ многіе изъ насъ путались безъ привычки въ широкихъ полахъ восточныхъ одеждъ и не могли ходить въ сапогахъ, хотя атласныхъ, но съ бамбуковыми прошивками и съ подошвою пальца въ два толщиной; впрочемъ привыкнуть можно ко всему. Надо, однако, сознаться, что китайская парадная шляпа и сапоги весьма неудобны. Я не стану описывать здѣсь подробно китайскій туалетъ: эти подробности были бы скучны и для читающаго и для пишущаго; притомъ же, всякій образованный читатель или видѣлъ полный китайскій нарядъ, или читалъ описаніе

его; я буду упоминать о немъ, гдѣ прійдется къ слову.

Всѣ эти мелкія заботы, потомъ визиты къ лицамъ официальнымъ и частнымъ, пріемъ ихъ у себя и неизбежно-слѣдующій затѣмъ обмѣнъ подарковъ отнимали у насъ въ первые дни пріѣзда большую часть времени. Визиты здѣсь чрезвычайно тягостны. Надо знать со всею точностью гдѣ кого встрѣтить, гдѣ кого посадить, куда проводить; къ иному слѣдуетъ выйти на встрѣчу самому, и даже до перваго двора, другаго встрѣчаетъ драгоманъ, или кто-нибудь изъ членовъ миссіи, или, наконецъ, казацкій урядникъ. У каждаго воротъ повторяется утомительная церемонія упрашиванія переступить первому черезъ порогъ. Если вѣрять Китайцамъ, то эти пороги затѣмъ и устроены, чтобъ задержать гостя и доставить хозяину удовольствіе подолѣе оотаться съ нимъ: а я полагаю, что они просто сдѣланы затѣмъ, чтобъ ломать шею и ноги проходящему, который никакъ себя не воображаетъ, чтобъ на ровномъ мѣстѣ, ни съ того ни съ сего, былъ порогъ, и идетъ неостерегаясь. Наши казаки должны быть очень благодарны Китайцамъ за это утонченное изобрѣтеніе ихъ любезности. Что порогъ, то новая преграда! «Идите, пожалуйста, впередъ», говоритъ хозяинъ, «вы здѣсь гость, дорогой гость». — Вы пріѣзжіи, издалека пріѣзжіи», говоритъ гость. — «Осмѣюсь ли я идти впередъ: вы мнѣ можете служить дядей, наставникомъ» и проч. Если къ этому прибавить, что надо подвигаться впередъ тихо, останавливаясь, показывая видъ, что вы увлечены разговоромъ посѣтителя, который въ сотый разъ повторяетъ

вамъ свой обычный комплиментъ; если прибавить, что надо проходить по-крайней-мѣрѣ черезъ трои воротъ, до приѣмной комнаты, то вы легко можете разсчитать сколько времени нужно, чтобъ только дойти до нея; а тутъ новые поклоны по-китайски, пожатіе рукъ порусски, упрасиванія сѣсть на первое мѣсто, потчиванія объдомъ, котораго и нѣтъ въ-готовѣ, потчиваніе чаемъ, отъ котораго, впрочемъ, никто и не отказывается, разспросы о здоровьѣ гостя, обоюдные восторги при видѣ другъ друга поздоровѣвшимъ и пополнѣвшимъ: хотя бы посѣтитель вашъ исхудалъ какъ спичка, съ-тѣхъ-поръ, какъ вы его видѣли, все-таки надо увѣрять, что онъ растолстѣлъ и раздобрѣлъ. Словомъ сказать, возясь съ посѣтителемъ или посѣщая кого изъ важныхъ лицъ, вы до-того выбьетесь изъ силъ отъ однихъ церемоній, что никакой умный разговоръ на мысль не поидеть; а потому надо хорошо втянуться въ свѣтскую жизнь Китайцевъ прежде, чѣмъ приступить къ какому-либо дѣлу съ ними.

Въ октябрѣ и до послѣднихъ чиселъ ноября погода здѣсь стоитъ чудная. Послѣ лѣтнихъ періодическихъ дождей, даже сухія, безжизненныя горы, окружающія обширную пекинскую долину, покрываются зеленью; небо опять становится чистымъ, голубымъ, съ легкимъ оттѣнкомъ синевы; зной ниспадаетъ; прохлада и запахъ нѣкоторыхъ вновь разцвѣтающихъ въ октябрѣ цвѣтовъ переносятъ васъ къ веснѣ; природа какъ-будто молодеетъ. Къ-сожалѣнію, мы не могли воспользоваться этимъ благопріятнымъ временемъ, занятые, какъ я ужъ сказалъ, своими мелкими заботами, и только изрѣдка,

урывками, выѣзжали за городъ; но, признаюсь, велико было нетерпѣніе наше побродить по Пекину, разсмотрѣть его въ частности, подивиться великолѣпнымъ памятникамъ, проникнуть во внутреннюю жизнь Китайцевъ, посмотрѣть театры, ярмарки и проч., и мы едва успѣли облечься въ китайскія платья, какъ отправились въ городъ.

Нечего сказать, красивы мы были въ своихъ длинно-полыхъ халатахъ, съ широкими, висящими рукавами, съ открытою шеей и съ длинными, достающими до пятъ косами. Само-собою разумѣется, что въ такое короткое время мы не могли отростить своихъ собственныхъ волосъ; тѣ, которымъ суждено было надолго оставаться въ Пекинѣ, подбрили головы по-китайски и, отпустивъ волосы сзади, вплели въ нихъ чужія косы; я же подвязывалъ косу подъ низъ шляпы; и такъ-какъ шляпы ни въ какомъ случаѣ не снимають, то подобная поддѣлка прошла вовсе незамѣтной.

Пекинъ одинъ изъ самыхъ древнихъ городовъ, въ самомъ древнемъ государствѣ въ мірѣ, и потому не удивительно, что происхожденіе его теряется во *мракѣ неизвѣстности*, когда происхожденіе другихъ, гораздо-новѣйшихъ, давно уже исчезло въ этомъ всепоглощающемъ мракѣ. Въ 1409 г. Пекинъ сдѣланъ столицею и, въ противоположность существовавшей до того времени южной столицѣ, Нанкину, по-китайски Нань-цинъ или Пань-ганъ, названъ сѣвѣрною столицей, то-есть, Бей-цинъ, какъ произносятъ въ сѣверномъ Китаѣ, и Бе-гинъ, какъ произносятъ южные Китайцы, а вслѣдъ за ними и Европейцы, отъ которыхъ и мы переняли

название Пекинъ. Въ разговорѣ Китайцы называютъ Пекинъ просто Цзин-ченъ, то-есть, столица. Пекинъ, не считая предмѣстій, имѣетъ 58 ли, или около 31 версты въ окружности. Народонаселение его трудно опредѣлить съ точностью: принявъ въ соображеніе огромное пространство, занимаемое городомъ, нѣкоторые европейскіе писатели доводили населенность Пекина до баснословной цифры—8,000,000. Стаутонъ, основываясь на свѣдѣніяхъ, доставленныхъ посольству Макартнея, полагалъ число жителей въ Пекинъ въ 3,000,000. О Гобиль, іезуитъ, долго жившій въ Пекинѣ, низвелъ это число до двухъ слишкомъ милліоновъ. Нашъ русскій путешественникъ, г. Тимковскій, ограничился числомъ около 2,000,000. Надо вспомнить, что въ Пекинѣ всѣ зданія въ одинъ этажъ, что нѣкоторые частные дома, неговоря уже о дворцахъ, занимаютъ огромное пространство, что въ самомъ городѣ есть пустыри; а потому никакъ нельзя разсчитывать населенность города по его пространству. Г. Захаровъ, котораго обширная и дѣльная статья о народонаселеніи Китая помѣщена въ *Трудахъ Членовъ Пекинской Миссiи*, собралъ, по моей просьбѣ, свѣдѣнія отъ чиновниковъ Палаты Финансовъ, куда поступаютъ ежегодно подробныя вѣдомости о народонаселеніи Китая, и по этимъ свѣдѣніямъ оказывается, что число жителей въ Пекинѣ въ 1845 и 1846 годахъ было 1,648,814 а въ 1849 г. оно возрасло до 1,700,500; съ предмѣстями же, подчиненными пекинскому полицейскому управленію, народонаселеніе простирается до 3,000,000. За неимѣніемъ изданныхъ официальныхъ документовъ

объ этомъ предметѣ, мы готовы признать это число довольно близкимъ къ истинѣ, тѣмъ болѣе, что оно согласно съ показаніями самихъ Китайцевъ и съ собственными нашими вычисленіями.

Городъ раздѣляется на Ней-ченъ, внутренній, и Вай-ченъ внѣшній. Первый, по завоеваніи Китая, Маньчжурь заняли собственно для себя; второй—китайскій или купеческій городъ. Впоследствии, однако, Китайцы нашли средство купить у промотавшихся Маньчжуровъ большую часть ихъ земель и занять ихъ своими домами и, по преимуществу, лавками. Во внутреннемъ городѣ находится такъ-называемый красный или императорскій городъ, Хуан-ченъ, и въ немъ собственно Цзы-цзин-ченъ, дворцовый городъ.

Первымъ предметомъ посѣщенія и любимѣйшимъ мѣстомъ прогулки нашихъ миссіонеровъ обыкновенно бываетъ Лю-ли-чанъ: это длинная улица въ *китайскомъ городѣ*, почти исключительно занятая книжными лавками. Здѣсь каждый книгопродавецъ знаетъ Русскихъ, которые обогащаютъ наши обширныя бібліотеки, миссіонерскую въ Пекинѣ и Азіятскаго Департамента въ Петербургъ, и пріобрѣтаютъ для себя книги, относящіяся до предмета занятій каждаго изъ нихъ. Русскій здѣсь всегда желанный гость; его усаживаютъ, потчуютъ, разсказываютъ ему городскія новости и предлагаютъ все, что выходитъ новаго въ кругу наукъ и искусствъ. Романами обыкновенно завалены задніе ряды лавокъ, и надо сознаться, что они расходятся здѣсь въ огромномъ, поражающемъ числѣ экземпляровъ. Завсѣмъ тѣмъ новыхъ романовъ выходитъ мало;

извѣстностью пользуются большею частью старинные романы, которые перепечатываются сотнями изданій и продаются по чрезвычайно дешевой цѣнѣ, сравнительно съ цѣнами книгъ въ Европѣ. Главнѣйшая тому причина—дешевизна бумаги. Печатаніе производится посредствомъ рѣзбы на деревѣ. Иезуиты пробовали—было ввести типографскіе станки, но это не привилось къ китайскому книгопечатанію; оно и понятно: почти физически невозможно отлить шрифтъ всѣхъ употребляемыхъ въ Китаѣ знаковъ или словъ; а составленіе каждаго слова, изъ основнаго ключа и слѣдующей къ нему привязки, заняло бы несравненно болѣе времени, чѣмъ нужно для рѣзбы; притомъ же и самая рѣзба на деревѣ очень дешева.

Почти несомнѣнно можно сказать, что изобрѣтеніе книгопечатанія не дѣлю случая, но потребность народа. Въ Китаѣ книгопечатаніе было извѣстно, конечно, несравненно ранѣе, чѣмъ въ Европѣ. Изобрѣтеніе его относятъ къ половинѣ X столѣтія нашей эры, за нѣсколько лѣтъ до воцаренія династіи Сунъ, когда пять династій (Ву-дай) въ-теченіе 50 лѣтъ непрерывно смѣняли одна другую. Въ то время существовали уже знаменитые писатели въ Китаѣ и жажда къ чтенію быстро развивалась. Сначала слова изсѣкали на камнѣ; чтобъ перевести ихъ на бумагу, покрывали тушью весь камень, и слова отпечатывались бѣлыми на черномъ фонѣ; впоследствии уже придумали вырѣзывать ихъ рельефно. Для рѣзбы большею частью употребляютъ доски изъ грушеваго дерева, извѣстныя въ Китаѣ подъ названіемъ ли-му. Печатаютъ обыкновенно только на

одной сторонѣ листа, потому что бумага очень тонка, и для этого не употребляютъ пресса, а наложивъ бумагу на доску, слегка поводятъ по ней чистой и мягкой щеткой. Несмотря на эту, повидимому, медленную манипуляцію, ловкій работникъ, вооруженный двумя щетками—одною, напитанной тушью, а другою чистой—легко можетъ оттиснуть 1500 экземпляровъ въ день. Изданіе книгъ въ Китаѣ, особенно ученаго содержанія, роскошно и красиво, за исключеніемъ картинокъ, гдѣ онѣ приложены; рѣзба послѣднихъ очень несовершенна; но нѣтъ сомнѣній, что Китайцы, воодушевленные неистощимымъ для Европейцевъ терпѣніемъ, въ скоромъ времени приобрѣли бы навыкъ къ этой работѣ и, вѣроятно, превзошли бы европейскихъ рѣзчиковъ, если не вкусомъ, то тонкостью работы. Китайская бумага принимаетъ чрезвычайно хорошо рѣзбу на деревѣ, а употребляемая для этого превосходная китайская тушь слишкомъ извѣстна, чтобъ распространяться о ней.

Изобрѣтеніе бумаги относится къ концу I вѣка нашей эры. Прежде Китайцы писали на шелковой или бумажной матеріи, и еще прежде чертили свои іероглифы на бамбуковой плевѣ.

Лю-ли-чанъ получилъ свое названіе отъ бывшаго тутъ нѣкогда казеннаго завода для приготовленія изразцовъ; нынѣ заводъ переведенъ за городъ. Каждый годъ, въ началѣ перваго мѣсяца, тутъ бываетъ ярмарка, и толпы гуляющихъ съ утра до ночи тѣснятся на небольшой площадкѣ, на которой она располагается.

ГЛАВА II.

Сяо-ши, рынокъ. — Памятникъ Ю-фей. — Жертвенники Небу и Изобрѣтателю Земледѣлія; обрядъ провѣденія борозды императоромъ. — Брачныя обряды; разводъ; право наследства въ семействахъ.

Я слишкомъ далѣкъ отъ мысли писать подробный путеводитель (guide) по столицѣ Поднебеснаго Государства. Въ полной увѣренности, что большинство читателей не будетъ въ Пекинѣ, избавляю ихъ отъ подробнаго исчисленія мостовъ, улицъ, замѣчательныхъ зданій, общественныхъ мѣстъ и проч., и поведу ихъ туда, куда особенно влекло и гдѣ приковывало меня мое собственное любопытство.

Едва ли не болѣе всего поражаютъ иностранца въ Пекинѣ, — послѣ императорскихъ дворцовъ и садовъ, которыхъ мы посвятимъ особую статью, — храмы, или, правильнѣе, жертвенники; нельзя даже назвать ихъ жертвенниками по тѣмъ понятіямъ, которыя мы привыкли соединять съ этимъ словомъ: это только буквальный переводъ китайскаго слова *тхань*.

Читателю извѣстно, что высшее сословіе Китая, чиновничество и ученые, слѣдуютъ конфуціеву ученію, его нравственной философіи, которая замѣняетъ имъ религію, смѣются надъ всѣми религіозными сектами и съ одинаковымъ пренебреженіемъ смотрятъ на поклонни-

ковъ Будды и Мухаммеда. То, что мы называли здѣсь жертвенниками, не есть мѣсто, посвященное общественной молитвѣ и поклоненію, — нѣтъ; оно недоступно для народа. Любопытный можетъ проникнуть сюда только посредствомъ небольшой дани привратникамъ и чиновникамъ. Одному императору предоставлено оно: сынъ неба приноситъ здѣсь жертвы и, конечно, не иначе, какъ по опредѣленному церемонаіалу, въ извѣстное время, сопровождаемый извѣстными людьми; въ случаѣ болѣзни своей онъ посылаетъ, для совершенія закономъ положеннаго обряда, вмѣсто себя, одного изъ первыхъ сановниковъ государства и, болѣею частью, своего сына. Этихъ немногихъ словъ, я полагаю, достаточно будетъ на первый разъ для уразумѣнія предмета.

Жертвенники Небу и Изобрѣтателю Земледѣлія великолѣпнѣе и примѣчательнѣе всѣхъ, находящихся въ Пекинѣ и его окрестностяхъ. Мы рѣшились осмотрѣть ихъ въ одинъ день, да еще по дорогѣ посѣтить Сяо-ши, нѣчто въ родѣ нашего Толкучаго Рынка, и потому отправились спозаранку. Разстоянія въ Пекинѣ чрезвычайно велики, дорога гадка и тряска, и мы пріѣхали къ Сяо-ши, когда народъ уже начиналъ расходиться. Впрочемъ, не о чемъ было и жалѣть: торжокъ этотъ, собирающійся каждый день рано, чуть не на разсвѣтъ, на узкой и грязной площадкѣ, и продолжающійся часовъ до десяти утра, по преимуществу посвященъ продажѣ стараго платья, мѣховъ и разной ветоши; толкотня бываетъ страшная; военное сословіе здѣсь господствуетъ.

Направо отъ Сяо-ши храмъ полководцу Ю-фей. Замѣчательно, что этотъ памятникъ поставленъ при ны-

нѣшней династіи, императоромъ Кан-си, между-тѣмъ, какъ Ю-фей былъ однимъ изъ защитниковъ китайской династіи противъ Маньчжуровъ и погибъ жертвой клеветы министра Цин-ця, измѣнившаго въ пользу Маньчжуровъ. У воротъ храма двѣ статуи, колѣнопреклоненныя, съ завязанными назадъ руками: эти статуи изображаютъ измѣнника Цин-ця и его жену. Каждый Китаецъ, проходя мимо нихъ, полагаетъ обязанностью плюнуть имъ въ лицо; можетъ-быть, для-того они и поставлены лицомъ къ проходящимъ, спиной къ храму. Отсюда отправились мы къ Храму Неба, вокругъ Цзинъ-юй-чи (Юй-цао-чи), прудовъ съ золотыми рыбами; мѣсто это теперь запущено, грязно; въ мутныхъ ямахъ его можно примѣтить только по временамъ золотистый отливъ плавающихъ рыбокъ, но самыхъ рыбокъ не видно за тиной. Цзинъ-юй-чи пользовалось весьма двусмысленною славой, такъ-что въ порядочномъ обществѣ неприлично было произнести это слово. Теперь городъ выбрасываетъ изъ себя на эти знаменитые нѣкогда пруды самую грязь разврата; и только чернь и солдаты посѣщаютъ ихъ. Цзинъ-юй-чи простираются на югъ до самаго Жертовника Небу.

Тянь-тхань, Жертовникъ Небу, занимаетъ огромное пространство — около пяти верстъ въ окружности, обнесенное каменною стѣной. Само-собою разумѣется, что на этомъ пространствѣ не одинъ только жертовникъ; тутъ множество зданій: храмы, дворцы, тронная, флигеля для помѣщенія чиновниковъ, сараи для жервеннаго скота, кладовыя для храненія жервенныхъ сосудовъ, кладовая для храненія одеждъ, въ ко-

торыя облакается императоръ во время приношенія жертвъ; бойня, зданіе, гдѣ очищается жертовное месо, очагъ, гдѣ сожигается оно, огромныя курильницы, колодцы съ превосходною водой и проч., и проч.; бѣольшая часть этихъ зданій обнесена отдѣльными оградами. Самый жертовникъ представляетъ высокое каменное возвышеніе, около 30 фут. въ вышину и 120 въ поперечникъ при основаніи; оно идетъ вверхъ, съуживаясь, тремя уступами; ступени, ведущія къ нему, выложены бѣлымъ мраморомъ и каждый рядъ обведенъ мраморными же перилами. Число всѣхъ перильныхъ столбиковъ соотвѣтствуетъ числу градусовъ—всего 360. Жертовникъ имѣетъ круглую фигуру; онъ обведенъ стѣной съ четырьмя воротами.

Дѣйствительно, торжественно должно быть зрѣлище императора, этого Сына Неба, въ полномъ облаченіи, на высотѣ, воздвѣгающаго руки къ небу, своему отцу и покровителю, и отдающему отчетъ въ управленіи вѣтренной ему имперіи. Къ сожалѣнію, на самую церемонію жервоприношенія никакъ нельзя попасть никому изъ постороннихъ; на репетиціи, которую обыкновенно дѣлаетъ наканунѣ одинъ изъ сыновей императора случилось бывать нѣкоторымъ нашимъ миссіонерамъ. Въ этотъ разъ нельзя было проникнуть даже на репетицію этой торжественной, одной изъ главнѣйшихъ, если не главнѣйшей церемоніи въ Китаѣ.

За всѣми зданіями остается еще обширное пространство земли, усаженное травой му-сій, на которой откармливается жервенный скотъ. Оживленное живописно-разбросанными группами деревьевъ и отдѣльными ро-

щами, это мѣсто могло бы составить прекрасное гулянье для жителей душиной столицы; но, къ сожалѣнiю, оно, какъ я сказалъ, доступно только для немногихъ избранныхъ, которые могутъ заплатить за право посѣщать его.

Рядомъ съ Жертвенникомъ Небу находится Жертвенникъ Изобрѣтателю Земледѣлiя, Сянь-нун-тхань. Подобно первому, онъ обнесенъ каменною стѣной и состоитъ изъ ряда жертвенниковъ, храмовъ, дворцовъ и различныхъ зданiй, но занимаетъ собою гораздо меньшее пространство. Собственно Жертвенникъ Изобрѣтателю Земледѣлiя четырехугольный; онъ не такъ великъ, футовъ 5 въ вышину и около 48 въ поперечникъ въ основанiи; но недалеко отъ него находится другой курганъ, футовъ 60 вышины, весь обложенный желтыми, блестящими изразцами. На немъ-то, во время церемонiи, разбивается шалатка, въ которой отдыхаетъ императоръ послѣ трудовъ земледѣлiя и откуда наблюдаетъ за окончанiемъ посѣва нивы. По другую сторону Жертвенника возвышается священное зданiе; здѣсь хранится доска со всеми наименованiями Изобрѣтателя Земледѣлiя; передъ совершенiемъ жертвы ее торжественно выносятъ и ставятъ на жертвенникъ.

Для жертвоприношенiя избираютъ счастливый день въ апрѣлѣ: день этотъ называется *хай*. Императоръ, по прибытiи къ изготовленной заранѣе въ оградѣ жертвенника нивѣ, принимаетъ отъ члена Финансовой Палаты плугъ, а отъ пекинскаго генерал-полицеймейстера шелковую плеть и отправляется съ ними по бороздѣ; плеть и плугъ желтаго цвѣта. Въ это время избранные

для церемонiи земледѣльцы поютъ полевою пѣсню съ аккомпаниментомъ музыки. Два почетные старика, изъ земледѣльческаго же класса, ведутъ вола и два поддерживаютъ плугъ. Чиновники Пекинскаго Областнаго Правленiя несутъ сѣмена; членъ Палаты Финансовъ бросаетъ ихъ на нивы. Такимъ образомъ императоръ проходитъ три борозды впередъ и три назадъ; послѣ чего тѣ же чиновники и въ томъ же порядкѣ, съ коленно-преклоненiемъ, принимаютъ отъ него обратно плугъ и плеть. Тогда, по приглашенiю члена Обрядовой Палаты, императоръ входитъ въ палатку, поставленную на холмѣ, а работа продолжается поочередно князьями, членами девяти правительственныхъ мѣстъ, чиновниками Пекинскаго Областнаго Правленiя и оканчивается пекинскими уѣздными правителями и почетными стариками-земледѣльцами. Участвовавшiе въ церемонiи проведенiя борозды самимъ императоромъ, почетные шестидесятилѣтние старики одѣты въ шелковыя цвѣтныя платья, съ нашивками на курмахъ; тѣ же, которые проводятъ борозды вмѣстѣ съ князьями и разными чинами — въ бумажные кафтаны; у всѣхъ шляпы съ шариками, а простые земледѣльцы въ китайчатыхъ рубахахъ и въ валеныхъ шапочкахъ съ кистями.

Въ этотъ же день обрядъ земледѣлiя совершается во всѣхъ областныхъ городахъ начальниками губернiй, разумѣется, съ нѣкоторыми измѣненiями, сообразными съ ихъ саномъ и положенiемъ.

По уборѣ жатвы на нивѣ, воздѣланной руками Сына Неба или подъ его верховнымъ надзоромъ, Пекинское Областное Правленiе сдаетъ собранные рисъ, просо,

пшеницу и бобы въ жертвенный амбаръ, для употребленія во время жертвоприношеній.

Обрядъ этотъ установленъ въ честь Янь-ди, царствовавшего, по китайскимъ преданіямъ, за двадцать осемь вѣковъ до нашей эры. Янь-ди первый научилъ людей воздѣлывать землю и сѣять хлѣбъ, за что благодарные потомки почтили его титуломъ шень-нун-шы, «божественный земледѣлецъ» и стали воздвигать ему жертвенники.

Объденный часъ давно насталъ, когда мы кончили осмотръ жертвенниковъ; но въ здѣшнемъ, удаленномъ отъ центра города углу не было хорошаго трактира и мы, кое-какъ закусивъ въ простой харчевнѣ китайскими жуансами, отправились домой. Дорогой намъ встрѣтился большой поѣздъ съ невестой; развѣвавшіяся перья по угламъ ея носилокъ показывали, что она важнаго происхожденія.

Несмотря на законы, съ точностью опредѣляющіе весь церемоніаль брачнаго союза, количество подарковъ со стороны жениха, роскошь угощенія, даже число музыкантовъ на пиру и носильщиковъ приданаго въ церемоніальномъ шествіи, совершеніе брака, и особенно похоронъ, бываетъ слишкомъ разорительно; нерѣдко бракъ замедляется на цѣлые годы за недостаткомъ средствъ справить свадебный пиръ. Похороны же у бѣдныхъ совершаются только пособіями, которыя родные умершаго приносятъ въ домъ его.

Бракъ въ Китаѣ составляетъ чисто гражданское постановленіе, сопровождаемое извѣстнымъ церемоніаломъ. Отецъ жениха шлетъ къ отцу невесты письмо,

исправляя ея въ замужество, причемъ обозначаетъ годъ, мѣсяцъ и день рожденія сына. Отецъ невесты посылаетъ такъ-называемое отивѣтное письмо, съ обозначеніемъ года, мѣсяца и числа рожденія своей дочери. Отправка и полученіе писемъ сопровождаются извѣстными церемоніями, угощеніемъ посланныхъ, колѣнопреклоненіями и пр.; эти письма замѣняютъ сговоръ и впоследствии служатъ брачнымъ обязательствомъ. Въ день, назначенный для свадьбы, при наступающихъ сумеркахъ, женихъ становится у крыльца залы отцовскаго дома, гдѣ все уже приготовлено къ свадебному пиру. Отецъ, въ приличномъ одѣяніи, выходитъ изъ залы и, по совершеніи возліяній, подзываетъ къ себѣ сына; слуга подаетъ кубокъ, наполненный виномъ, который женихъ принимаетъ, стоя на колѣняхъ, и опоражниваетъ до дна; послѣ чего садится на верховую лошадь и отправляется за невестой. Поѣзжане и женихъ, сопровождаются множествомъ фонарей, носилками невесты и парой гусей, которые играютъ не послѣднюю роль при свадебныхъ церемоніяхъ. Въ домъ невесты происходитъ тоже, что мы видѣли въ домъ жениха, только возліяніе вина совершается матерью; при этомъ отецъ даетъ наставленіе дочери, а мать повторяетъ его. Женихъ начинаетъ свое вступленіе въ домъ невесты, съ поднесенія пары гусей будущему своему тестю; гуси барахтаются и кричатъ благимъ-матомъ, а женихъ въ это время совершаетъ двукратное поклоненіе. Наконецъ, няня выводитъ невесту подъ покрываломъ; женихъ, раскланявшись, подводитъ ее къ носилкамъ,

а няня сажаетъ ее; послѣ чего самъ женихъ садится на лошадь и поѣздъ отправляется назадъ. По приѣздѣ домой, молодые отправляются въ спальню, гдѣ ужь приготовленъ ужинъ; передъ ужиномъ женихъ съ невестой опять, прилично случаю, раскланиваются и тутъ только снимаютъ покрывало съ невесты; за ужиномъ они три раза пьютъ сочetalную чару, потомъ начинается общій пиръ. По окончаніи пира, горничная торжественно приготовляетъ постель въ спальнѣ, куда и входятъ новобрачные. На другой день слѣдуетъ пиръ; далѣе, кажется, на четвертый день, опять подарки и новыя церемоніи, описаніемъ которыхъ я не стану утомлять читателей.

Въ Китаѣ можно имѣть только одну законную жену; но не воспрещается взять наложницу, которая считается въ семействѣ побочною женой и подчинена законной. Впрочемъ, только сыновья императора и князья первыхъ двухъ степеней могутъ имѣть двухъ и трехъ побочныхъ женъ; всѣ прочіе, до простолюдина, должны ограничиться одною наложницей, и то при извѣстныхъ условіяхъ. Если отъ законной жены нѣтъ сына, то мужъ имѣетъ право назначить преемникомъ по себѣ сына наложницы; если же и отъ нея нѣтъ дѣтей, то вправѣ усыновить одного изъ ближайшихъ родственниковъ; а если и ихъ нѣтъ, то можетъ взять сына, прижитаго отъ служанки, или, наконецъ, совершенно постороннее лицо и передать ему по себѣ наслѣдство и свою фамилію. Но во всякомъ случаѣ, онъ не можетъ этого сдѣлать, пока его законной женѣ не минетъ 50 лѣтъ.

Разводъ брака дозволяется въ нѣкоторыхъ случаяхъ, но вообще сопряженъ съ большими затрудненіями. Если жена невѣрна, что, впрочемъ, по китайскимъ законамъ нелегко доказать, то мужъ можетъ продать ее, какъ невольницу. Если чиновникъ женится на публичной женщинѣ, и невольникъ или актёръ женится на дочери чиновника или ученаго, то бракъ расторгается и виновные предаются суду.

Наслѣдство дѣлится поровну между сыновьями законной и побочной жены; незаконные сыновья получаютъ вполнину противъ первыхъ. Если кто умретъ, неоставивъ послѣ себя ни сына, ни приемыша, то имѣніе его переходитъ дочери; если же нѣтъ и дочери, то имѣніе считается выморочнымъ и поступаетъ въ казну.

Бракъ строго воспрещается между семействами, носящими одну фамилію въ восходящей и нисходящей линіи; не дозволяется также жениться Маньчжурамъ и Монголамъ на Китайкахъ, ни выдавать дочерей своихъ за Китайцевъ, чтобъ воспрепятствовать смѣшенію побѣдителей съ побѣжденными, которые, нравственно, ужь почти слились между собою.

ГЛАВА III.

Пурпуровый городъ. — Жилище китайскаго императора. — Цзин-шань и ея дворець. — Сады, кіоски и тронныя; видъ заустыня, господствующій всюду; богатство и роскошь природы. — Приключеніе съ Кв и Сы.

Внутри такъ называемаго Императорскаго Города, въ Пекинѣ, обнесеннаго высокою стѣной, находятся ряды дворцовъ, садовъ, прудовъ и кумирень, вокругъ которыхъ также возвышается огромная стѣна, образуя отдѣльный городокъ, имѣющій около полуверсты въ длину, до трехсотъ сажень въ ширину и болѣе трехъ верстъ въ окружности; городъ этотъ извѣстенъ подъ именемъ Цзы-цзин-чена, Пурпуроваго Заповѣднаго города.

Не только во дворцы, но даже мимо дворцовъ, во внутри Цзы-цзин-чена, воспрещается ходить постороннимъ. Намъ особенно хотѣлось посмотреть дворцовые сады, и, хотя сверху какой-нибудь, вблизи находящейся башни, взглянуть на жилище Сына Неба; для этого нужна была только протекція и, къ счастью нашему, она представилась совсѣмъ неожиданно. У одного изъ членовъ миссіи, посвятившаго себя преимуществу изученію буддійскаго вѣрованія, отыскался знакомый

лама изъ монастыря, лежащаго у самаго дворцоваго сада. Мы отиравились къ нему. Поворотивъ направо отъ Ву-мыньскихъ воротъ, составляющихъ главный въѣздъ во дворцы, мы обогнули почти весь Цзы-цзин-ченъ и прошли позади его между сѣверными башнями и Цзин-шанемъ, гдѣ пускаютъ только однихъ пѣшеходовъ. Цзин-шань, красная гора, одинъ изъ высшихъ пунктовъ города, виденъ отвсюду на низменной равнинѣ Пекина. Цзин-шань называется также каменноугольной горой — Мей-шань, и народъ слѣпо вѣритъ, что эта гора вся изъ каменнаго угля, запасеннаго какимъ-то изъ китайскихъ императоровъ, на случай осады города. Покатости горы поросли роскошными деревьями; между ними мелькаютъ крыши кумирень и дворца; самая вершина образуетъ пять холмовъ, на которыхъ возвышаются пять кіосковъ. Цзин-шаньскій дворець, кажется, теперь весь занятъ побочными женами покойнаго императора, гдѣ онѣ влечатъ самую жалкую жизнь; на содержаніе ихъ отпускается, если не значительная, то достаточная сумма, но служащіе при дворцѣ обкрадываютъ бѣдныхъ затворницъ безсовѣтнымъ образомъ, въ полной увѣренности, что онѣ лишены всякой возможности жаловаться. Съ моста открывается прекраснѣйшій видъ на озеро Тхай-ся-чи, покрытое кіосками, какъ-будто только что всплывшими на воду, и на лежащіе за нимъ императорскіе сады. Мы рѣшились, во что бы то ни стало, проникнуть въ эти сады. Не безъ труда отыскали мы въ одной изъ келій богатаго монастыря знакомаго намъ ламу и наговорили ему множество комплиментовъ и любезностей.

Лама, гордый нашимъ посѣщеніемъ и еще болѣе тѣмъ, что можетъ взять подъ свое покровительство людей довольно важныхъ въ его глазахъ, заслалъ впередъ просителей къ придворнымъ служителямъ и потомъ, поручивъ насъ двумъ другимъ ламамъ, отправилъ въ садъ.

Мы спустились къ ряду кіосковъ, извѣстныхъ подъ именемъ Ву-лунь-тхань, пять драконовыхъ бесѣдокъ; онѣ вдались довольно далеко въ озеро, поросшее сплошь неньюфарами, еще кое-гдѣ выставлявшими изъ яркой зелени свои бѣлоснѣжные запоздалые цвѣты. Изъ этихъ кіосковъ въ первый разъ Пекинъ представилъ намъ чудный видъ, яркій, блестящій, волшебный, во всей красѣ и таинственности Востока. Передъ нами высились массивныя зубчатыя стѣны, окружающія рядъ дворцовъ, въ иныхъ мѣстахъ совсѣмъ сокрытыя вѣтвистою ивой, которая, какъ вѣрный слуга, заслоняла на нихъ прорѣху, или темной зеленью кипарисовъ и бѣлокорыхъ кедровъ. Изъ нихъ высоко взбѣгала къ небу башня, распустивъ въ воздухъ вычурныя крылья и главы драконовъ и другихъ небывалыхъ животныхъ, какъ пучки лентъ, обвитая, словно кружевами, филигравной работы стрѣлками и рѣшетками, и приподнимающая надъ собою крышу надъ крышой безконечною пирамидой, и каждая изъ нихъ въ своихъ загнутыхъ къ верху поляхъ представляла безконечное число едва уловимыхъ взоромъ арабесковъ, знаковъ, стрѣлокъ, украшеній, то золотыхъ, то ярко синихъ, или ярко красныхъ, горѣвшихъ еще ярче на склонявшемся къ горизонту солнцѣ, обдававшемъ, на прощанье, всю природу моремъ свѣта и огня. Какъ хороши—эта изум-

рудная зелень неньюфаровъ, островами лежащая, на голубой, ничѣмъ неколеблемой глади озера; эти гигантскія, роскошныя деревья, свѣсившіяся надъ нимъ, какъ бы для того, что бы посмотриѣться въ зеркаль воды; эти яркіе, фантастическіе рисунки на щитахъ, полузакрытыхъ какою-нибудь чудовищною горой, разумѣется, искусственной, мелкою и смѣшною вблизи, но очень красивою издали; черная тѣнь гротовъ, шумъ и блескъ водопадовъ, тоже искусственныхъ и тоже мелочныхъ для размашистой русской природы, и наконецъ, небо чудное, яркое, синее, прозрачное и рисующіеся по немъ шпигицы Бай-тхы, и воздухъ чистый, ароматическій, которымъ бы не надышался, особенно по выходѣ изъ вонючихъ улицъ Пекина, и эта тишина, нигдѣ невозмутимая, тишина столь отрадная послѣ оглушительнаго шума города! Все это было такъ хорошо, такъ хорошо, что не вышелъ бы изъ этихъ кіосковъ.

И дѣйствительно, лучше и не ходить далѣе. Сады въ запущеніи; все, что природа могла поддержать, спасти отъ истребленія времени, то уцѣлѣло, но на что нужны были руки, деньги, то разрушается, какъ все существующее въ Китаѣ. Множество дворцовъ, устроенныхъ, то для отдыха императрицы послѣ жертвоприношеній въ Храмъ Изобрѣтателю Шелководства, или, правильнѣе, изобрѣтательницъ, потому что ею считается супруга одного Хуан-ди, то для чтенія книгъ императору, то для его увеселеній — все это опустѣло, брошено; иѣкоторые, именно, гдѣ часть книгъ императора, и еще немногіе поддерживаются, а прочіе стоятъ настежь, преданные тлѣнію. Мы свободно бродили въ

ихъ запустѣлыхъ залахъ. Краски не подались и на самыхъ развалинахъ; особенно живописенъ одинъ огромный щитъ, повидимому, поддерживаемый и нынче, съ изображеніемъ драконовъ и другихъ страшилищъ, изъ цвѣтной черепицы, покрытой глазурью, которую, даже вблизи, трудно отличить отъ стекла. Еще кумирня, нѣкогда великолѣпная, отчасти сохранила свой прежній видъ, хотя со столбовъ, испещренныхъ киноварью и золотомъ, висятъ лохмотья холста, которымъ они были оклеены. Много здѣсь способствуетъ къ разрушенію самый способъ постройки. Китайцы, для украшенія своихъ зданій и особенно для колоннъ, вездѣ употребляютъ дерево, какъ матеріалъ чрезвычайно цѣнный. Огромные столбы составляютъ роскошь дворцовъ, и часто два или три изъ нихъ стоятъ то, что стоила бы цѣлая колоннада изъ мраморовиднаго известняка, находящагося недалеко отъ Пекина. Правда, здѣсь употребляютъ всѣ средства, чтобъ сохранить дерево отъ гніенія; его смолятъ, обклеиваютъ пропитанною масломъ клеенкой, красятъ и покрываютъ лакомъ; но противъ сокрушительнаго дѣйствія періодическихъ дождей, трудно ему долго устоять, особенно при хозяйственныхъ распоряженіяхъ китайскаго правительства, которое оставляетъ свои постройки безъ всякой поддержки, до извѣстныхъ сроковъ, то-есть, почти до совершеннаго разрушенія.

Я ужь сказалъ, что не только входъ во дворцы, гдѣ живетъ императоръ, его семейство и жены, но даже и приступъ къ нимъ воспрещенъ; и такъ, пользуясь покровительствомъ ламы, пойдемъ въ монастырь

Юнь-ань-сы, *вѣчнаго покоя*, и посмотримъ хотя издали на жилище Сына Неба. Не обращайтесь вниманіе на жалкія, испитыя лица находящихся тутъ ламъ, избличающихъ ихъ евнушество — это въ порядкѣ вещей; внутри азіатской дворцовой стѣны иначе и быть не можетъ. Монастырь лежитъ у озера, на крутомъ и живописномъ искусственномъ возвышеніи, поросшемъ деревьями и извѣстномъ въ Пекинѣ подъ поэтическимъ названіемъ *весеннихъ тѣней*. Взойдемъ на башню, откуда видна большая часть Пекина, и глаза ваши прежде всего невольно остановятся на живописно-бронешной среди воды бесѣдкѣ, извѣстной также подъ неменѣе-поэтическимъ названіемъ *осенняя вѣтерка*. Тутъ, однажды въ годъ, зимою, повелитель Китая смотритъ какъ солдаты катаются на конькахъ, и искуснѣйшихъ самъ удостоиваетъ награды. Но обратимся ко дворцу и тамъ, куда не досягнетъ глазъ, будемъ слѣдовать за извѣстнѣйшими китайскими описаніями, которыя очень подробны во всемъ, что относится до жилищъ императорскихъ, а не то послушаемъ очевидцевъ, явившихся сюда для поклоновъ или на страшный для нихъ экзаменъ.

На юго-западѣ, къ Вы-мыньскимъ воротамъ, находится святилище Цзы-цзи-чена. Чиновники входятъ сюда изъ-подъ восточной арки, а принцы крови изъ-подъ западной. Императоръ въѣзжаетъ въ среднія ворота, и въ то время, когда онъ шествуетъ, бьютъ съ башни въ колоколъ или литавру, смотря потому, куда ѣдетъ императоръ: въ храмъ ли, для поклоненія, или въ Правительственный Совѣтъ. Когда же повелителю Ки-

тая представляют плѣнныхъ (что нынче нечасто случается), то онъ принимаетъ ихъ, сидя въ башнѣ, что надъ воротами. Церемонія приѣма, по словамъ отца Иакинѳа, состоитъ въ томъ, что плѣннымъ ломаютъ тисками ножные щиколки и строгаютъ тѣло бамбуковыми ножами. При насъ не приводили плѣнныхъ въ Пекинъ. Пройдите дворъ и вступите во вторыя ворота: вамъ представится зданіе продолговатое, по-дѣйствію высокое (въ Китаѣ дома и дворцы строятся въ одинъ этажъ, кромѣ, развѣ, надстроекъ для библиотекъ), съ деревянными раскрашенными полотнами, спускающимися съ кровли, покрытой глазурью, и съ различными, взбѣжавшими поверхъ нея фигурками изъ черепицы; зданіе съ высокимъ крыльцомъ, обведеннымъ мраморными перилами, съ бронзовой черепахой и еще какимъ-то чудищемъ на крыльцѣ, предназначеннымъ занимать почетное мѣсто во время жертвоприношеній: это зданіе — тронная, одна изъ многихъ тронныхъ, которая носитъ громкое имя *совершенной стройности и порядка въ природѣ*. Внутренность ея проста, если судить по тѣмъ понятіямъ, какія мы имѣемъ о дворцахъ. Тронъ возвышается нѣсколькими ступенями отъ пола; это—довольно широкое кресло, изъ весьма дорогаго дерева, украшенное искусною рѣзбой и инкрустаціей.

У насъ былъ пріятель Сы, человекъ отъ природы кроткій и добрый; но онъ превращался въ льва—стоило только заговорить объ этой тронной. Это для него былъ предметъ воспоминаній тяжелыхъ, предметъ разсужденій, несовсѣмъ оправдывавшихъ ту апатію, которую

такъ ясно выражали его лицо и полузакрытые глаза. Надо сказать, что въ этой тронной, между-прочимъ, происходитъ испытаніе на высшую ученую степень. Повелитель Китая рѣдко выходитъ самъ въ тронную, но поручаетъ испытаніе одному изъ своихъ приближенныхъ, или высылаетъ написанные своею рукою вопросы, и потомъ разбираетъ отвѣты или, правильнѣе, диссертациі экзаменующихся. Сы, въ качествѣ Маньчжура, могъ проложить себѣ дорогу высоко къ чинамъ и почестямъ; ему только нужно было получить высшую ученую степень дзынь-ши. Не безъ трепета въ сердцѣ явился онъ на экзаменъ. Это сердечное замѣраніе происходило оттого, что, кромѣ громкаго имени Маньчжура, кромѣ самаго знанія, нужно еще *нѣчто* немнѣе важное, чтобъ выдержать въ Китаѣ экзаменъ. Этого *нѣчто*, то-есть, денегъ, было недостаточно у Сы; но онъ былъ твердо убѣжденъ въ своихъ знаніяхъ и потому не терялъ надежды. Дѣйствительно, обладая прекрасною памятью, онъ зналъ наизусть чуть ли не оба Четыре- и Пяти-книжія. Ожидая своей очереди, Сы разсматривалъ знакомую уже ему тронную, въ которой только и было замѣчательнаго, что двѣ-три фарфоровыя вазы, нѣсколько знаменитыхъ изреченій, начертанныхъ золотыми буквами на стѣнахъ, или свитками спускавшихся сверху (одно изъ нихъ было написано рукою императора и почиталось перломъ каллиграфіи) и наконецъ прудокъ съ золотыми рыбками, который приковалъ все вниманіе Сы. Напрасно несчастный силится оторвать отъ него свои взоры: едва отводилъ ихъ и опять какая-то невидимая сила притя-

гивала туда же, гдѣ его глаза встрѣчались съ парюю другихъ большихъ глазъ и оставались неподвижными одни противъ другихъ; эта другая пара глазъ принадлежала золотой рыбкѣ, плававшей въ прудѣ; но суетврный Китаецъ увѣрялъ не шутя, что это былъ духъ Кё, одного изъ его умершихъ родственниковъ, съ которыми, какъ и со всею роднею своею, онъ былъ въ постоянной враждѣ; только Кё могъ принять видъ рыбы для того, чтобъ выместить на своемъ родственникѣ и ссору съ нимъ и свое прежнее посрамленіе въ этой же тронной. Откуда Сы все это такъ ясно выразумѣлъ — не знаю; но, отдавая справедливость дару его прорицанія, я долженъ замѣтить, что онъ былъ для Китаица неменѣе пагубенъ, какъ и для вѣщей Кассандры. Мучимый этими мыслями, Сы едва понималъ предложенный ему вопросъ, состоявшій въ томъ, чтобъ объяснить: «въ какихъ книгахъ, въ какихъ словахъ, какими учеными и въ какомъ мѣстѣ книгъ говорится объ отношеніи родственниковъ между собою, и какія опредѣленія представляютъ наиболѣе основаній?» Онъ слышалъ только, что рѣчь идетъ о родственникахъ, и уже несомнѣнно убѣдился въ вмѣшательствѣ Кё въ дѣло экзамена. Вопросъ самъ по себѣ былъ нетруденъ, потому что ученые преимущественно занимались изслѣдованіемъ отношеній сына къ отцу и къ матери, а на другія родственныя связи почти не обращали вниманія; только немногіе упоминаютъ о нихъ; но изъ головы Сы не выходилъ Кё и, какъ злая судьба, парилъ надъ нимъ. Онъ едва могъ собраться съ силами или, какъ онъ выражался, найдти въ себѣ

середину, и началъ чертить отвѣтъ. Сы увѣрялъ, что его строки, какъ зеркало, представили все изслѣдованія древнихъ и новыхъ писателей по этому предмету, и мы готовы вѣрить; но экзаменаторы нашли, что въ иныхъ буквахъ не доставало нѣсколькихъ черточекъ, нужныхъ для полноты ихъ, вслѣдствіе чего нѣкоторые іероглифы выражали не то, что имъ слѣдовало выражать, а потому отказали Сы въ степени дзынь-ши.

Послѣ того нашъ Маньчжуръ не являлся ужъ болѣе на экзамены, не рѣшаясь идти противъ судьбы, и путь къ высшимъ должностямъ ему закрытъ. Только теперь, спустя десять лѣтъ послѣ несчастнаго приключенія, получилъ онъ бѣлый прозрачный шарикъ и назначенъ однимъ изъ младшихъ чиновниковъ на кладбищѣ нынѣшней династіи.

Въ связи съ судьбою Сы и съ Тронной Совершеннаго Порядка въ Природѣ, надо рассказать происшествіе, случившееся здѣсь съ Кё, который такъ неожиданно предсталъ мстителемъ въ видѣ золотой рыбки. Происшествіе это случилось при нынѣшнемъ императорѣ и еще на памяти у многихъ.

Въ этой тронной повелитель Китая принимаетъ также чиновниковъ, назначаемыхъ къ новымъ должностямъ и повышаемыхъ въ чинахъ, для чего передъ дворцемъ, на площадкѣ, поставлено девять мѣдныхъ столбиковъ, съ обозначеніемъ, какіе чины гдѣ должны стоять при совершеніи колѣнопреклоненій, начиная съ первой до девятой степени включительно — по одну сторону статскіе, по другую военные, по десяти чловѣкъ въ линію; больше едва-ли можетъ и помѣ-

ститься. Кё представлялся по случаю отъезда своего въ провинцію, и находился, въ числѣ десяти другихъ, у столбика четвертой степени. Ему ли, дослужившемуся до такой важной степени, не знать было обряда колѣнопреклоненія съ земными поклонами *трижды по трижды*, когда это составляетъ въ Китаѣ предметъ первоначальнаго образованія для всякаго благовоспитаннаго юноши; но обомлѣли ль у него колѣни, или, просто, по разсѣянности, только онъ вздумалъ подняться, когда другіе только что прильнули лбами къ плитѣ помоста. Не говорю ужь, что въ такомъ несвоевременномъ исполненіи обряда нарушенъ былъ порядокъ церемоніи и, слѣдовательно, *гармонія и стройность природы*, — несчастный Кё невольно отступился назадъ, потому-что полу его кафтана прищемиль лбомъ слѣдующій за нимъ чиновникъ; этотъ, занятый своимъ дѣломъ и вовсе неожиданный толчка, подался назадъ и чуть не повалиль другаго; такимъ образомъ цѣлая линія китайскихъ чиновъ пришла въ совершенное разстройство; впрочемъ, несмотря на всю трудность положенія, ни одинъ изъ нихъ не упалъ, но все-таки былъ нарушенъ порядокъ церемоніала, за что Кё былъ разжалованъ, а прочіе девять человекъ понижены чинами.

За тронной опять обширная тронная, четырехугольная, съ круглою кровлей; за ней, въ другомъ дворѣ, еще тронная, а за слѣдующими за тѣмъ воротами, Цян-цин-мынь, дворъ, на противоположномъ концѣ котораго стоитъ императорскій дворецъ. Кровля изъ черепицы, покрытой ярко-желтою глазурью, въ сол-

нечный день горитъ надъ нимъ, какъ золотая. Внутренность дворца мало отличается отъ частныхъ жилищъ богатыхъ людей; перегородки изъ чернаго дерева, украшенныя искусною рѣзьбой; фонари, живописно спускающіеся съ потолка; картины, между которыми нѣсколько европейской работы Кастельони; множество нефритовыхъ *ванъировъ*, вещицъ, которыми и названія нѣтъ по-русски, нѣсколько бронзовыхъ часовъ: между ними замѣчательны двое, представляющіе слона и дракона, чрезвычайно дорогой европейской работы; есть даже одно или два зеркала; окна въ иныхъ комнатахъ еще заклеены бумагой, не потому, чтобъ нельзя было достать стеколъ, а потому, что находятъ это удобнѣе. Многіе Китайцы не шутя увѣряютъ, что стекла, пропуская въ комнаты много свѣта, не защищаютъ ихъ и отъ холода. Далѣе — еще тронная; наконецъ, въ особомъ же дворѣ, обнесенномъ стѣной, дворецъ императрицы; отсюда, черезъ крѣпостныя ворота, входъ въ Бай-ха-сы, о которыхъ мы уже говорили. Тѣмъ оканчивается этотъ рядъ зданій на сѣверъ; но по бокамъ его находится безчисленное множество отдѣльных зданій и дворовъ, дворцовъ различныхъ членовъ императорскаго семейства, храмовъ, тронныхъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ свое особенное назначеніе — для приѣма въ извѣстныхъ случаяхъ извѣстныхъ лицъ, различныхъ училищъ, начиная отъ высшаго, гдѣ оканчиваютъ ученіе дѣти первыхъ сановниковъ, до того, впрочемъ, неменѣе важнаго, гдѣ приготавливаются дѣвицы въ прислужницы при

китайскомъ дворѣ; нѣсколько библіотекъ, типографій, экипажныхъ заведеній, кладовыхъ неизчислимыхъ названій, домовъ, гдѣ приготавлиются и гдѣ хранятся императорскія одежды и проч. Словомъ, тутъ цѣлый городъ, предназначенный для потребностей, для пользы, или удовольствій повелителя Китая и его многочисленнаго семейства.

ГЛАВА IV.

Хуан-ди, императоръ.—Названіе его правленія и династии; свѣдѣніе въ опредѣленіи ихъ.—Общественная и домашняя жизнь Хуан-ди.—Взяточничество и недостатокъ денегъ въ Китаѣ.—Интриги.—Дряхлость и болѣзни нынѣшняго Хуан-ди.

Правленіе нынѣшняго императора носитъ названіе Дао-гуань, Свѣтлый Законъ или Свѣтъ Закона. Правленіе династии (маньчжурской) — Цинъ, ясный; имя императора, — но въ Китаѣ большая невѣжливость назвать когонибудь по имени; что же касается до императора, то, по восшествіи его на престолъ, особеннымъ указомъ запрещается употреблять іероглифъ, изображающій его имя. Хуан-ди, императоръ, *одинъ* надъ вселенной, и безъ имени всѣмъ извѣстенъ. По смерти же ему опредѣляютъ наименованіе, сообразное съ его дѣлами и качествами, и подъ этимъ наименованіемъ онъ заносится въ исторію. Покойный императоръ царствованія Цзя-цинъ (Кіа-Кингъ, по южному и, слѣдовательно, европейскому выговору) по смерти наименованъ Жуй-ди. Западные Европейцы именемъ правленія обыкновенно называютъ самихъ государей китайскихъ. Чтобъ не перепутать въ умѣ читателей

еще болѣе названія государей, которые до вступленія на престолъ носятъ одно имя, послѣ вступленія не имѣютъ никакого и извѣстны по имени своего правленія, а по смерти, наконецъ, получаютъ еще новое названіе, мы находимся почти въ необходимости слѣдовать системѣ прочихъ Европейцевъ. Дѣйствительно, кто изъ читателей, несовсѣмъ посвященныхъ въ тайны китайской исторіи, догадается о комъ идетъ рѣчь, когда мы произнесемъ имя Жен-ди, а между тѣмъ это по-смертное, настоящее имя всѣмъ извѣстнаго, знаменитѣйшаго изъ государей, Кан-си, то-есть, правленіе Кан-си.

Обстоятельства сопутствовавшія возшествію на престолъ Дао-Гуана, подверглись нѣкоторымъ толкамъ и сомнѣніямъ. Извѣстно, что право наследія опредѣляется не столько закономъ, сколько духовнымъ завѣщаніемъ предшествовавшаго богдохана. Въ посмертномъ указѣ, объявляемомъ обыкновенно отъ имени вдовы его, дѣйствительно назначенъ былъ наследникомъ нынѣшній Хуан-ди (*); но китайскіе казуисты вѣряли, что объявленная духовная подложная, что Жуй-ди, умершій скоропостижно отъ апоплексіи во время жертвоприношеній, не успѣлъ сдѣлать ее. Къ этому присоединилось другое замѣшательство: при Хуан-ди, куда бы онъ ни выѣзжалъ, возять гробъ; на этотъ разъ, какъ нарочно, забыли взять гробъ въ Жехе; надо было выслать его изъ Пекина тайно, чтобы никто незамѣтилъ, иначе не сдобровать бы министрамъ за

(*) Это было писано до смерти его.

свою безопасность въ такомъ важномъ дѣлѣ. Между тѣмъ вселенная не могла оставаться и дня, безъ Хуан-ди, не возбудивъ всеобщаго ропота, а можетъ быть и беспорядковъ; въ общей суматохѣ одинъ изъ монгольскихъ князей произнесъ имя нынѣшняго Хуан-ди, а когда провозглашенный такимъ образомъ наследникъ явился во дворецъ, Сигунъ, о которомъ я еще буду говорить, первый совершилъ передъ нимъ колѣнопреклоненіе; его примѣру послѣдовали другіе и такимъ образомъ возведеніе на престолъ исполнилось по принятому обычаю.

Нынѣшній Хуан-ди не славится большею ученостію, — а ученость составляетъ одно изъ главныхъ достоинствъ повелителя и гражданина въ Китаѣ. Правда, онъ издалъ свои стихотворенія, написалъ нѣсколько предисловій къ извѣстнѣйшимъ ученымъ сочиненіямъ своего времени, что, по словамъ Китайцевъ, придало имъ и жизнь и свѣтъ; но вообще, говорятъ, что и стихи и прозу писали за него такъ-называемые члены академіи, а онъ только выставлялъ свое имя. Отецъ его, покойный императоръ, и братья-принцы гораздо образованнѣе его; а дѣдъ, извѣстный Цянь-лунъ, былъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ поэтовъ и ученыхъ своего времени. Цянь-лунъ любилъ роскошь, былъ слишкомъ щедръ и въ его время искусства, художества и мануфактуры, упадавшія съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе, процвѣтали. Дао-Гуанъ славится, или, правильнѣе сказать, славился, какъ искусный стрѣлокъ, особенно изъ лука. Теперь, подъ старость лѣтъ, онъ не въ состояніи натянуть тугой тетивы, а то бывало, на

ученья своего отборнаго отряда, часто самъ показывалъ солдатамъ какъ должно стрѣлять; всякій ударъ его, говорятъ, считался мастерскимъ; никто не смѣлъ соперничать съ нимъ. Онъ хорошо стрѣляетъ и изъ ружья; самъ выдумалъ какое-то ружье-чудище; на войнѣ его несутъ два человѣка спереди на жерди и одинъ, который стрѣляетъ, сзади за прикладъ. Нѣчто подобное извѣстно было въ Германіи вскорѣ послѣ изобрѣтенія пороха.

Повелитель Китая, живущій въ самомъ Пекинѣ или въ 12 верстахъ отъ него, въ Хай-тянѣ, по-крайней-мѣрѣ за девятью стѣнами, никогда не видитъ своего народа и народъ не видитъ его. Когда Хуанъ-шань (такъ называютъ Китайцы императора въ разговорѣ между собою,) проѣзжаетъ по улицамъ Пекина—что, впрочемъ, рѣдко случается, — съ нихъ все сметаютъ: народъ прежде всего, потомъ грязь, и всякій мусоръ; убиваютъ балаганы и лавчонки со всякимъ хламомъ, прогоняютъ собакъ и свиней. Всѣ переулки занавѣшиваются. Дорогу посыпаютъ желтымъ пескомъ. Прежде Хуан-ди всегда ѣздилъ верхомъ; теперь иногда показывается въ носилкахъ. Сидитъ онъ неподвижно, ровно, не поведетъ глазомъ, не повернетъ головою во всю дорогу, и потому-то любопытные иногда рѣшаются взглянуть сквозь щель воротъ или окна на Сына Неба въ полной увѣренности, что онъ ихъ не замѣтитъ. Въ числѣ этихъ любопытныхъ были и мы; забравшись въ лавку знакомаго намъ столяра-христіанина, въ которой перебивало съ тою же цѣлью столько русскихъ миссій, мы успѣли разсмотрѣть Хуан-ди довольно ясно, тѣмъ

болѣе, что противъ самой лавки смѣняли носильщиковъ. Императоръ на лицо старѣе лѣтъ своихъ: онъ очень дряхлъ и смуглъ; жидкіе усы и еще жиже борода прикрываютъ большую часть маленькаго съезжившагося лица; лобъ не высокъ и сливался съ линіею носа; губы сжаты; ротъ малъ; зубовъ онъ лишился на 35 лѣтнемъ возрастѣ; щеки ввалились. Толпа солдатъ, слугъ и всякаго рода чиновниковъ, всего человѣкъ до 1,000, сопровождало его и оживляло широкую улицу, на которой воцарилась было тишина могильная, послѣ всегдашняго гаму и шуму, господствующихъ въ улицахъ Пекина.

Нынѣшній богдоханъ не любитъ своей мачихи, но, по наружности, отдаетъ ей всѣ почести; черезъ каждые три дня онъ является въ ея дворецъ, для колѣнопреклоненій и Хуан-хоу, только изъ почтенія къ его лѣтамъ и сану, подкладываетъ ему въ это время своими руками подстилку. Свиданіе должно продолжаться извѣстное время: время для обоихъ довольно тягостное. Говорятъ, что онъ мало-по-малу сталъ уклоняться отъ выполненія своихъ обязанностей въ отношеніи къ Хуан-хоу; но это едва ли правда, потому-что, въ случаѣ ея жалобы въ Обрядную Палату, такое несоблюденіе сыновняго почтенія представилось бы какъ самое ужасное преступленіе передъ цѣлымъ Китаемъ. Въ опредѣленные закономъ дни, какъ-то: въ день ея рожденія, въ новый годъ и другіе—Хуан-ди является къ ней для колѣнопреклоненія со всѣми первыми чинами государства.

Хуан-хоу, жена императора, скончалась; но ни она,

ни тѣмъ менѣе младшія жены не могли имѣть вліяніе на дѣла. Строгій этикетъ опредѣляетъ поведеніе Хуан-хоу и младшихъ женъ. Остаются евнухи; они постоянно обращаются во внутреннихъ покояхъ богдохана, а потому болѣе или менѣе имѣютъ вліянія на дѣла управленія государствомъ. Бывали примѣры, что иные изъ нихъ возвышались до степени министровъ. Можно себѣ вообразить поведеніе этихъ людей, корыстныхъ, всегда озлобленныхъ противъ свѣта, вымѣщающихъ на немъ и свое физическое безобразіе и все лишенія, на которыя судьба обрекла ихъ. Нынѣшній Хуан-ди, вообще суровый въ домашнемъ быту, не только не имѣетъ любимцевъ и довѣренныхъ изъ евнуховъ, но даже жестоко съ ними, отчего бывають нерѣдкіе побѣги. Еще недавно онъ едва забылъ бамбуками своего докладчика, лице довольно важное, носящее на шапкѣ синій прозрачный шарикъ, и сослалъ его въ Маньчжурію. Этому евнуху 70 лѣтъ и онъ служилъ при трехъ властителяхъ.

За всеѣмъ тѣмъ, однако, трудно предположить, что бы до слуха Хуан-ди не доходили хотя нѣкоторыя изъ множества вопіющихъ злоупотребленій, которыя совершаются въ Китаѣ.

Разскажемъ поразительный примѣръ всеобщаго взяточничества и воровства чиновниковъ, примѣръ, неподверженный сомнѣнію и доказанный официальными изслѣдованіями. Въ Китаѣ сложная и строгая отчетливость въ казенныхъ деньгахъ, по видимому, лишаетъ всякой возможности украсть ихъ, по-крайней-мѣрѣ прямо изъ казначействъ, которыя безпрестанно ревни-

зуются; а между тѣмъ, когда послѣ первой контрибуціи Англичанамъ, хватились денегъ, значущихся по отчетамъ въ казначействахъ различныхъ провинцій и Пекина, денегъ неоказалось. Итогъ этой расхищенной суммы представляетъ ужасную цифру, едва ли не сотню милліоновъ рублей.

Хуан-хоу, младшія жены и все прислужницы избираются исключительно изъ Маньчжурокъ, для того, что бы предохранить кровь Хуан-ди отъ иноплеменнаго смѣшенія. Правда, при нынѣшней династіи была возведена въ старшія жены Китайка; но это по особому случаю, по невѣденію, обманомъ. Это была мать извѣстнаго Цинь-луна. Первоначально она попала во дворецъ, какъ прислужница. Маньчжуръ изъ императорскаго удѣла, которому пришлось по очереди поставить дѣвушку во дворецъ, жалѣя разстаться съ дочерью, купилъ какую-то бродячую Китайку, говорятъ, актрису, распустилъ ей ноги, одѣлъ въ маньчжурское платье и подъ именемъ своей дочери отправилъ въ Пекинъ. Хуан-ди понравилась дѣвушка; онъ или не зналъ ея происхожденія или не хотѣлъ знать его, и подъ именемъ Маньчжурки ввелъ во дворецъ, а потомъ возвелъ на степень Хуан-хоу. Это событіе осталось памятнымъ въ народѣ по своимъ послѣдствіямъ. Немногія благотворительныя заведенія, существующія въ Пекинѣ, какъ-то: родильный домъ, пріютъ для нищихъ, и тому подобныя—все это дѣло ея рукъ или мысли. Она то настояла, что бы богдоханъ запретилъ женщинамъ играть на театрѣ. Не говорю уже о томъ, что званіе актера и актрисы почитается самымъ предосуди-

тельнымъ въ Китаѣ и лишаетъ человѣка, посвящающаго себя этому званію, почти всѣхъ гражданскихъ правъ, замѣчу, что и мальчики, которыя играютъ женскія роли, осуждены какъ бы самимъ условіемъ на весьма жалкое положеніе въ свѣтѣ; каково же должно быть состояніе женщины-актрисы, когда онѣ допускались на сценѣ!

Сколько преданія, столько и законъ съ точностію опредѣляютъ правила общественной и семейной жизни богдохановъ: по духу закона и по условію жизни онъ одинокъ, чуждъ общества. Кромѣ извѣстныхъ выѣздовъ для жертвоприношеній, въ загородные дворцы Хай-тянь или Жехе и изрѣдка на облаву въ Маньчжурію, выѣздовъ, сопровождающихся предосторожностями, которыя мы видѣли, китайскій императоръ не выходитъ изъ ограды своего дворца, непоказывается народу, невидитъ его. Сынъ Неба и безъ того все знаетъ и все видитъ; а народъ не удостоивается глядѣть на Сына Неба. Ему опредѣлены время обѣда и ужина и даже кушанья для стола; но кажется нынѣшній Хуан-ди только въ Пекинскомъ дворцѣ строго соблюдаетъ всѣ предначертанія Обрядной Палаты; въ Хай-тянь онъ свободнѣе, и потому, можетъ быть, проводитъ въ немъ большую часть года. Впрочемъ, недавно какъ дѣдъ нынѣшняго императора два раза ѣздилъ на югъ Китая и не только не возбудилъ негодованія Китайцевъ этимъ нарушеніемъ закона, но умѣлъ снискать его привязанность.

Хуан-ди правленія Дао-гуанъ (нынѣшній) бережливъ; но ему непоправитъ финансовъ Китая, раз-

строенныхъ предшествовавшими царствованіями, войной съ Англичанами и контрибуціей, и наконецъ частыми въ его время опустошеніями отъ наводненій и голода. Серебро, обыкновенное мѣрило богатства, особенно здѣсь, сдѣлалось въ двое дороже прежняго и дошло уже до 47,000 малыхъ чоховъ за фунтъ; товары не вздорожали, это правда, но всѣ фабричныя издѣлія выдѣлываются гораздо худшаго качества; бѣдность въ народѣ растетъ по мѣрѣ увеличенія народонаселенія и, Богъ знаетъ, чѣмъ должно разразиться это необычайное явленіе такого огромнаго прилива народа на несообразно маломъ пространствѣ земли. Китаецъ оставляетъ свое отечество только въ крайней необходимости и то всегда почти возвращается въ него под старость, что бы хотя умереть на родной землѣ, которую онъ не перестаетъ любить и внѣ отечества; сюда влекутъ его дорогія, заветныя воспоминанія, могилы предковъ и привязанность къ неизмѣняемому порядку вещей, отъ котораго онъ не можетъ отрѣшиться и по самой системѣ своего образованія, внушающаго изъ дѣтства уваженіе къ этому порядку и все отвращеніе отъ иноземныхъ учрежденій. Китайцы еще не перестаютъ называть Европейцевъ (кромѣ Русскихъ), варварами и сближаются съ ними только по нуждѣ или по расчету. Ко всему этому надо присоединить, что въ Поднебесной Имперіи считается постыднымъ быть схоронену внѣ своего родоваго кладбища, и только совершенно бѣдные люди, погребаются на общественныхъ кладбищахъ.

Дворъ Пекинскій нечуждъ нѣкоторыхъ началъ во-

сточныхъ дворовъ; въ немъ тѣже евнухи, тотъ же гаремъ, хотя подъ другими наименованіями, таже роскошь и нѣга природы, безусловно дѣйствующей на чувства и чувственность: такъ почему не быть и интригъ, столь свойственной, столь неразлучной съ восточнымъ дворомъ, интригъ съ ея тайнымъ или явнымъ отравленіемъ, съ ея жертвами, втиснутыми въ какой нибудь колодець, или погруженными съ камнемъ на шею на дно каналовъ и озеръ, съ ея незашными возвышеніями изъ простолюдиновъ въ министры и низверженіями изъ министровъ въ ничтожество; словомъ, съ ея тысячью пружинами, сильно щемящими сердце, дѣйствующими существенно и непосредственно на организмъ человѣка, интригъ правда, обусловленной самобытнымъ образованіемъ Китая и чуждой фанатизма, свойственнаго Востоку.

Можетъ быть спросить, какимъ же образомъ извѣстна въ народѣ внутренняя жизнь Пекинскаго дворца, окруженнаго нѣсколькими стѣнами, къ которымъ даже достигнуть нельзя? Очень просто, проще чѣмъ гдѣ либо: дворецъ наполненъ евнухами, такъ называемыми дзай-мень, присутствующими, т. е. находящимися во внутренности дворца и прислужницами во внутреннихъ покояхъ. Евнухи, послуживъ извѣстное время, отсылаются за первыя дворцовыя ограды, а подъ старость, отправляются въ подарокъ къ первокласснымъ лицамъ, пользующимся важнымъ правомъ имѣть при себѣ евнуха. Прислужницы набираются, по преимуществу, изъ хорошенькихъ дочерей служителей и мелкихъ придворныхъ чиновниковъ, которыхъ слишкомъ десять

тысячъ живетъ въ Пекинскомъ дворцѣ, или наконецъ изъ маньчжурскихъ удѣловъ. Онѣ берутся на пятилѣтній срокъ, и въ теченіи этаго времени не могутъ переходить за ограду внутреннихъ дворцовъ. Только разъ въ годъ, и то дорогой, когда Хуан-ди переезжаетъ изъ Хай-тяна, загороднаго дворца, въ Пекинъ, позволяется имъ видѣться съ своими родственниками. Улицы, какъ извѣстно, открываются для народа вслѣдъ за проѣздомъ Хуан-ди. Въ это время вы можете видѣть, непосредственно за экипажами младшихъ женъ Хуан-ди, безконечный рядъ оборванныхъ одноколокъ, окруженныхъ толпою людей съ различными узелками. Это родственники или друзья прислужницъ, которые такимъ образомъ сопровождаютъ своихъ дочерей или сестеръ до заповѣдной дворцовой стѣны, поспѣвая наговориться съ ними до свиданія въ будущемъ голу и обмѣняться взаимными подарками. Послѣ пятилѣтняго срока, дзай-мень съ самымъ небольшимъ пенсіономъ, отпускаются на произволъ судьбы, кромѣ, разумѣется, тѣхъ, которыя имѣли счастье особенно понравиться Хуан-ди. Изъ этихъ нѣмныя удостоивались даже почести быть возводимыми въ званіе младшихъ супруговъ; отпущенныя же изъ дворца очень часто избираютъ не совсемъ похвальный родъ жизни. Во всякомъ случаѣ, какъ онѣ, такъ и евнухи, посвященные въ домашнюю жизнь богдоханскаго дома, разносятъ объ ней вѣсти по всему Китаю, и многія событія показали, что если не всегда, то очень часто эти вѣсти бываютъ справедливы.

Замѣчательно, что Хуан-хоу очень рѣдко доживаютъ до старости. Что бы пояснить эту тайну смерти,

прибѣгнемъ къ историческимъ показаніямъ. Одному изъ богдохановъ предшествовавшей династіи поданъ былъ отъ министра, между прочими обвинительными свидѣтельствами его поведенія, докладъ о томъ, что государство оставалось сиротствующимъ, безъ матери, потому что онъ не возводитъ никого въ званіе Хуан-хоу. Богдоханъ оправдывался тѣмъ, что онъ изъ чело-вѣколюбія не дѣлаетъ этого; что какъ скоро избранная имъ супруга получала изъ Обрядной Палаты дипломъ на званіе Хуан-хоу, при дворѣ начинались противъ нея интриги, низводившія ее въ могилу и что въ этомъ случаѣ ядъ былъ однимъ изъ обыкновенныхъ средствъ для очищенія мѣста ея другой; что даже его сынъ, подававшій самыя блестящія надежды, сынъ, котораго онъ неперестаетъ оплакивать, отравленъ потому только, что былъ объявленъ наслѣдникомъ его. Каждая фамилія старается возвысить своихъ родственниковъ или потомковъ, а о благѣ Китая никто и не подумаетъ. Вотъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, причины, по которымъ въ Китаѣ всегда стараются скрыть, кто наслѣдуетъ государство; причины эти также достаточно поясняютъ преждевременную смерть женъ богдохановъ.

Покойная Хуан-хоу была изъ простаго званія. Ее замѣтилъ какъ-то мимо-вѣдомъ Хуан-ди. Знаменитый Си-гунъ устроилъ женитьбу, замѣнивъ ей отца и подъ этимъ предлогомъ особенно былъ вхожъ къ ней. Она отличалась красотою, умѣньемъ вести интригу и, говорятъ, не совсѣмъ добрымъ сердцемъ. Слѣдствіемъ ея интригъ было то, что сынъ ея, четвертый по рожденію, остался старшимъ и, кажется, готовится въ на-

слѣдники (*): по-крайней-мѣрѣ за него смѣло работасть партія Си-гуна, хотя надшаго, но все еще сильнаго по богатству и связямъ. Предполагаемый наслѣдникъ теперь 20 лѣтъ; оспа довольно изуродовала его лицо.

Теперь, однако, стали поговаривать, nebudeť ли наслѣдникомъ третій сынъ (седьмой по рожденію, также какъ и пятый, прижитый отъ побочной жены). Поводомъ къ толкамъ послужило то, что въ нынѣшнемъ году Хуан-ди отправилъ его, а не старшаго сына для жертвоприношенія Небу, — самая важная церемонія, совершаемая однажды въ году и всегда императоромъ, если только онъ здоровъ; но Хуан-ди, вѣроятно, сдѣлалъ это для того, что бы облечь большею тайной и неизвѣстностью участь престолонаслѣдія.

Во всякомъ случаѣ, мать этого сына пользуется любовью Хуан-ди, между тѣмъ, какъ мать втораго сына, старшая изъ младшихъ женъ, совершенно оставлена имъ и живетъ въ Пекинскомъ дворцѣ въ забытѣ и одиночествѣ.

Хуан-ди старъ (онъ родился въ 1781 г.) и въ послѣднее время сталъ довольно часто хворать; его одолеваетъ пуще всего разстройство желудка. Говорили даже, что онъ въ нынѣшнее лѣто (1850 г.) откажется отъ китайскаго престола. Онъ вытребовалъ изъ архива Обрядной Палаты дѣло объ отреченіи его прадѣда. Цян-Луна, и изъ этого заключили, что оно понадобилось на случай учрежденія по такому же поводу церемоніала.

(*) Онъ дѣйствительно и воцарился.

ГЛАВА V.

Побѣдка въ Фей-ченъ. — Смотръ артиллеріи; стрельба въ цѣль; число людей въ артиллеріи и состояніе ея. — Войско въ Китаѣ. — Знаменитый мостъ черезъ Хуан-хе и берега ея.

Смотръ артиллеріи обыкновенно бываетъ однажды въ годъ; на этотъ разъ онъ былъ назначенъ 7-го октября. Недѣли за двѣ до смотра, свалили всѣ пушки, пушчонки, фалконеты и разнаго рода старыя пищади на наемныя повозки и торжественно повезли къ Хун-цзи-шену, извѣстному болѣе подъ именемъ Фей-чена, то-есть, заштатнаго города, и отстоящему ли за 30 отъ стѣнъ Пекина, ли за 40 отъ нашего подворья. Тутъ, у Лу-гоу-цянъ, знаменитаго моста черезъ рѣчку Хуан-хе, едва ли не лучшаго во всемъ Китаѣ, на обширной равнинѣ раскинули лагерь, разставили пушки, что, какъ увидимъ, нелегко было сдѣлать, и началась пальба. Мы отправились въ Хун-цзи-шенъ наканунѣ назначеннаго для смотра дня, боясь опоздать, потому что въ Китаѣ всѣ дѣла начинаются спозаранку и никогда не кончаются; только, развѣ, дѣла подобнаго рода, какъ смотръ артиллеріи, оканчиваются очень скоро;

дѣла же болѣе важныя, какъ, на-примѣръ, назначеніе, какое носить платье въ извѣстное время года, требуютъ гораздо болѣе времени для обсужденія.

Мы выѣхали изъ такъ-называемаго южнаго или купеческаго города Цянь-мыньскими воротами, гдѣ опять не обошлось безъ остановки. Половина воротъ была заперта, потому что въ ней все еще поправляли оборванную доску, и народъ, въ теченіе дня не могли протиснуться въ оставленный для него узкій проходъ; и прежде тутъ бывала давка, а теперь улица была совершенно запружена народомъ; къ счастью, мы узнали издали одного китайскаго полицейскаго служителя, кинули ему связку чоховъ — и плетъ загудѣла въ воздухъ: толпы раздались и мы пробѣжали. Цянь-мыньскими воротами оканчивается купеческій городъ; но только эти ворота, оставшіяся позади насъ и показывали, что мы очутились за городомъ. Дома, люди, крикъ, шумъ, разнощики, собаки, свиньи, словомъ, все здѣсь тоже, что въ городѣ; а какъ стѣны и ворота сплошь да рядомъ, особенно ворота, стояшія совсѣмъ въ сторонѣ, ни къ чему неведущія и Богъ знаетъ зачѣмъ торчація, и Богъ знаетъ зачѣмъ иныя называются триумфальными, хотя самое слово триумфъ должно бы быть забыто нынѣшними Китайцами, то надо хорошо знать мѣстность, чтобъ безошибочно опредѣлить, гдѣ городъ, гдѣ форштадтъ.

Отъ города до самаго Хун-цзи-шена идетъ мостовая, изъ огромныхъ каменныхъ плитъ, скрѣпленныхъ желѣзными скобками, подобная той, что мы видѣли на пути изъ Калгана въ Пекинъ. Дорога построена еще

при миньской династии. Теперь она избита, изрыта ямами, гдѣ не достаетъ цѣлой плиты, гдѣ торчитъ другая, приподнятая. Чтобъ избавиться пытки проѣзжать по ней въ китайской одноколкѣ, а эта одноколка, въ которой сидишь въ положеніи ребенка, находящагося во чревѣ матери, сама по себѣ составляетъ орудіе страшной пытки, и чтобъ сохранить невредимыми хоть часть своихъ костей, мы ѣхали проселками, черезъ поля и огороды, уже снятые. Обгибая кладбища, уклоняясь отъ развалинъ, живописно разбросанныхъ повсюду, отъ кумирень, утопающихъ въ зелени ивъ и кипарисовъ, мы оставили вправо триумфальныя ворота, неизвѣстно для чего построенныя, и ужь у самаго Хунци-шена взѣхали на мостовую. На этой мостовой толкали и трясли насъ около часа, и наконецъ выпустили порасправить сколько нибудь измятые члены на знаменитомъ Лу-гоу-цянскомъ мосту. Хуан-ци-шенъ, большое мѣстечко, на нѣкоторыхъ картахъ назначенное подъ именемъ Фей-ченъ, какъ мы замѣтили, значитъ собственно заштатный городъ, а не названіе мѣстечка. Несмотря на множество трактировъ, мы не могли найти въ нихъ мѣста,—такъ все наполнилось военными чинами, по случаю предстоявшаго смотра; а потому мы должны были переѣхать мостъ и, обогнувъ лагерь, потолкаться въ своемъ ящикѣ еще ли четыре до деревни Чин-син-дянь. Здѣсь первая почтовая станція отъ Пекина по дорогѣ на юго-западъ и въ Кантонъ.

Отъ деревни Чин-син-дянь до лагеря версты три разстоянія. Боясь опоздать, мы поднялись съ полу-

ночи: раздававшіеся ночью выстрѣлы то-и-дѣло тревожили насъ опасеніями, что смотръ начался. Зачѣмъ Китайцы стрѣляютъ по ночамъ—не знаю; вѣроятно, для собственнаго удовольствія.

Мы пріѣхали въ лагерь за часъ до разсвѣта; народъ только что началъ подыматься; огоньки мелькали сквозь полатно палатокъ; явились разнощики пироговъ и блиновъ; въ предутренней темнотѣ только и маячилъ на горизонтѣ цѣлый лѣсъ знаменъ. Наконецъ, мы дождались разсвѣта. Обнаженная равнина была покрыта палатками о двухъ скатахъ; на первомъ планѣ возвышались пять-шесть кіосковъ изъ синяго холста съ открытою переднею полою. Передъ ними вытянулся рядъ орудій различнаго калибра, мѣдныхъ и чугуновыхъ; у каждаго орудія развѣвалось богатое, шитое шелками знамя; орудій было до двухсотъ, но что за орудія!

Надо знать, въ чемъ состоитъ этотъ главный смотръ артиллеріи, который, какъ мы сказали, бываетъ разъ въ годъ, и на который богдоханъ посылаетъ приближеннѣйшихъ къ себѣ и надежнѣйшихъ генераловъ, такъ какъ, по старости лѣтъ, онъ не можетъ самъ присутствовать при смотрахъ. Привезенныя на поле пушки увязываются веревками; иныя, просто, къ брусьямъ, положеннымъ плашмя, иныя къ лафетамъ, если только можно назвать лафетами эти уродливыя одноколки, которыхъ колеса врываються до половины въ рыхлую землю, чтобъ откатъ не былъ очень силенъ; потомъ начинается пальба, продолжающаяся въ теченіе нѣсколькихъ дней съ тою цѣлью, чтобъ пригнать

орудія противъ установленныхъ въ нѣсколькихъ саженяхъ мишеняхъ; все это дѣлають безъ діоптра, на глазъ, подбивая клинья спереди или сзади, притягивая веревкой вправо или ослабляя влѣво. Само-собою разумѣется, что подобныя связи не могутъ удержать орудіе на мѣстѣ, и при всякомъ выстрѣлѣ, оно скачетъ и рвется, разрушая путы, которыми связало его остроуміе китайскихъ артиллеристовъ. Наконецъ, послѣ многихъ опытовъ, наводятъ орудія, увязываютъ ихъ окончательно, заряжаютъ и ждутъ смотра. Тутъ ужь, въ присутствіи цѣлаго ученаго комитета, выстрѣливаютъ по разу изъ каждаго орудія въ цѣль.

Тихо было въ лагерѣ. При орудіяхъ не было ни часовыхъ, ни прислуги: пушки стояли подъ охраною своихъ знаменъ; солдаты—кто сидѣлъ безопасно въ палаткѣ, покуривая маленькую трубку, а кто завтракалъ, ведя бесѣду съ продавцами съѣдомаго; иной чинилъ свой старый халатъ, который онъ надѣнетъ завтра; а о предстоящемъ смотрѣ, кажется, никто и не думалъ. Только скрипъ телегъ, запряженныхъ въ пять-шесть скотинъ различнаго рода (ословъ, муловъ, лошадей), телегъ, захваченныхъ, можетъ быть, гдѣ-нибудь на базарѣ и притащенныхъ сюда, возвѣщала о томъ, что скоро уберутъ съ поля смертоносныя орудія. Наконецъ, изъ главнаго лагеря показалась толпа людей пѣшихъ и конныхъ; за ними, на бѣлой лошади, ѣхалъ Мапъчжуръ съ краснымъ рѣзнымъ шарикомъ на шапкѣ, обозначавшимъ высокій чинъ. Визгъ раковинныхъ трубъ встрѣтилъ его. Пріѣзжіи и четверо другихъ, ожидавшихъ его, заняли мѣста въ главной палаткѣ за

столомъ, на которомъ лежали кисти, тушь и бумага: это было, что называется здѣсь судъ орудій. Приговоръ оуда представится богдохану и низойдетъ въ народъ отъ имени Сына Неба. Затѣмъ пріѣхалъ, въ такомъ же порядкѣ, другой важный чиновникъ и помѣстился со своимъ штабомъ въ слѣдующей палаткѣ: тотъ же визгъ раковинъ встрѣтилъ его. Послѣ этого произошло небольшое замедленіе. Музыкантамъ, вѣроятно, наскучило ожидать; одинъ изъ нихъ продулъ раковину, положилъ ее въ мѣшокъ и хладнокровно пошелъ себѣ по дорогѣ въ Пекинъ; его примѣру послѣдовали другіе, и когда, наконецъ, принесли въ носилкахъ одного господина, торжественная встрѣча послѣдовала безъ писку раковинъ, за цѣмъ музыкантовъ. Пріѣхалъ еще одинъ генералъ верхомъ, и такимъ образомъ составилось четыре судилища, долженствовавшихъ произнести свой непреложный приговоръ.

Затѣмъ начался смотръ. У перваго ряда пушекъ, числомъ до 25, стало человѣкъ съ десятокъ съ одними горящими фитилями; въ числѣ солдатъ былъ мальчикъ лѣтъ 14. На середину, между судьями и пушками, вышелъ человѣкъ въ военной макузѣ, съ тесакомъ у бока и съ краснымъ знаменемъ въ рукѣ. Это былъ полковникъ. Принявъ весьма странную позу, онъ взмахнулъ краснымъ знаменемъ — и выстрѣлъ раздался. Полковникъ опустилъ знамя, чтобъ освидѣтельствовать вѣрность выстрѣла и дать время импровизированному фейерверкеру перейти къ другому орудію: выстрѣлъ оказался очень невѣренъ; ядро упало у самаго края

пушки, взбуривъ землю и обдавъ пылью предстоящій ареопагъ. Фейерверкеръ, не обращая на это никакого вниманія, отправился, протирая глаза, къ другому орудію. Секретарь отмѣтилъ что-то на бумагѣ; судьи оставались неподвижными. Полковникъ опять взмахнулъ знаменцемъ, опять раздался выстрѣлъ; на этотъ разъ ядро далеко перенеслось черезъ мишень. Равнодушно смотрѣлъ на это зрѣлище народъ, еще равнодушнѣе солдаты: все шло тихо и въ порядкѣ; только пушки, изъ которыхъ вылетали ядра, скакали, разметывая осколки и клинья своихъ quasi-лафетовъ и рвались какъ дикій конь, попавшійся въ неловкія руки, да эхо возвѣщало Пекину о громкой доблести его воиновъ. Стрѣльба продолжалась около часа, до послѣдней заряженной пушки. Я забылъ сказать, что когда десятокъ-другой пушекъ выстрѣливалъ, то къ нимъ подходило нѣсколько чловѣкъ съ банниками и чистили ихъ; эта мѣра не была упущена; справедливость требуетъ еще сказать, что два-три удара попали въ цѣль (хотя, конечно, не въ яблоко),—еще бы! двѣ недѣли наводили орудія, да не однимъ бы не попали въ цѣль! Послѣ этого, по принятому правилу, оставшійся порохъ сложили въ кучу и сожгли, а потомъ солдаты принялись выпутывать изъ обрывковъ веревокъ орудія и складывать на телеги. Генералы разѣхались въ томъ же порядкѣ, но ужъ не напутствуемые музыкой; мы отправились своею дорогой, опять переѣхали знаменитый Лу-го-цяоскій мостъ, украшенный изображеніемъ львовъ, которыхъ, по выраженію Китайцевъ, такъ много, что и перечестъ нельзя. Львы изъ того же песчаника, какъ и самый

мостъ. Они невелики, съ посадкой довольно жалкой, на переднихъ лапкахъ и съ поджатымъ хвостомъ—положеніе, которое они принимаютъ въ клѣткахъ, а не на волю; иные, повидимому, что-то держали въ когтяхъ, но теперъ немногіе сохранили свои когти. До окончательнаго покоренія Китая, Маньчжуры нѣсколько разъ переходили этотъ мостъ, перевозя черезъ него по цѣлымъ днямъ награбленное добро; Китайцы тогда запирались въ стѣнахъ Пекина и только молили Небо, чтобъ гроза пронеслась мимо. Тогда-то, вѣроятно, досталось и китайскимъ львамъ, изъ которыхъ многіе сидятъ теперъ не только безъ когтей, но и безъ головъ. Въ настоящее время вся надежда Китайцевъ на тигровъ, то-есть, отборныхъ солдатъ, одѣтыхъ въ тигровую кожу, и на грознаго дракона. Мостъ, построенный еще въ 1192 году, находится въ небреженіи, какъ всѣ здѣшніе мосты и дороги; только памятники по бокамъ его, въ видѣ кіосковъ, поновлены и разрисованы. О памятникахъ и пышныхъ надписяхъ въ Китаѣ очень заботятся; а удобства сообщенія, охрана, благо народа — это ужъ само собою устроивается, какъ можетъ.

Нѣкогда берега Хуан-хе были покрыты пажитями и цвѣтущими фермами; но въ началѣ нынѣшняго столѣтія рѣка, повидимому, ничтожная, чувствуя себя совершенно на свободѣ, вздумала и со своей стороны сколько нибудь помочь разрушенію въ Китаѣ: выступила изъ береговъ, снесла и смыла все, находившееся на нихъ, потомъ отхлынула и улеглась опять спокойно въ свое ложе. Съ тѣхъ поръ здѣшніе жители никакъ

не могут оправиться, и берега рѣки довольно пустыны.

Само-собою разумѣется, что никто и не подумаетъ сравнивать китайскую артиллерію съ европейской; между ними общаго одинъ только громъ выстрѣловъ. Но несправедливо было бы сравнивать ее даже и съ артиллеріею нѣкоторыхъ восточныхъ державъ, напримеръ, съ турецкой, съ лагорской, когда еще Лагоръ не принадлежалъ Англіи, или египетской; у этихъ видно стремленіе къ совершенствованію, много хорошихъ заимствованій и примѣненій. Въ китайской же артиллеріи, при всемъ желаніи отыскать хорошую сторону, вы не найдете ея; можно, развѣ, указать на нѣсколько орудій голландскихъ и американскихъ, которыя, однако, уже отслужили свой вѣкъ; прочія орудія отлиты на пекинскомъ литейномъ дворѣ, первоначально подъ руководствомъ езуитовъ, а потомъ собственныхъ мастеровъ, и съизнова не были хорошими. Китайскую артиллерію, если не по количеству, то по качеству, можно сравнить съ артиллеріей средне-азійскихъ ханствъ, Кокана, Бухары, Хивы; и то, во время управленія артиллеріей въ Хивѣ астраханскимъ мужичкомъ, тамъ стрѣляли вѣрнѣе, чѣмъ въ Китаѣ.

Не-уже-ли же, спросите вы, въ Китаѣ, гдѣ образованность такъ распространена, въ Китаѣ, гдѣ есть высшія ученые степени, нѣчто въ родъ кандидатовъ и магистровъ военныхъ наукъ, эти люди не знаютъ первыхъ основаній артиллеріи? Они ровно ничего не знаютъ въ военномъ искусствѣ. Но какъ же сообщить невѣжество ихъ съ тѣмъ живымъ участіемъ, кото-

рое принимаетъ самъ богдоханъ въ военно-ученыхъ экзаменахъ, съ трудностями выдержать ихъ, предосторожностями, чтобъ не было ни малѣйшаго подлога при этомъ, наконецъ, съ торжествомъ увѣнчанныхъ ученою степенью, которыхъ имена вывѣшиваются во всеувиждѣніе на городскихъ стѣнахъ, а сами они въ процессіи разъѣзжаютъ по главнымъ улицамъ столицы? Разгадка заключается въ существѣ самаго экзамена; весь-то онъ состоитъ въ испытаніи въ стрѣлянн изъ лука и потомъ въ силѣ и ловкости, то-есть, въ томъ, что экзаменующійся долженъ приподнять тяжелый камень на футъ отъ земли и сдѣлать нѣсколько взмаховъ тяжелымъ мечомъ. Къ этому еще, въ видѣ прибавленія, его заставляютъ написать подъ диктовку нѣсколько строкъ изъ столь извѣстной книги Ву-узинъ, военныя правила,—вотъ и весь экзаменъ для полученія ученой военной степени, которая открываетъ дорогу къ высшимъ званіямъ. Военно-учебныхъ заведеній здѣсь нѣтъ; даже не числятся таковыхъ и по официальнымъ отчетамъ; познанія въ стрѣльбѣ пріобрѣтаются у частныхъ учителей, о наукахъ военныхъ здѣсь и не знаютъ. Езуиты-миссіонеры пытались было ввести математическія науки въ примѣненіи ихъ къ астрономіи, но теперь объ этомъ ужъ и забыли.

Трудно понять несообразности Китайцевъ: съ одной стороны, глубокое уваженіе къ ученымъ людямъ и особенно къ ученымъ книгамъ, которое заставляеть ихъ чтить всякій исписанный лоскутокъ бумаги; самый ветошникъ, промышляющій добычей уличной дряни, не осмѣлится поднять его для своего употребленія; съ

другой стороны, совершенное равнодушіе къ развитію науки, которое отражается во всѣхъ классахъ народа. Причина этому, кажется, заключается въ безусловной преданности старинѣ и вѣрѣ въ одни старыя классическія книги и мудрость предковъ. Китайцы никакъ не хотятъ понять, что мы старѣ своихъ предковъ, что человечество пріобрѣтаетъ опытность съ каждымъ поколѣніемъ, слагая ее въ запасъ общей мудрости и знаній. Ни къ кому приличнѣ нельзя отнести словъ безсмертнаго Бэкона, какъ къ Китайцамъ: «Слѣпая довѣренность къ ученымъ писателямъ, облекающимся въ своихъ сочиненіяхъ диктаторской властью, приноситъ величайшій вредъ для науки... Она покоряетъ себѣ одной умы многихъ людей, и наука остается безъ всякаго движенія (*)». У Китайцевъ, впрочемъ, есть военныя книги; но это ужь сочиненія по части высшей тактики, гдѣ описаны разные марши и контрмарши, чтобъ обмануть непріятеля, или заманить его въ засаду. Любимый способъ построенія войскъ и атаки извѣстенъ подъ именемъ *коровьихъ роговъ*. Китайскіе полководцы стараются обойти непріятеля съ двухъ фланговъ и занять всѣ окрестныя высоты, на которыхъ устраиваютъ батареи; но при этомъ принимаютъ столько разныхъ предосторожностей, что, развѣ, какой-нибудь Татаринъ-непріятель не замѣтитъ ихъ намѣреній. Доказательствомъ несовсѣмъ успѣшной тактики Китайцевъ можетъ служить то, что во время похода въ Кашгаръ противъ знаменитаго Джангера, этотъ Татаринъ нѣсколько разъ разбивалъ порознь ихъ правое и

(*) De augmentis scientiarum, t. I, p. 13.

лѣвое крыло, прежде чѣмъ они успѣвали соединить свои *коровьи рога*.

Въ описаніи ученаго о. Іакинфа, заимствованномъ изъ извѣстнаго описанія Китайской Монархіи Да-цин-и-Тун-чжинъ, показанъ артиллерійскій корпусъ, хоци-инъ, въ 228 офицеровъ и 6,195 рядовыхъ; но, какъ отдѣльный корпусъ, онъ не существуетъ; артиллерійскихъ орудій, правда, очень много, но они постоянно въ арсеналѣ, а не въ полѣ; люди также есть, но не у своихъ батарей, а въ дивизіяхъ маньчжурской и монгольской, и командируются изъ нихъ, когда потребуется нужда.

Заговоривъ объ артиллеріи, скажемъ здѣсь заодно и о войскахъ другихъ оружій въ Китаѣ.

Войско состоитъ изъ двухъ частей, довольно рѣзко отличающихся одна отъ другой: къ первой принадлежатъ Маньчжуры, Монголы и Китайцы, бѣжавшіе въ Маньчжурію при паденіи предшествовавшей династіи и потомъ явившіеся въ Китаѣ вмѣстѣ съ завоевателями; ко второй — собственно внутренніе Китайцы. Первые дѣлятся на восемь знаменъ, которыя называются по цвѣтамъ: жолтое, бѣлое, жолтое съ каймой и т. д.; каждое знамя раздѣляется на три дивизіи, по племенамъ: маньчжурскую, монгольскую и китайскую; дивизія—на полки, которыхъ неодинакое число въ дивизіи, полки на роты, въ ротѣ 150 человекъ. Изъ людей этихъ осьми знаменъ составлены роты тѣлохранителей императора, ши-вей, гвардіи, цинь-цзюнь, отборныя и другія, пользующіяся особенными правами. Всего въ осьми корпусахъ считается 330,000

человѣкъ, но изъ нихъ тысячъ 25 должно полагать въ откомандировкахъ къ различнымъ военнымъ канцеляріямъ и даже къ гражданскому вѣдомству, а около 275,000 подъ оружіемъ. Внутренніе Китайцы составляютъ одно знамя — зеленое; они по преимуществу занимаютъ гарнизоны въ провинціяхъ; число ихъ—до 650,000 человѣкъ; сюда причисляются и матросы. Разница въ содержаніи людей тѣхъ и другихъ знаменъ значительная. Солдатъ первыхъ осьми знаменъ получаетъ: гвардейскій — 4 лана сер. (8 р. серебр.) въ мѣсяць; артиллерійскій 3 лана; рядовой $1\frac{1}{2}$; унтеръ-офицеръ 2; кромѣ того, по 22 мѣшка риса въ годъ каждый. Офицеры получаютъ отъ 80 до 45 ланъ, смотря по чину и соотвѣтственно гражданскимъ чинамъ, несмотря на то, что гражданская служба въ Китаѣ стоитъ выше военной; кромѣ того, офицеры получаютъ рисъ. Солдатъ зеленого знамени получаетъ отъ 1 до $1\frac{1}{2}$ лана и всего по $3\frac{1}{2}$ мѣшка рису въ годъ. По отчетамъ 1812 года (послѣ этого не было обнародовано отчетовъ), содержаніе арміи въ Китаѣ стоило 25,200,275 ланъ (около 51 милліона рублей серебромъ) и 5,608,676 мѣшковъ рису. Особенная Военная Палата завѣдываетъ дѣлами арміи. Изданное для нея уложеніе называется Бин-бу-цзы-ли.

На обратномъ пути въ Пекинъ, мы опять плутали между нивами, избами, прудами, канавами, кучами навоза, купленнаго дорогою цѣною, и всякими нечистотами, — все для того, чтобъ только избѣжать мостовой.

ГЛАВА VI.

Государственное управление. — Шу-бины, ду-ча-фанъ и цензора правовъ или прокуроры. — Еще нѣсколько словъ о взяточничествѣ. — Казни, тюрьмы и уголовные законы въ Китаѣ. — Страданія порти заключенныхъ въ тюрьму.

Въ Китаѣ издревле существуетъ систематическое раздѣленіе государственной администраціи по предметамъ, подобное тому, какое, впослѣдствіи, принято во всей Европѣ. Главнѣйшія управленія слѣдующія: финансовое, военное, публичныхъ работъ, юстиціи, завѣдыванія чиновъ и должностей, церемоній-местерское, или обрядовое, дворцовое, Государственного Кабинета, Государственной Канцеляріи, Трибунала Вышнихъ или Иностранныхъ Дѣлъ и, наконецъ, особенное управление, сообразное съ духомъ завоевателей, которое завѣдываетъ исключительно маньчжурскими князьями, неподчиненными обыкновенному въ государствѣ порядку суда и расправы. Всѣ эти управленія, существующія подъ различными названіями палатъ, трибуналовъ или приказовъ, соотвѣтствуютъ европейскимъ министерствамъ.

Между тѣмъ, какъ на мухамметанскомъ Востокѣ коранъ составляетъ полный сводъ гражданскихъ, уголовныхъ и духовныхъ законовъ, въ Китаѣ, собраніе

уложеній, изданное при нынѣшней династїи, состоитъ изъ 48 огромныхъ томовъ. Трудно придумать случай, на который бы не нашлось объясненія, постановленія, закона или временемъ освященнаго обычая.

Это-то излишество, эта дробность раздѣленій, подраздѣленій системы государственнаго управленія, основаннаго на равновѣсїи властей китайскихъ и маньчжурскихъ, туземцевъ и завоевателей, служить источникомъ злоупотребленій. Прибавьте къ тому, что духъ языка, изъ котораго, исковеркавъ его въ три погибели, всегда можно получить тотъ смыслъ, котораго добивается толкователь,—самая буква, самый іероглифъ, нерѣдко отличающійся отъ другаго едва замѣтною чертою, иногда совершенно сходный, но только поставленный въ другомъ мѣстѣ, наконецъ, страсть Китайцевъ къ вѣчнымъ поясненіямъ—чрезвычайно способствуетъ лжетолкованію. Не недостатокъ законовъ и неполнота ихъ причиною той нравственной болѣзни, которою страдаетъ Китай, но злоупотребленіе законовъ. Многія постановленія, относящіяся къ глубокой древности, той древности, когда въ Европѣ одинъ мечъ разрѣшалъ всѣ споры и недоумѣнія, многія постановленія въ Китаѣ поражаютъ и теперь ясностью взгляда, предусмотрительностью и заботливостью законодателя о пользѣ народной.

Всякій чиновникъ, всякій ученый долженъ знать духъ законовъ; но мы уже говорили, мы часто будемъ говорить, къ чему направлена ученость Китайцевъ, какое предназначеніе чиновника высшаго. Мертвую же букву закона изучаетъ, толкуетъ, подводитъ подъ

нужныя обстоятельства извѣстный классъ людей, называемый *шу-бинами*, которые передаютъ свое званіе отъ отца къ сыну, изъ рода въ родъ — званіе, всѣми одинаково презираемое. *Шу-бинъ* не можетъ повышаться, не можетъ переходить по ступенямъ гражданскихъ должностей и остается всегда на одномъ мѣстѣ, у подножія этой лѣстницы. Гнѣздо этого племени—Пекинъ. Отсюда отправляются шу-бины въ провинціи съ правителями различнаго рода, въ рукахъ которыхъ и вмѣстѣ съ которыми они-то и составляютъ государственную язву, источившую всѣ силы Китая. Напрасно Хуан-ди раздражается казнями и новыми постановленіями противъ взятокъ: онъ не можетъ сразить этой гидры, поглощающей, вмѣстѣ съ разливами Желтой рѣки и потребленіемъ опиума, всѣ государственные доходы. Можно сказать, что эти именно бѣдствія довели китайскую казну, казавшуюся неистощимой, до того безъисходнаго положенія, въ какомъ она теперь находится, не смотря на то, что въ послѣднее время не только не было никакихъ важныхъ публичныхъ построекъ, но и старыя зданія не исправлялись, и что нынѣшнее столѣтіе Китая было довольно мирное, сравнительно съ предшествовавшимъ. Только война съ Англичанами да съ Жангеромъ въ Туркестанѣ, стоившая, впрочемъ, если не больше денегъ, то ужъ гораздо больше крови, чѣмъ первая, ознаменовали продолжительное правленіе Дао-гуана, между тѣмъ, какъ въ прежніе вѣка война въ Китаѣ не умолкала, то съ Монголами, то съ Маньчжурами, то съ внутренними возмущавшимися народами.

Классъ чиновниковъ составляетъ правительство, аристократію, ученыхъ.

Покойный Хуан-ди, особенно ратовавшій противъ взяточничества, рѣшился ограничить число чиновниковъ въ провинціяхъ; но система управленія, очень сложная, осталась все та же: правители провинцій, округовъ, уѣздовъ и городовъ набирали шу-биновъ на свой счетъ, то-есть, на счетъ жителей. Хуан-ди, правда, напалъ на этихъ своекоштныхъ секретарей, строжайше запретивъ представлять ихъ къ какимъ либо наградамъ; но это ни къ чему не повело: шу-бины еще съ большимъ ожесточеніемъ стали вымогать отъ народа деньги, видя въ нихъ единственный способъ улучшенія своей участи, свою славу, свою будущность, потому что въ Китаѣ все-таки деньги окончательно опредѣляютъ будущность человѣка.

Одно изъ прекрасныхъ учрежденій, имѣющихъ, между прочимъ, своею цѣлью уничтоженіе взяточничества, это—ду-ча-юань, въ родѣ Государственной Надзирательной палаты, съ ея юй-цзы и дао, государственными цензорами и прокурорами, если можно такъ перевести эти слова на европейскій языкъ. Ихъ ближе всего можно сравнить съ тѣмъ, чѣмъ были цензоры въ древнемъ Римѣ.

Ду-ча-юань имѣетъ право обнаруживать не только нарушеніе законовъ, но и проступки, противные нравственности, или поведеніе частнаго лица, угрожающее общественному порядку и спокойствію. Блюстители законовъ и общественныхъ нравовъ, — принимая это послѣднее слово не въ томъ тѣсномъ смыслѣ, какой

мы ему большею частью придаемъ, но въ смыслѣ обширномъ, какой придавали древніе слову *toges*, включая въ кругъ его значенія и нравственность, и общественное мнѣніе, и духъ, направленіе народа, — блюстители законовъ и нравовъ, юй-цзы-дао, возстаютъ открыто противъ всякаго нарушителя государственныхъ постановленій.

Ду-ча-юань можетъ даже остановить доклады другихъ палатъ, если найдетъ, что они противорѣчатъ существующимъ законамъ, и отправить ихъ обратно, откуда они поступили, для повѣрки и болѣе тщательнаго обсужденія; то же самое дѣлаютъ дао, прокуроры, въ провинціяхъ въ отношеніи мѣстныхъ властей; но этимъ еще не ограничивается власть ихъ.

Особенно во времена китайскихъ династій, юй-цзы имѣли большую силу. Нынѣшняя династія нѣсколько ограничила этихъ блюстителей нравовъ, которымъ, впрочемъ, должность даетъ до 150 тысячъ руб. ассиг. доходу въ провинціи. Но, повторяемъ, несмотря на учрежденіе ду-ча-юань, противъ системы взяточничества въ Китаѣ, повидимому, никакая сила не достаточна.

Эта система опутала все чиновничество одною безконечною сѣтью, и нѣтъ возможности поразить одного, незадѣвъ другаго; выйти же изъ этихъ путъ—значить остаться одному, хотя и на свободѣ, но вовсе увидѣніе, такъ сказать, на чоку, безъ всякой защиты и опоры, а такого не трудно сразить.

Впрочемъ, китайскій чиновникъ, обязанный служить вѣчно, рѣдко пользуется до конца жизни пріобрѣ-

теннымъ на службѣ состояніемъ. Нельзя сказать, чтобы китайское правительство держалось системы, принятой многими азіатскими правителями, системы, допускающей своихъ подчиненныхъ грабить всѣхъ находящихся подъ ихъ вліяніемъ, единственно съ тою цѣлю, что бы потомъ, когда они достаточно обогатятся, обобрать ихъ самихъ. Этой системы, говорю, не придерживается китайское правительство со своими торговцами правосудія, чиновниками; оно преслѣдуетъ ихъ постоянно, какъ бѣдныхъ, такъ и богатыхъ одинаково. Но все—это усиліе мухи противъ слона.

Года три тому назадъ, одинъ изъ ценсоровъ, съ бѣлымъ шарикомъ на шапкѣ, подалъ докладъ Хуан-ди, противъ его министровъ; онъ напалъ на самую живую струну Китайца — нерадѣніе о воспитаніи юношества вообще, и особенно дѣтей богдохана, у которыхъ двое министровъ находились въ качествѣ почетныхъ наставниковъ и надзирателей. Вотъ что послужило къ тому поводъ.

У втораго министра, Маньчжура, умерла жена, женщина обыкновенная, ни чѣмъ не прославившаяся, не удостоенная похвальной доской отъ Хуан-ди; тѣмъ не менѣе, одинъ изъ членовъ академіи, которые здѣсь почитаются людьми важными и учеными, были написаны стихи въ память покойницы, — элегія, въ которой описаны ея добродѣтели; поэтъ и академикъ, до того разчувствовался, что назвалъ ее своею матерью, матерью всѣхъ бѣдныхъ, мало ль чего не говорится въ стихахъ, особенно если поэтъ расчитываетъ на нихъ свою будущую карьеру; иной, пожалуй, назвалъ бы

покойницу и бабкой, не только матерью, что бы сдѣлать шагъ впередъ по службѣ. Обстоятельство это въ Европѣ, конечно, прошло бы незамѣченнымъ, но въ Китаѣ оно составило дѣло важности; Китайцы не забыли его; не забылъ и министръ, мужъ покойницы, и когда нужно было избрать наставника къ осьмому сыну Хуан-ди, министръ, какъ ближайшій надзиратель за воспитаніемъ его дѣтей, представилъ для этого важнаго званія академика-элегиста; богдоханъ утвердилъ, но многіе вспомнили элегію, и ценсоръ грянулъ докладомъ, гдѣ въ сильныхъ выраженіяхъ описалъ, по какому случаю академикъ попалъ въ воспитатели и доказалъ, что онъ лстецъ, унижающій свое высокое званіе.

Хуан-ди чрезвычайно разсердился, прогналъ академика, а въ изданномъ по этому случаю указѣ, упрекалъ двоихъ министровъ Маньчжуровъ за ихъ легкомысліе; въ заключеніе, велѣлъ препроводить это дѣло обсужденію Палаты Чиновъ; если же окажется злоупотребленіе — предать виновныхъ суду Уголовнаго Трибунала. Но Палата Чиновъ сама присудила обоимъ министрамъ къ пониженію двумя чинами, не подвергая дѣла дальнѣйшему разбирательству, а Хуан-ди довольствовался тѣмъ, что отрѣшилъ ихъ отъ званія наставниковъ своихъ дѣтей, оставивъ при прежнихъ чинахъ и должностяхъ; только нынче первый министръ получилъ опять почетное званіе наставника дѣтей богдохана, а второй — и умеръ въ немилости. За то ценсоръ приобрѣлъ огромную извѣстность. Однакожъ, вѣроятно, не этой извѣстности ему было нужно; ему хотѣлось проложить себѣ путь къ прокурорству въ какой-нибудь

провинціи, что могло доставлять ему по-крайней-мѣрѣ двѣ вани лань дохода въ годъ.

Впрочемъ, несообразность между постановленіями и злоупотребленіями встрѣчается здѣсь на каждомъ шагу. Вотъ почему Китай, судимый по однимъ его письменнымъ даннымъ, и видимый въ натурѣ, во всей его сущности, представляетъ два совершенно различные предмета, такъ точно, какъ и самый языкъ его, языкъ живой, которымъ говорятъ, совершенно непохожъ на тотъ, какимъ пишутъ.

Около зимняго поворота, предъ очистительною жертвой, которую Хуан-ди приноситъ въ храмъ Неба, совершаются казни въ одинъ день во всемъ Китаѣ. Осужденные въ теченіи года къ смерти приберегаются къ этому дню, кромѣ чрезвычайныхъ преступниковъ; этихъ рѣжутъ въ куски немедленно по рѣшеніи и утвержденіи судебного приговора. Въ нынѣшнемъ году казни были назначены 29-го ноября. За долго до этого времени, гонцы поскакали въ отдаленные края Китая съ грозной вѣстію смерти, и мы время-отъ-времени узнавали, что въ такой-то провинціи 50, въ такой-то 60, были провинціи гдѣ 83 человека обрекались смерти. Радіусъ этихъ отправленій сокращался по мѣрѣ сближенія срока, и наконецъ, уже наканунѣ назначеннаго дня, было объявлено, что въ самомъ Пекинѣ выведутъ на мѣсто казни 28 человекъ; оставалась, однако, надежда, что въ самый часъ исполненія приговора, Хуан-ди помиуетъ нѣкоторыхъ. Для одного города, хотя и въ полтора милліона жителей, 28 человекъ не мало, особенно если взять во вниманіе, что солдатъ казнятъ внѣ городъ

скихъ стѣнъ, въ лагеряхъ, и что при насъ уже было нѣсколько экстренныхъ казней.

Наканунѣ роковаго дня, мы отправились посмотреть мѣсто, гдѣ будетъ совершаться казнь. Въ Южномъ городѣ, на перекресткѣ двухъ большихъ улицъ, одномъ изъ самыхъ торговыхъ мѣстъ Пекина, было оцѣплено веревкою не большое мѣсто, съ возвышеніемъ впереди для приговора; по бокамъ стояли двѣ рогоженныя лащуги—одна для осужденныхъ, другая, открытая спереди, для чиновниковъ Уголовной Палаты, обязанныхъ присутствовать при совершеніи ея приговоровъ. Не было ни плахи, ни висѣлицы. Кругомъ кипѣла торговая дѣятельность; казалось, никто и не думалъ о томъ, что совершится здѣсь завтра; только голова, не задолго до того казненнаго преступника, висѣвшая въ деревянной клеткѣ, какъ-то страшно глядѣла на судорожную дѣятельность безпечныхъ Китайцевъ, предъ которыми стоитъ смерть въ самомъ гадкомъ видѣ.

На другой день рано утромъ привели сюда преступниковъ со связанными назади руками; у каждаго изъ нихъ между пальцами торчалъ ярлыкъ, гдѣ было означено его имя и фамилія. Несчастныхъ помѣстили въ рогоженномъ балаганѣ. Народъ толпился вокругъ. Палачи прохаживались на мѣстѣ дѣйствія, поглаживая ладонью по лезвею ножей и испытывая довольно ли они остры; другіе пробовали веревки, назначенныя для душенія. Чиновники равнодушно смотрѣли на приготовленія. Всѣ ожидали приговора. Одинъ изъ нашихъ спутниковъ подошелъ къ рогоженному балагану, гдѣ были преступники, и заглянулъ къ нимъ въ щель; они

сидѣли очень покойно, въ какомъ-то апатическомъ, столь свойственномъ Китайцамъ состояніи. Между ними былъ чиновникъ, гражданскій начальникъ округа, приговоренный къ казни за особенные поборы съ народа, подъ предлогомъ, что они производились по приказанію и въ пользу правительства. Онъ сидѣлъ за низкой перегородкой.

Наконецъ показались вдали три всадника; всѣ они были одѣты одинаково, у каждаго за плечами висѣла сумка въ желтой оберткѣ, но въ которой изъ нихъ хранился роковой приговоръ, никто не зналъ: эта мистификація происходитъ при каждомъ важномъ случаѣ, какъ будто въ опасеніи, что бы Китайцы, узнавши у кого бумага, не подкупили курьера и не подмѣнили ее дорогою. Всѣ трое подошли къ столу, за которымъ сидѣли чиновники; всѣ трое сняли свои сумки и одинъ изъ нихъ вынулъ бумагу. Послѣ обыкновенной церемоніи, приговоръ поставили на возвышеніи, и чиновникъ сталъ вызывать преступниковъ, справляясь всякій разъ съ ярлыкомъ, висѣвшимъ назади у каждаго изъ нихъ, и ставилъ роковую отмѣтку красными чернилами на лбу. Оказалось, что изъ 28 приговоренныхъ къ смерти, шесть человекъ осуждались къ отсѣченію головы, 17 къ удушенію, что считается наказаніемъ менѣе тяжкимъ, а приговоръ пяти остальныхъ откладывался до будущаго года!.. Чиновникъ, осужденный за взятки, находился во второмъ разрядѣ.

Приступили къ казни. Любопытно было знать, какъ Китайцы умудряются отсѣчь голову безъ плахи и чѣмъ замѣнять висѣлицу. Но Китайцы болѣе 4,000 лѣтъ

рѣжутъ и душатъ людей и, какъ увидимъ, тысячами; *китайская образованность* существуетъ чуть не съ сотворенія міра,—такъ имъ ли чего не знать!

Вывели перваго преступника. Это былъ старикъ, въ голубой, сгнившей въ тюрьмѣ, рубахѣ. По положенію, ему слѣдовали красная куртка и красныя штаны на дорогу въ другую жизнь; но китайскія власти, карающія смертію за взятки, стащили красный холстъ съ осужденныхъ, вѣроятно, слѣдуя *закоу справедливости*, который не сходитъ у нихъ съ языка при всякомъ разговорѣ, особенно съ иностранцами; да и дѣйствительно, не справедливо ли, по ихъ мнѣнію, что бы холстъ достался остающимся въ живыхъ, а не обреченнымъ смерти. Одинъ палачъ вопить противъ такой справедливости, потому что, обыкновенно, онъ за труды свои обдираетъ казненныхъ.

Преступника поставили на колѣни, лицомъ къ приговору и приказали глядѣть на него. Несчастный бессмысленно смотрѣлъ впередъ. Это было безсознательное тѣло, съ которымъ возились, какъ съ трупомъ, хотя въ немъ еще было много жизни. Никто не напомнилъ ему о другой, вѣчной жизни; обвиненный терялъ все, готовился весь исчезнуть; ни какая вѣра не пріосѣнила его послѣдней минуты, не напутствовала души, не просвѣтила темноты предстоявшей ему ночи.

Одинъ изъ исполнителей казни медленно и равнодушно развилъ веревку, выровнялъ концы, закинулъ петлю на шею осужденнаго, перевилъ веревку по верхъ головы съ косою и сталъ тащить его впередъ, въ то же время другой упирался въ спину, держась за связанные

назади руки. Шея несчастнаго вытянулась, мускулы выдались, лицо побагровѣло. Палачъ вынулъ изъ желтой обертки ножъ, шириною въ двѣ ладони, толщиною въ палецъ у обуха; ножъ сверкнулъ вверху, и голова отскочила вмѣстѣ съ державшимъ ее, который понесъ свой окровавленный трофей къ чиновникамъ и, показавъ, бросилъ его на трупъ.

Тоже послѣдовало съ другими пятью.

Не менѣ равнодушія и гораздо больше уловки и ухищренія показали тѣ, которымъ пришлось душить преступниковъ. Также точно выводили несчастныхъ на середину, также точно ставили ихъ на колѣни противъ приговора, но уже манипуляція была другая. Палачъ, накинувъ веревку на шею осужденнаго, въ концы ея, назади, вдѣвалъ палку и, упершись колѣномъ въ спину, вертѣлъ ее, свивая веревку, пока несчастный не задохнется, или пока угодно палачу. Снаровка въ томъ и состоитъ, что онъ или мигомъ завертываетъ палку и душитъ несчастнаго заразъ или свиваетъ веревку медленно и, когда у страдальца начинаетъ прерываться дыханіе, отпускаетъ ее, и опять свиваетъ, и опять отпускаетъ, продолжая такимъ образомъ мученія несчастнаго: это обыкновенно дѣлается съ тѣми, которые не выкупились передъ смертью.

Во время самыхъ казней въ народѣ раздавался крикъ: укралъ! укралъ!—Всѣ кинулись на крикъ; самъ палачъ приостановилъ работу, любопытствуя узнать, что происходитъ назади. Дѣло вскорѣ объяснилось; сторожъ уже тащилъ одного оборванца, который укралъ у другаго, заглазѣвшагося на страшное зрѣлище, трубку съ мѣш-

комъ. Вотъ вамъ и страшный примѣръ казни... Да, признаться, это и не походило на казнь. Это просто бойня! Какъ-то равнодушно, безсознательно совершается она, въ кругу обычной торговой дѣятельности, безъ всякихъ приготовленій, безъ атрибутовъ ужаса смерти, подъ которыми Европейцы привыкли представлять себѣ казнь, безъ страшной таинственной тишины, среди которой слышенъ только тихій голосъ наставника вѣры. Тутъ, то и дѣло доходило до слуха крики продавцевъ разныхъ пироговъ, или пощелкиванія фокусниковъ. Китайцамъ ни по чемъ эти зрѣлища; въ теченіи слишкомъ 4,000 лѣтъ они всего наглядѣлись, ко всему привыкли; отуманенные одуренные опиумнымъ чадомъ, они на все смотрятъ равнодушно: только и заботы, что бы какъ-нибудь прожить въ жизни, а не то — можно добровольно прекратить ее.

Въ этотъ разъ не было ни четвертованій, ни изрѣзыванія въ куски, ни выниманія сердца изъ груди преступника, словомъ, никакихъ утонченностей китайской казни, потому что онъ употребляются въ дѣло только надъ важными преступниками, которыхъ, какъ я уже сказалъ, казнятъ немедленно по осужденіи. Теперь, какъ видите, производилась, по здѣшнему, одна черная работа.

Въ этотъ день во всемъ Китаѣ казнили до 1,000 человекъ. Это еще не много. Въ 1816 году, ко дню зимняго поворота, было приговорено къ смерти 10,270 человекъ; если предположить, что четвертая часть была пощажена, хотя такая милость рѣдко встрѣчается

въ исторіи Китая, то все таки число казненныхъ было не мало.

Въ Европѣ часто, и всегда съ похвалою, упоминають о китайскомъ уголовномъ законодательствѣ, ссылаясь на Стаунтоновъ переводъ (*). Замѣтимъ, что китайскіе законы пересматриваются каждыя десять лѣтъ и хотя не измѣняются въ цѣломъ, однако часто пополняются и замѣняются другими, слѣдственно Стаунтоновъ переводъ уже довольно устарѣлъ. Уголовные законы были даны Китаю первоначально богдоханомъ Шунъ въ 2,282 г. до Р. Х.; послѣдующіе богдоханы, правда, измѣняли ихъ, но всегда придерживаясь первоначальныхъ основаній; а эти основанія, судя по самому духу тогдашняго времени, не могли быть слишкомъ милостивы. Династія Суи, въ VI вѣкѣ по Р. Х., рассмотрѣла съ большою подробностію виды преступленій и мѣры наказаній, и съ тѣхъ поръ, они измѣнились только въ частностяхъ. Что бы показать, какъ немилостивы эти законы, упомянемъ только, что изъ 2,760 изчисленныхъ преступленій, родовъ и видовъ съ подраздѣленіями, 644 наказываются смертию. Всего важнѣе то, что при дробности подраздѣленій видовъ преступленій, мало обращено вниманія на отличіе умышленныхъ преступленій отъ не умышленныхъ. Убившій отца, изрѣзывается въ куски; но недавно былъ такой случай: сынъ какого-то земледѣльца перекидывалъ во дворъ мѣшки съ хлѣбомъ; одинъ мѣшокъ упалъ на старика-отца, стоявшаго за

(*) *Ta-tsing-lou-lee*; being the fundamental laws of the pena code of China, translated from the chineses by Sir George Tholmas Staunton. London, 1810.

заборомъ, и убилъ его: сынъ былъ приговоренъ къ казни, именно, къ отсѣченію головы. Основаніемъ китайскихъ уголовныхъ законовъ, какъ и у всѣхъ древнихъ народовъ, служить то начало, что смерть искупается только смертию, и сумасшедшій, уличенный въ убійствѣ, наказывается также смертию.

Другое зло, это то, что, въ важныхъ преступленіяхъ, наказывается не одинъ преступникъ, но и все семейство его, хотя бы ничего не знавшее о преступленіи.

Третье зло, — это безусловная власть, предоставленная родителямъ надъ ихъ дѣтьми и даже старшему надъ прочими членами семейства. Кто говорить! нравственный смыслъ этого правила прекрасенъ; но простирать его до того, что отецъ можетъ безъ всякой отвѣтственности обобрать нажитое сыномъ имущество, можетъ угнетать его пуще всякаго раба, равно какъ жену и дѣтей его, — это уже слишкомъ! неудивительно что такой законъ служить въ Китаѣ источникомъ многихъ преступленій.

Можно бы еще многое сказать противъ китайскихъ уголовныхъ законовъ, разборъ которыхъ никто не занимался серьезно; до сихъ поръ удивлялись только ихъ дробности, видя въ этомъ опредѣлительность и предусмотрительность всѣхъ родовъ преступленій. Возьмемъ еще примѣръ: женщины подвергаются тѣмъ же наказаніямъ, какъ и мужчины, за небольшими исключеніями, и ихъ также немилосердно бьютъ палками (паланкою), только не снимая съ нихъ шараваровъ. Нынче чиновники могутъ откупаться отъ тѣлеснаго наказанія, да еще женщины, получившія титулъ

цѣломудренныхъ. А пытка: это ли совершенство законовъ! Завѣщенная древними временами, она остается почти неизмѣнимою въ Китаѣ.

Уголовное дѣлопроизводство переходитъ черезъ нѣсколько инстанцій; но не можетъ тянуться очень долго, потому что положены сроки, въ какомъ присутственномъ мѣстѣ сколько времени дѣло должно оставаться: пол-года—крайній срокъ для окончательнаго рѣшенія. При такой поспѣшности могутъ ускользнуть свидѣтельства и доказательства, которыя бы послужили къ оправданію или облегченію участи обвиняемаго.... Остается сказать нѣсколько словъ о тюрьмахъ.

Желалъ бы я, чтобы защитники древней китайской образованности, китайскаго закона *строгой справедливости*, заглянули въ эти мѣста заключенія. Богатые, правда, тутъ строятъ дома и живутъ въ изобиліи и роскоши, разумѣется, платя за все въ три-дорога. Ци-шань, столь извѣстный по англійскимъ дѣламъ, за которыя былъ посаженъ въ тюрьму, выстроилъ себѣ чуть не дворецъ. Но посмотрите на жилища бѣдныхъ; посмотрите на ихъ самихъ, связанныхъ по рукамъ и ногамъ и прикованныхъ другъ къ другу одною цѣпью, такъ, что если ночью пошевелится одинъ, то будитъ и всѣхъ; если одному нужно отойти далѣе разстоянія цѣпи, то онъ тащитъ за собою и другихъ; посмотрите на этихъ несчастныхъ, валяющихся въ грязи, въ смрадной, невыносимой атмосферѣ, испытыхъ, голодныхъ, полунагихъ, дрожащихъ отъ холода! Впрочемъ, разъ или два въ годъ тюрьмы превращаются въ мѣста оргій и разврата. Это бываетъ обыкновенно передъ

днемъ казней. Не наставникъ вѣры приходитъ къ нимъ въ это время для напутствія въ другую жизнь,— нѣтъ! Фокусники, актеры и тому подобные люди наполняютъ эти мѣста заточенія; преступниковъ кормятъ на пропалую, словно быковъ, которыхъ готовятъ на убой. Надзиратели ничего не жалѣютъ, чтобы доставить всѣ чувственныя удовольствія людямъ, у которыхъ такъ долго отнимали послѣдній кусокъ хлѣба. Не состраданіе понуждаетъ ихъ къ тому, но чувство суевѣрнаго страха: они боятся, чтобы казненные не преслѣдовали ихъ злою судьбою изъ-за гроба и, на прощаньѣ, стараются задобрить несчастныхъ, оставивъ пріятное по себѣ впечатлѣніе.

ГЛАВА VII.

ТЕАТРЫ.—Театральныя представленія составляютъ потребность народа. — Актеры. — Жонглеры. — Обеды и разныя пекинскія увеселенія. — Наемныя защитники чести. — Публичныя вѣстовщики. — Пекинская газета.

Театръ составляетъ главнѣйшее, если не единственное увеселеніе Китайцевъ. Онъ сдѣлался потребностью народа, восался въ его нравы, проникъ въ самый низкій слой общества. Въ деревняхъ, послѣ уборки хлѣба, устраиваютъ въ полѣ, подъ открытымъ небомъ, возвышеніе, на которомъ бродячая труппа актѣровъ, за самую ничтожную цѣну, разыгрываетъ по нѣсколькимъ днямъ сряду всевозможныя трагедіи и комедіи; народъ съ жадностью слушаетъ, толпами окружая со всѣхъ сторонъ подвижную сцену. Сколько разъ, сидя гдѣ-нибудь на возвышеніи, подъ яснымъ, прозрачнымъ небомъ, любовались мы этою пестрою толпою актѣровъ и зрителей, ярко обливаю послѣдними лучами заходящаго солнца, и самыя раздрающіе звуки музыки, неизбѣжно сопровождающей всѣ представленія, если не улаждали слуха, то, доходя до насъ издали, наносили отрадныя, успокоивающія мысли, разумѣется, при чудной обстановкѣ окружающей природы.

Въ Пекинѣ тринадцать театровъ, кромѣ балагановъ, гдѣ также разыгрываются разныя пьесы, но было бы несравненно больше, если бъ правительство не запретило постройки новыхъ. Всѣ они содержатся частными людьми. Сценическихъ труппъ наберется до ста; онѣ играютъ попеременно на разныхъ театрахъ, платя хозяину зданія съ представленія. Главныхъ труппъ девять, изъ которыхъ въ иныхъ болѣе ста человекъ актѣровъ. Всѣ тринадцать театровъ каждый день, съ 10 часовъ утра до 5 вечера, бываютъ полны народомъ; тутъ Китайцы и закусываютъ, и пьютъ чай, только на время уходятъ обѣдать въ ближайшіе трактиры. Антрактовъ не бываетъ; играютъ безирерывно, черемѣшивая трагедіи съ водевилями, заимствованными изъ семейнаго быта или изъ уличной жизни. Народъ слушаетъ охотно первыя, но ничего въ нихъ не понимаетъ, кромѣ, развѣ, нѣкоторыхъ условныхъ движеній актѣровъ, да того, что люди, духи и звѣри безпрестанно сражаются и бьютъ другъ друга направо, точно, какъ и у насъ въ трагедіяхъ, только съ прибавленіемъ оглушительной музыки. Сами ученые не совсѣмъ понимаютъ языкъ, какимъ писаны многія классическія трагедіи, но знаютъ, какъ нельзя лучше, содержаніе ихъ, заимствованное изъ исторіи Китая. Извѣстное событіе троецарствованія разыгрывается на сценѣ безпрестанно. Зато представленіе семейныхъ сценъ исполнѣ понятно народу; языкъ, поговорки, остроты и самое дѣйствіе близки его повседневной жизни, и тутъ онъ тѣшится вдоволь.

Къ чему нельзя привыкнуть! Смѣшно сказать, а нѣкоторые изъ насъ находили удовольствіе въ театрѣ.

Правда, насъ столько же тѣшили зрители, сколько и самое представленіе, столько же простой народъ съ его наивнымъ, всегда тихимъ выраженіемъ веселья, сколько и важное чиновничество съ его угрюмою физиономіей, которая, однако, подъ-часъ дурно скрывала удерживаемые изъ приличія порывы удовольствія. Мы иной разъ часа по три засиживались въ театрѣ, и только музыка, къ которой никогда не привыкнетъ ухо Европейца, выживала насъ оттуда. Но если хотите, и эта музыка нужна, за неимѣніемъ другой. Въ мѣстахъ патетическихъ, гдѣ битва идетъ на пропалую, а это всегда сопровождается самыми отчаянными скачками, кувырканьемъ, мстаньемъ кошии, фехтованьемъ, словомъ, всевозможною кутерьмой, какъ воспламенить неподвижную толпу жонглеровъ? чѣмъ придать ей нужный жаръ дѣйствія, какъ не оглушительными звуками, гиканьемъ всякаго рода, подзадориваньемъ? То же самое бываетъ при пляскахъ альмъ и баядерокъ: альмы обыкновенно сначала выступаютъ тихо, плавно, лѣниво, но, воспламеняемая мало-по-малу звуками инструментовъ, крикомъ и другими средствами, доходятъ до той изступленной пляски, которая въ высшей степени выражаетъ пылъ страсти. По самому примѣненію музыки можно ужъ видѣть, что она особенно расточаетъ свой громъ въ трагедіяхъ; а какъ этого рода пьесы преимущественно играютъ до полудня, то мы всегда старались приходиться послѣ обѣда, когда начались водевили, и уходили, когда, къ вечеру, какъ бы на сонъ грядущій, а можетъ, pour la bonne bouche, опять давалась заключительная трагедія.

Не стану рассказывать содержанія китайскихъ трагедій; многіе прежде меня рассказали знаменитѣйшія изъ нихъ; а въ Китаѣ не скоро мѣняются вкусы, и тѣ же пьесы, которыя 500 лѣтъ тому считались превосходными, признаются и нынѣ лучшими. Здѣсь вѣщи, какъ и идеи, чѣмъ древнѣе, тѣмъ лучше; первыя цѣнятся дороже, послѣднія изучаются прилежнѣе, и разсматривая Китай въ отношеніи его одного и самаго къ себѣ, едвали онъ въ этомъ случаѣ не правъ. Водевили, подобно этого рода произведеніямъ въ Италиі, суть дѣти минуты, затѣянные вчера, приведенные въ исполненіе сегодня; въ нихъ не ищите какой нибудь завязки; часто не доищетесь смысла: это сцены изъ частной или уличной жизни, почти никогда не оскорбляющія чьей нибудь личности; приличія Китая этого не допускаютъ.

Вотъ, на примѣръ, содержаніе одного водевиля: *Джегойда, хозяинъ*, пригласилъ къ себѣ гостей. Вставъ поутру, онъ призываетъ повара, заказываетъ обѣдъ, и поваръ отправляется на рынокъ за провизіей. На дорогѣ попадается ему деревенская дѣвушка, съ ведрами, полными однѣхъ черепахъ; поваръ ухаживаетъ за нею; они поютъ, острятъ, къ чему особенно подаетъ поводъ названіе черепахи. Слово черепаха — самая большая брань въ Китаѣ; дѣвушка, между прочимъ, предлагаетъ купить черепахъ; поваръ рѣшается взять пару; Китайка настоятельно требуетъ, чтобъ онъ купилъ всѣхъ; сцена продолжается довольно долго. Наконецъ, хозяинъ, соскучившійся ожиданіемъ, является самъ и, увидѣвъ хорошенькую поселянку, въ

свою очередь принимается волочиться за ней: покупаетъ всё черенахи и отпращиваетъ повара готовить обѣдъ, *изъ однихъ черенахъ!* Зрители хохочутъ. Между тѣмъ волокитство хозяина идетъ успешно; онъ ужь готовъ обнять поселянку, какъ вдругъ является поварь, который вспомнилъ, что черенахъ ни самъ хозяинъ, никто изъ гостей его не станетъ ѣсть: дѣвушка убѣгаетъ, хозяинъ, вмѣсто нея, обнимаетъ подвернушагося къ нему повара и въ досадѣ выталкиваетъ его вонъ. Тѣмъ пьеса и кончается. Театръ въ восторгѣ!

Содержаніе драмы бываетъ позамысловатѣе нашей, а обстановка и мимика такъ хитры, что Европеицу не понять ихъ,—знай онъ китайскій языкъ въ совершенствѣ. Вотъ, напримѣръ: оборванный мужикъ вышелъ на сцену и поставилъ столъ, на который каждое изъ являющихся лицъ взбирается и потомъ спускается съ него — чтобъ, вы думали, это значить? Переездъ черезъ горы; столъ въ этомъ случаѣ изображаетъ горы. Нужно представить вѣдущаго верхомъ— актёръ беретъ въ руки плетку и, помахивая ею, расхаживаетъ журавлемъ по сценѣ. Правда, однажды явилась не сценѣ лошадь, по выраженію Китайцевъ, лучше настоящей: ее представляли два человѣка, согнутые въ дугу и прикрытые разрисованною бумагой: одинъ изъ нихъ держалъ бумажную лошадиную голову, другой — хвостъ; на спинахъ ихъ лежала доска, на которой важно возсѣдалъ герой драмы; за нимъ съ плетками несли его всадники, представляя изъ себя и людей и лошадей вмѣстѣ, словно дѣти, игравшія въ лошадки. Нужно изобразить переправу черезъ рѣку —

актёръ садится на полъ и начинаетъ работать руками, словно веслами; зрители понимаютъ, что это значить: пенадо и поясненій. Китайцы употребляютъ и другія подобныя ухищренія, совершенно замѣняющія наши декорации. Забавно, когда какой-нибудь духъ, въ страшной маскѣ, пробирается по стульямъ и столамъ на небо, между тѣмъ, какъ мужичокъ стоитъ внизу и жжетъ ему подъ носъ сѣру или лекопидійское сѣмя, отчего несчастный духъ сильно чихаетъ и кашляетъ, а все-таки лѣзетъ черезъ всё установленныя китайскимъ сценическимъ искусствомъ преграды на небо, и еще по пути мажетъ свою маску сажеей, чтобъ казаться обгорѣлымъ отъ адскаго огня.

Зато костюмы превосходные, изъ самыхъ дорогихъ матерій и всегда соответствующи въку, въ которомъ происходитъ дѣйствіе. Странное дѣло! Китаецъ очень обидѣлся бы, еслибъ открылъ въ матеріи бумагу вмѣсто шелку, или другую фальшь въ костюмировкѣ; а между тѣмъ, находитъ совершенно сообразнымъ съ порядкомъ вещей, если ему показываютъ столъ объясняя, что это гора, и остается очень доволенъ ключкомъ сожженной бумаги, замѣняющимъ для него самый страшный пожаръ.

Впрочемъ, и для Китайцевъ не такъ-то легко постигнуть всё сценическія условія театра; только записные театралы (а ихъ здѣсь больше, чѣмъ у насъ) могутъ похвалиться, что знаютъ ихъ впопыхъ. Разъ случилось мнѣ видѣть, что актёръ тянется руками вверхъ, какъ будто хочетъ достать потолокъ; ну, это еще понятно: онъ вѣрно лѣзетъ на крышу или въ окно;

но послѣдовавшая затѣмъ сцена поставила меня совершенно въ недоумѣніе; тотъ же актёръ, окончивъ свою манипуляцію, усѣлся на полу, на самой сценѣ, за стуломъ; ему принесли трубку и чай, и онъ преспокойно пилъ и курилъ, между тѣмъ, какъ возлѣ него происходила плачевная исторія. — «Это что такое?» спросилъ я: «не уже ли и это въ связи съ трагедіей?» — «Нѣтъ», отвѣчали мнѣ, «актёръ въ другой комнатѣ». Но нашему, было бы всего естественнѣе уйдти со сцены, но по-китайски выходить иначе: актёръ остаётся въ томъ же домѣ, подъ тою же кровлею, и потому долженъ быть на сценѣ: «Погодите, его скоро вытаскаютъ изъ-за стула». Дѣйствительно, едва онъ поставилъ свою чашку и положилъ трубку, какъ его потащили на казнь. — Ну, хитро! подумалъ я.

Жонглёрство и разнаго рода фокусничество, входящее въ составъ классической драмы, доведено въ Китаѣ до высокой степени, и Бель, бывший при посольствѣ Пзмайлова въ Китаѣ, имѣлъ полный поводъ приходить въ изумленіе при видѣ разныхъ выкидываемыхъ Китайцами штукъ (*). Теперь-то наметались по рядочно и въ Европѣ на фокусы; но въ то время, я воображаю, какъ это должно было поразить Европейца! Вамъ случалось видѣть въ петербургскомъ циркѣ труппу Арабовъ-бедуиновъ, кувыркавшихъ се обыкновеннымъ образомъ и выдѣлывавшихъ разныя штуки ножами во время самага кувырканья: въ Ки-

(*) «Белевы путешествія чрезъ Россію» и проч., перев. съ франц. Михайло Поповъ. Ч. II, 1776 г.

таѣ это ни-почемъ, и самый дюжинный акробатъ стумѣетъ прокатиться колесомъ съ ножами въ рукахъ не хуже прославленныхъ Арабовъ. Какъ вамъ покажется, напримѣръ, эта штука: фокусникъ, съ цѣлою пирамидою чашекъ и блюдъ на головѣ, принимаетъ различныя положенія, ложится, встаетъ, дѣлаетъ цин-ань, поклоны и проч., и это такой фокусникъ, который за пять рублей ассигнаціями будетъ цѣлый день показывать штуки у васъ дома!

У Китайцевъ есть свои любимые актёры и, конечно, по преимуществу, изъ трагическихъ, такъ какъ трагедія или драма у нихъ высшее и настоящее выраженіе изящнаго вкуса; водевиль — шалость, искаженность вкуса, противъ котораго возстаютъ настоящіе цѣнители и знатоки драматическаго искусства. Въ наше время въ Пекинѣ славился знаменитый Джан-нен-гой; почти при каждомъ его словѣ, при каждомъ жестѣ, движеніи, зрители вскрикивали *хао!* хорошо! и дѣйствительно, каждый шагъ этого актёра заученъ по строгимъ правиламъ китайскаго драматическаго курса, который чрезвычайно обширенъ. Джан-нен-гой вполне классическій актёръ; въ немъ ничего нѣтъ натуральнаго; каждое слово на-распѣвъ, каждое движеніе—живописная поза въ китайскомъ вкусѣ; пѣніе его подчинено строгимъ правиламъ. Кстати, о пѣніи; къ нему, какъ и къ музыкѣ, надобно приладить европейское ухо, иначе вамъ послышится ревъ какого-нибудь особеннаго рода животнаго, а не пѣніе человѣка. Надо заранѣе убѣдить себя, что «оно тамъ такъ и слѣдуетъ», потомъ ужъ стараться отыскать что-нибудь чловѣ-

ческое въ этомъ голосѣ и мало-по-малу дойти до того убѣжденія, что это дѣйствительно человѣческій голосъ, что въ пѣніи есть даже нѣкоторый ладъ, но ужь гармоніи не ожидайте. Такъ какъ мнѣ съ дороги все еще отдавался ревъ верблюдовъ, который, замѣтимъ мимоходомъ, нескоро по приѣздѣ перестаетъ слышаться, то, при посѣщеніи театра въ первый разъ въ Пекинѣ, я, невольно, всталъ, когда раздалось нѣскольکو голосовъ трагическаго гимна, вообразивъ себя, что въ Монголіи, и что ужь навьючиваютъ караванъ. Содержаніе китайскихъ трагедій, говорю не шутя, очень мало отличается отъ содержанія европейскихъ: та же вѣчная любовь, тѣ же герои, тѣ же убійства и, наконецъ, тѣ же изступленные поэты со своими стихами. Только любовь здѣсь какъ-то робче, подобострастнѣе, герои храбрѣе, убійства разнообразнѣе, по самому духу восточныхъ казней; а стихи почти все такіе же: наборъ словъ и рифмъ безъ мысли и даже часто безъ смысла.

Впрочемъ, и въ китайской драмѣ есть положенія актеровъ, нечуждыя нѣкоторой граціи: такъ, на примѣръ, сцена испуга, повторяемая довольно часто. Женщина, болѣею частью героиня, пораженная видимымъ или воображаемымъ предметомъ ужаса, вдругъ останавливается, потомъ, вся трепещущая, какъ листъ, отступаетъ назадъ; голова ея вытянута, глаза устремлены, какъ бы всматриваются въ предметъ, поразившій ихъ, лицо выражаетъ ужасъ; самый безпорядокъ одежды, распущенные волосы, взвѣвающееся покрывало, словомъ — вся ея фигура довольно живописна. Наша

Бурбѣ любила прибѣгать къ этому эффектному положенію; но китайская актриса въ подобный моментъ едва ли не лучше.

Когда я говорю актриса, не должно полагать, чтобъ это была въ самомъ дѣлѣ женщина; я уже имѣлъ случай замѣтить, что женщины съ нѣкотораго времени согнаны съ подмостковъ театра; онѣ замѣнены хорошенькими мальчиками, которые, по выраженію Китайцевъ, лучше настоящихъ женщинъ. Дѣйствительно, когда они на сценѣ, нельзя не ошибиться; даже ножка, маленькая китайская ножка такъ искусно поддѣлана подъ ихъ пяты, что нельзя угадать обмана. Въ углубленіи театра есть ложи, занимаемыя записными театрами; тамъ увидите вы ихъ, окруженныхъ этими мальчиками-актрисами, которые обращаются не менѣе деспотически со своими поклонниками, какъ настоящія актрисы въ другихъ странахъ.

Театръ составляетъ продолговатое зданіе, въ родѣ нашихъ манежей, со сценою, выступающею впередъ такимъ образомъ, что можно видѣть ее съ трехъ сторонъ, потому что боковыхъ кулисъ нѣтъ. Въ партеръ—скамьи и передъ ними столы, у которыхъ закусываютъ; вверху галерея, раздѣленная перегородками на ложи. Все вмѣстѣ взятое — грязно и гадко. Женщины никогда не бываютъ въ театрѣ; чиновникамъ также запрещено посѣщать всѣ зрѣлища, куда стекается народъ; но они приходятъ переодѣтые, безъ шариковъ, обозначающихъ ихъ достоинства. Впрочемъ, для нихъ есть театральныя представленія въ другихъ мѣстахъ, куда они являются не только открыто, но въ полной

формѣ, то-есть, въ курмѣ, въ круглой шляпѣ, и даже съ четками на шеѣ,—это представленія въ ресторанахъ; тутъ обѣдаетъ избранная аристократія Пекина; во время обѣда лучшія труппы даютъ свои представленія; такихъ ресторановъ немного—четыре или пять. Иногда въ нихъ являюся дамы, жены и дѣти большею частью маньчжурскихъ чиновниковъ; Китайки очень рѣдко показываются; тогда объ этомъ печатается въ объявленіяхъ ресторановъ и уже никто изъ мужчинъ не смѣетъ идти въ галерею, которая исключительно предназначена для женщинъ.

Мы обѣдывали въ такихъ ресторанахъ. Тутъ-то мы видѣли весь пекинскій большой свѣтъ. Надобно было прожить четыре тысячи лѣтъ и надѣяться прожить еще столько же, чтобъ такъ безошадно тратить время на однѣ церемоніи. Всякаго гостя встрѣчаетъ у подъѣзда кто нибудь изъ пригласившихъ его; потомъ посѣтитель обходитъ всѣхъ знакомыхъ; инымъ кланяется въ поясъ, другимъ дѣлаетъ легкій цинань, родъ книксена; потрясыванію кулаками у груди конца нѣтъ; проходитъ часъ, а онъ все еще не занялъ мѣста, о которомъ идетъ долго споръ между гостемъ и пригласившимъ его, пока, наконецъ, одинъ другаго не усадитъ силою на старшее мѣсто. Надо, однако, сказать правду, что все это происходитъ такъ чинно, мѣрно, плавно, можно сказать, въ тактъ, сопровождается такими нѣжными улыбками, такими сладкими взглядами, что не только никого не обезпокоиваетъ, но невольно располагаетъ въ пользу Китайцевъ посторонняго посѣтителя; въ знаніи

то этихъ всѣхъ тонкостей, въ умѣннѣ располагать ими и состоятъ *приличія* Китайца, по которымъ сейчасъ отличите настоящаго аристократа отъ выскочки. Когда галерея наполнилась дамами, наше вниманіе невольно обратилось на нихъ. Надо вамъ сказать, что мы около года почти не видали порядочно одѣтой женщины, потому что на улицѣ, пѣшкомъ, показываются только бѣдныя; группы женщинъ, занимавшихъ всю галерею, въ богатыхъ широкихъ платьяхъ, въ головныхъ уборахъ, гораздо красивѣйшихъ нашихъ, европейскихъ, съ черными, огненными глазами, съ удивительною бѣлизною лица, которой искусственность исчезала вдали, — все это невольно поражало насъ и заставляло часто подымать вверхъ глаза. Приглашенный нами къ обѣду китайскій чиновникъ, нашъ пріятель, сидѣлъ какъ на иголкахъ: «Ради моей жизни, повторялъ онъ безпрестанно, не смотрите на женщинъ: насъ непременно побьютъ у выхода». Китайцы, дѣйствительно, какъ будто и не замѣчали присутствія женщинъ, что должно бы показаться очень обиднымъ для Китайнокъ, потому что между ними были красавицы, вполне удовлетворившія самому требовательному вкусу. Женщины тоже не глядѣли внизъ; онѣ сидѣли тихо, чинно, но свободно, безъ жеманства; инья обѣдали, инья смотрѣли на сцену, и надо сказать, что, во время представленія, въ лицахъ ихъ было гораздо болѣе движенія, игры, страсти, чѣмъ въ лицахъ мужчинъ.

Мы едва дождались конца обѣда, который продолжался съ 11 часовъ утра до 4 вечера, и ушли, оста-

вивъ другихъ дослушивать пьесу и наслаждаться бесѣдой. Къ большому удовольствію нашего гостя Китайца, насъ никто не остановилъ у выхода и пропустили съ уваженіемъ, какъ иностранцевъ, какъ Русскихъ.

Въ Пекинѣ, однако, нетрудно поколотить когонибудь; стоитъ нанять людей, собственно этимъ ремесломъ занимающихся, и вашего врага изобьютъ сколько душъ угодно. Обыкновенно платятъ по два рубля ассигнаціями такому ремесленнику, не столько за работу, скажетъ вамъ Китаецъ, сколько за рискъ: ему самому часто порядкомъ достается. Если хотятъ кого поколотить на славу, то нанимаютъ трехъ и даже четырехъ человекъ. Но и въ самыхъ этихъ побояхъ проявляется *человѣколюбіе и приличіе*, какъ очень хорошо изъясняютъ эту мудрую мѣру Китайцы. Намные люди, говорятъ они, не возбуждены чувствомъ мщенія или другою страстью, и потому исполняютъ свое дѣло хладнокровно, систематически, не доводя его до крайности; притомъ же, порядочному человекѣ предосудительно предаваться гнѣву. Разсужденіе, какъ видите, клонится къ тому, что гораздо лучше нанять другаго поколотить своего врага, чѣмъ самому драться съ нимъ; во всякомъ случаѣ, это безопаснѣе. Бѣдный человекъ, конечно, отвѣчаетъ самъ за себя.

Иногда Китайцы наклеиваютъ на стѣнахъ пѣчто въ родѣ пасквилей, и, не смотря на бдительность китайской полиціи, эти пасквили, между множествомъ аффинтъ и объявленій, которыми покрыты стѣны,

остаются довольно долго незамѣченными ею. Но вотъ самый необыкновенный и едва ли не однимъ Китайцамъ свойственный способъ опозорить своего неприятеля. Нанимаютъ мальчишекъ, еще недостигшихъ того возраста, въ которомъ виновный отвѣчаетъ передъ судомъ. Мальчишки бѣгаютъ по городу въ теченіе всего дня, и бранятъ того, кого имъ поручено обработать. Иногда рассказываютъ о немъ цѣлыя исторіи, вымышленныя или справедливыя — кто ихъ знаетъ! Разумѣется, если кто изъ нихъ попадетъ въ руки будочниковъ, или тѣхъ, кого онъ бранить, то его порядкомъ прибьютъ; но тѣмъ и кончится, а для Китайца это ни-почемъ. Есть другаго рода вѣстовицки въ Пекинѣ: часто, проходя по улицамъ, мы встрѣчали людей до того оборванныхъ, что тѣло ихъ, казалось, служило вѣшалкою для просушки различнаго рода лохмотьевъ, а ужъ вовсе нельзя было подумать, чтобъ лохмотья предназначались для какойнибудь цѣли ихъ тѣлу; люди эти что-то распѣвали; мы сначала принимали ихъ за нищихъ, но вскорѣ замѣтили разницу въ напѣвѣ, а главное, увидѣли пучки бумаги у нихъ въ рукахъ: оказалось, что это продавцы всякихъ исторій, случающихся въ Пекинѣ. Сами ль они пишутъ, или разносятъ писанное другими — не знаю; только дорогою они рассказываютъ все эти исторіи довольно заманчиво и умѣютъ остановиться на интересномъ мѣстѣ, чтобъ завлечь любопытнаго купить листокъ, который стоитъ не дороже трехъ или четырехъ коп. Такимъ образомъ, воровство, любовныя похиженія, наказаніе палками, дѣлаются

въ тотъ же день извѣстными всему городу. Эти листки въ нѣкоторой степени замѣняютъ газеты, которыхъ нѣтъ въ Китаѣ: официальная же Пекинская Газета, разумѣется, не занимается ничѣмъ, кромѣ изданія указовъ, докладовъ, или печатанія объявленій о представленіи ко двору.

ГЛАВА VIII.

Смерть китайской императрицы, Тай-хоу, и жены старшаго сына хуан-ди.—Перенесеніе гроба въ Хай-тинъ.—Тяжкія обязанности въ этомъ случаѣ богдохана.—Верховный указъ его и церемоніаль.

Случай, или нѣчто другое, чего мы не постигасмъ, часто оправдываетъ самыя странныя повѣрья, которыя, послѣ такихъ осязательныхъ опытовъ, растутъ сильнѣе и разстилаютъ свою густую тѣнь надъ суевѣрнымъ народомъ. Въ Пекинѣ толковали, что скоро быть бѣдѣ: пожаръ внутри дворца и потомъ цянъ-минской башни служилъ для жителей столицы явнымъ предзнаменованіемъ несчастія. Дѣйствительно, не прошло и двухъ недѣль послѣ этихъ пожаровъ, именно 11-го января, на третій день переѣзда богдоханской фамиліи изъ загороднаго дворца въ Пекинъ, умерла Тай-хоу, императрица-мать, а на другой день жена старшаго сына хуан-ди.

Безусловная, рабская покорность сына къ родителямъ и власть послѣднихъ надъ сыномъ имѣютъ одинаковую силу въ семействѣ поселянина какъ и въ семействѣ богдохана. Изъ этого непреложнаго закона, основы всего нравственнаго и политиче-

скаго законодательства въ Китаѣ, никто не исключается, и потому, хотя при жизни старуха Тай-хоу не имѣла большаго вліянія на государственныя дѣла, однако ей отдавались все почести, должныя матери Сына Неба; и въ этомъ случаѣ хуан-ди былъ только первымъ исполнителемъ своихъ обязанностей. Лишась трехъ женъ, онъ не могъ возвести въ достоинство хуань-хоу одну изъ классныхъ наложницъ. Китай оставался безъ матери, что поставило въ большое затрудненіе Китайцевъ; и дѣйствительно, какимъ образомъ имперія будетъ существовать сиротою?

Я уже замѣтилъ, что богдоханъ не питалъ нѣжныхъ чувствъ къ хуань-хоу. По крови онъ и не былъ ея сыномъ, но по закону долженъ былъ признать матерью жену своего отца. Нелегко ему было исполнять обязанности сына при жизни Тай-хоу, и еще тяжелѣе теперь, при ея погребеніи. Онъ былъ только четырьмя годами моложе ея (мачиха его умерла 74 лѣтъ) и до того слабъ, что, послѣ всякаго колѣнопреклоненія, не могъ встать: его подымали; тѣмъ не менѣе обязанъ былъ, въ теченіе ста дней, каждый день совершать передъ гробомъ колѣнопреклоненія трижды по трижды и приносить жертвы вмѣстѣ съ первыми чинами имперіи. Последнее совершается безъ слезъ, но съ громкимъ и тяжелымъ всхлипываньемъ. Почти цѣлый день проходитъ въ совершеніи обряда. Въ Пекинѣ хуан-ди не могъ ни на шагъ отступить отъ обрядовыхъ постановленій, опредѣляющихъ со всею точностью его семейную и общественную жизнь; вотъ почему онъ рѣшился переѣхать въ Хай-тянь, и такъ-какъ ему

не дозволялось оставить гробъ матери, то и его перевезли туда же. Самая польза государства требовала этого: что было бы съ управленіемъ въ странѣ, гдѣ ни одно дѣло не можетъ получить хода, ни одно постановленіе привести въ исполненіе безъ разрѣшенія богдохана, если бы онъ на нѣсколько недѣль прервалъ свои многотрудныя занятія? Были люди благоразумные, или, скорѣе, приверженные къ нему, которые подали адрессъ, упрасивая его не предаваться сильно горести и побережь свое здоровье; но были и такіе, которые защищали древніе обычаи и постановленія; однакожь хуан-ди поставилъ на-своемъ.

Впрочемъ, въ народѣ не было замѣтно большой скорби по усопшей, хотя она при жизни дѣлала добро, помогала бѣднымъ, особенно вдовамъ. Смерть ея была предметомъ толковъ чисто матеріальныхъ. Плакалъ только тотъ, кто участвовалъ въ церемоніалѣ, и плакалъ тогда, когда было назначено. Толковали о томъ, чего будетъ стоить переноска тѣла въ Хай-тянь, и какіе убытки потерпятъ, по случаю предстоящаго траура, торговцы картинами, заготовившіе къ новому году болѣе мильіона фонарей; говорили о многомъ, но никто не вспомнилъ, что покойная оставляла сиротами, кромѣ хуан-ди, родныхъ дѣтей, хотя положеніе ихъ, конечно, должно было прежде всего найдти сочувствіе въ народѣ. Увы! эти дѣти тоже печалились и сокрушались не поувлеченію; но согласно китайскому церемоніалу, и было бы даже неприлично нарушить его излишнею скорбью; здѣсь на все предѣлы, положенныя постановленіями, и черезъ нихъ не пробьется никакое чувство.

Во время шествія печальной церемоніи, никого не пускали по улицамъ, кромѣ участвовавшихъ въ церемоніаль, точно также, какъ и въ обыкновенный проѣздъ богдохана. Это особенно было несприятно для насъ, потому что надо было скрыться гдѣ-нибудь въ лавкѣ, мимо которой пронесутъ гробъ, и глядѣть на погребальную процессію тайкомъ, въ окно. Она должна была проходить не по большой мощеной дорогѣ, а по боковой, слѣдовательно, лавка стариннаго знакомца подворья Сюя, находящаяся у первой, не могла служить на этотъ разъ пристанищемъ. Отъискали какую-то лачугу ремесленника, промышлявшаго плетениемъ корзинокъ; зная, что въ Китаѣ всѣ церемоніи начинаются до разсвѣта, мы отправились на мѣсто въ четвертомъ часу пополудни, и дѣйствительно, проѣзжая мимо дворца, видѣли около него движеніе; но мы не рассчитали, что лавка, служившая намъ убѣжищемъ, отстояла версты за три отъ дворца, а частыя жертвы покойницъ на дорогѣ, причиняли неизбѣжныя остановки. Случается еще, что при переносѣ покойника на кладбище идутъ черепашимъ ходомъ, то-есть, дѣлаютъ два шага впередъ и потомъ шагъ назадъ, чтобъ показать отчаяніе остающихся въ живыхъ, которые никакъ не хотятъ разстаться съ гробомъ, и едва понесутъ его, требуютъ назадъ. Въ Китаѣ много подобныхъ тонкостей и каждая имѣетъ какое-нибудь значеніе; тутъ ничего не дѣлается спроста. Онѣ-то, эти тонкости, и составляютъ кодексъ китайскихъ церемоній и приличій. Незнающій ихъ почитается невѣждой, варваромъ.

Наконецъ, около полудня, проѣхала мимо насъ группа всадниковъ; въ числѣ ихъ одинъ только казался если не печальнымъ, то довольно мрачнымъ, что придавало его рѣзкимъ чертамъ выраженіе силы и энергіи, которыхъ слѣды еще можно встрѣтить въ маньчжурскихъ физиономіяхъ,—но никогда въ китайскихъ; ему было лѣтъ 35, роста былъ онъ средняго, собою красивъ и статенъ: это былъ братъ богдохана, старшій сынъ покойной Тай-хоу. Всадники уѣхали впередъ, чтобъ приготовиться къ жертвоприношенію. Въ слѣдъ за ними понесли высокій красній столбъ съ флагомъ: такой столбъ всегда ставится у воротъ покойника. Вскорѣ показались погребальное шествіе. Оно открывалось верблюдами, навьюченными юртами; за ними вели около сотни бѣлыхъ лошадей, осѣдланныхъ и неосѣдланныхъ; далѣе — толпы носильщиковъ съ ящиками, покрытыми желтою шелковою матеріею: предполагается, что въ этихъ ящикахъ приданое покойницы, которое должно слѣдовать за нею въ дальнѣйшій путь, то-есть, быть сожжено у ея гроба, но, говорятъ, подъ чахлами просто пустыя корзины; еще далѣе, несли мебель, посуду, множество значковъ, потомъ тянулись толпы свнуховъ, бывшихъ слугъ усопшей, которыхъ обязанность состояла въ томъ, чтобъ оплакивать покойницу: они выли страшно; наконецъ, показались распорядители погребальнаго шествія и, въ заключеніе, гробъ, осѣненный богатымъ балдахиномъ изъ желтой шелковой матеріи, вышитой драконами, съ золотымъ шаромъ наверху. Гробъ несли девяносто-четыре челоуѣка и сопровождали слуги и

служанки покойной — всё, разумеется, въ глубокомъ траурѣ, то-есть, женщины въ бѣлыхъ серпанковыхъ платьяхъ, а мужчины въ такихъ же халатахъ и бараньихъ курмахъ шерстью вверхъ.

Я забылъ сказать, что передъ гробомъ шло нѣсколько человѣкъ, кидавшихъ вверхъ горсти изрѣзанной бумаги: предполагается, что это деньги, кидаемые въ народъ; народъ также только предполагается, потому что, какъ мы замѣтили, на улицы никого постороннихъ не пускаютъ. Вообще иллюзія занимаетъ важное мѣсто въ Китаѣ. Человѣку свойственно заблужденіе, говоритъ старая, какъ Китай, аксіома; Китаецъ еще вѣритъ, что онъ первый человѣкъ на землѣ, что его богдоханъ — властитель міра; что только Китайцы учены и образованы, а все другіе народы варвары, или много, много что торгоши, купчишки; только Русскіе еще кос-какъ понатѣрлись около сосѣдей. Не образумила Китайцевъ и англійская война, да и не могла образумить. Дѣйствительно, что сдѣлали по ихъ понятіямъ Англичане? Набѣгъ, съ цѣлью добыть отъ нихъ побольше денегъ. То же дѣлали прежде Монголы и сами Маньчжуры.

Невольно увлеченные общимъ примѣромъ, мы тоже глядѣли на печальную процессію, какъ на зрѣлище, гдѣ каждый разыгрывалъ заранее затверженную роль: евнухи выли громко и внятно, носильщики въ-разъ взмахивали свободною рукою; нашъ президентъ, то есть, президентъ Пекинской Палаты Вышнихъ Сношеній, высокій, дюжій, шелъ передъ гробомъ въ качествѣ племянника Тай-хоу и одного изъ распоряди-

телей церемоніала. Но эффектиѣ всего было шествіе верблюдовъ, навьюченныхъ юртами: плавно и важно выступали они, поднявъ головы высоко вверхъ; фигура верблюда, и безъ того довольно печальная, казалась еще печальнѣе, еще мрачнѣе подъ свѣтложелтымъ покрываломъ, на свѣтлой картинѣ, гдѣ только и видны были желтыя шелковыя матеріи съ золотомъ или бѣлыя одежды сопровождавшихъ гробъ. Какъ многозначительна мысль этихъ юртъ! теперь Маньчжуры даже и на родинѣ рѣдко употребляютъ юрты и вообще перестаютъ быть кочевымъ народомъ, а въ Пекинѣ и въ Китаѣ живутъ постоянно въ домахъ, такъ же точно, какъ и Китайцы; тѣмъ не менѣе, однако, близъ дворца постоянно стоитъ юрта, какъ-бы для напоминанія того, чѣмъ были нѣкогда нѣмнѣшніе повелители Китая. Обыкновеніе это ввели, кажется, еще Монголы. И что такое собственно здѣшняя жизнь, какъ не временное кочевье? Не для чего воздвигать постоянныхъ жилищъ: достаточно юрты, которую раскинутъ въ послѣдній разъ у вашей могилы, потомъ сожгутъ — и всему житейскому конецъ...

Въ заключеніе, помѣстимъ здѣсь указъ богдохана, объявленный вскорѣ послѣ смерти Тай-хоу, гдѣ, какъ увидите, приведены достаточныя причины, почему китайскому хуан-ди не должно слишкомъ предаваться горести.

Верховный Указъ, данный Правленія Дао-гуанъ 29 года, XII луны 13 числа (1850 года января 13).

«Двадцать девять лѣтъ минуло съ тѣхъ поръ, какъ я съ почтеніемъ принялъ на свое сыновнее попеченіе

вдовствующую Тай-хоу. Не смотря на глубокую старость, она была бодрa и здорова, и я сердечно радовался ея благоденствію и счастію, сохраняя тайно въ душѣ моей сладостную надежду на продолженіе дивныхъ лѣтъ ея. Возвратясь, вмѣстѣ съ нею, 7-го числа изъ нашего загороднаго дворца въ столицу, я нѣсколько дней сряду являлся къ ней для поклоненія. Вдругъ, она почувствовала себя нездоровою. Я думалъ, что чрезъ нѣсколько дней состояніе здоровья ея совершенно поправится; однако, вопреки ожиданію, старческая слабость и болѣзнь съ каждымъ днемъ увеличивались и наконецъ 11-го числа, въ часъ обезьяны (въ 4 пополудни), духъ ея вознесся на небо. Поистинѣ, моей горести и скорби нѣтъ предѣловъ! Съ душевнымъ сокрушеніемъ размышляю о томъ, какія великія милости и особенную любовь я воспріялъ отъ моей премудрой и добродѣтельнѣйшей матери Сяо-ци-жуй-хуань-хоу, вознесшейся на небо и сколько сладостныхъ надеждъ питалъ на то, что могу еще очень долго служить ей; лишенный счастія зрѣть небесный ликъ ея, я ни чѣмъ не могу утѣшиться и облегчить моей горести.

«Мое сердце не можетъ быть спокойно, если, согласно съ оставленнымъ завѣщаніемъ усопшей, я сниму трауръ послѣ 27 дней; и потому, сверхъ стодневнаго большаго траура, я буду носить въ теченіе 27 мѣсяцевъ простое черное платье, чтобъ показать мою искреннюю горестъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ своемъ премудромъ завѣщаніи, покойная изволила приказать мнѣ неслишкомъ предаваться печали, ради моей преклонной старо-

сти, достигшей ужъ семидесяти лѣтъ, но управленіе страню считать важнѣйшимъ дѣломъ. Смѣю ли не исполнить со всею готовностью ея приказаній? Къ тому же, въ день ея смерти, князья и чиновники подали мнѣ докладъ, прося неслишкомъ предаваться горестнымъ мыслямъ, но поступать по правиламъ, которыя при такихъ же обстоятельствахъ наблюдалъ покойный дѣдъ мой Гао-цзун-чунь-хуан-ди. (Цянь-лунъ). Соизволяя на ихъ прошеніе, я постоянно, послѣ возліянія, буду жить попрежнему въ залѣ Ян-синь-дянь (*); всѣ дѣла, относящіяся до обрядовъ великаго траура, поручаю моему брату, князю 1-й степени Мянъ-юй, князю 2-й степени Цзай-цюань, министру Цинъ и председателю Палаты Чиновъ Винь-цинъ; вмѣняю имъ въ обязанность обо всемъ, что и въ какое время исполнить должно, со всею тщательностью и глубокимъ почтеніемъ наводить справки въ прежнихъ примѣрахъ и въ свое время докладывать мнѣ. Для чего, во всеобщее свѣдѣніе внутри и внѣ, данъ сей указъ».

Долженъ же я сказать о траурѣ, наблюдаемомъ въ Китаѣ: въ чемъ онъ состоитъ, сколько времени продолжается и проч. Вмѣсто собственнаго описанія, рѣшаюсь помѣстить здѣсь изданное Обрядовой Палатой росписаніе траурной одежды и обрядовъ, сопровождающихъ погребальную церемонію, — Палата лучше меня знаетъ дѣла этого рода, — постараюсь сократить его, чтобъ не утомить читателей.

«Росписаніе траура по вдовствующей Тай-хоу, состав-

(*) А не вмѣстѣ съ гробомъ, какъ бы следовало.

ленное Обрядовою Палатою и утвержденное Хуан-ди (1850 года января 18).

1) Хуан-ди подръзываетъ косу и одѣвается въ полное траурное платье.

2) Принцы крови снимаютъ кисти съ шапокъ и одѣваются въ полное траурное платье.

3) Всѣ классныя наложницы Хуан-ди и жены принцевъ снимаютъ серьги и кольца и одѣваются въ полное траурное платье.

4) Прислужницы и евнухи, всѣ служители обоего пола при чайной и кухнѣ покойной вдовствующей Тай-хоу, обрѣзываютъ себѣ косы.

(5-й и 6-й пунктъ подробно описываетъ, гдѣ кому стоять во дворцѣ и при оплакиваніи покойной).

7) Хуан-ди въ теченіи 27 дней не занимается государственными дѣлами, за исключеніемъ дѣлъ важныхъ, нетерпящихъ отлагательства.

9) Въ теченіе 27 дней Хуан-ди на докладахъ и чиновники въ присутственныхъ мѣстахъ пишутъ резолюціи и замѣтки голубою краской, равно и при прикладываніи казенныхъ печатей употребляютъ краску голубую, вмѣсто красной.

9) Всѣ классныя наложницы Хуан-ди, принцы и ихъ жены, послѣ большаго жертвоприношенія, въ 27-й день снимаютъ большой трауръ. Принцессы, жены и дочери князей, до жены послѣдняго княжескаго разряда Фын-энь-цзян-цзюнь, жены жалованныхъ нижнихъ князей изъ народа и первыхъ двухъ классовъ чиновниковъ, жены наследственныхъ дворянъ трехъ степеней, тѣлохранителей, офицеровъ трехъ дворцо-

выхъ знаменъ и служителей—всѣ снимаютъ серьги и кольца и носятъ бѣлое траурное платье. Жены китайскихъ чиновниковъ, хотя и имѣющія дипломы, не получаютъ траурнаго платья отъ казны.

10) Князья и чины, до перенесенія гроба въ загородный дворецъ, являются для оплакиванія по три раза въ день; а послѣ перенесенія должны, въ теченіе 27 дней, являться только однажды въ день, утромъ. Принцессы и жены первыхъ двухъ классовъ чиновниковъ, въ теченіе трехъ дней, собираются по три раза въ день для оплакиванія, а съ четвертаго дня, до большаго жертвоприношенія, только однажды въ день. Офицеры трехъ дворцовыхъ знаменъ и жены ихъ, до перенесенія гроба, также должны собираться для оплакиванія по три раза въ день, а послѣ перенесенія распределяются на три очереди. Въ мѣстахъ, гдѣ будутъ находиться для сѣтованія женщины и дѣвицы, устроить рогоженныя шалаши и палатки изъ чернаго полотна.

11) Для оплакиванія собираются—князья въ своихъ дворцахъ, чиновники въ присутственныхъ мѣстахъ, военные генералы и офицеры въ канцеляріяхъ своего корпуса. Заграничныя князья, послѣ сбора для сѣтованія, расходятся по своимъ квартирамъ.

12) Всѣ выданныя за границу принцессы и княжескія дочери, зятя богдохана и тайцзи, находящіеся въ столицѣ, получаютъ бѣлое траурное платье.

13) Иностранцы (*), случившіеся въ теченіе 27 дней

(*) Когда говорится объ иностранцахъ, то должно разумѣть Монголовъ, Китайцевъ, Тибетцевъ и другихъ, имѣющихъ право на вѣздъ въ столицу Китая; прочіе называются варварами.

въ столицѣ, получаютъ траурное платье; но не собираются для сѣтованія.

14) Ближайшимъ потомкамъ властвующаго рода, послѣ 27 мѣсяцевъ траура, дозволяется совершать бракъ; а дальнѣйшимъ и Гюро, также и чиновникамъ первыхъ трехъ классовъ изъ Маньчжуровъ и Китайцевъ, по истеченіи года, дозволяется совершать бракъ съ музыкою; но обыкновенныя собранія для пиршества не допускаются до истеченія 27 мѣсяцевъ. Чиновникамъ изъ Маньчжуровъ и Китайцевъ, съ 4-го класса и ниже, дозволяется, по истеченіи ста дней, совершать бракъ и съ музыкою, а обыкновенныхъ собраній для пиршествъ не дѣлать до истеченія года.

15) Жены и дѣти офицеровъ и солдатъ, находящихся въ походѣ, только три дня не носятъ кистей, и вовсе не надѣваютъ траурнаго платья. Всѣ носящіе трауръ по своимъ родителямъ и больные оспой не получаютъ траурнаго платья.

16) Губернскіе чиновники, со дня полученія печальнаго извѣстія, въ теченіе трехъ дней, утромъ и вечеромъ, собираются для оплакиванія и жертвоприношенія; жены ихъ, имѣющія дипломы, снимаютъ серьги, кольца и головныя украшенія и одѣваются въ простое черное платье въ теченіе 27 дней, со дня полученія извѣстія. Никто не долженъ брить головы въ теченіе ста дней, со дня кончины Тай-хоу, ни совершать браковъ, ни пускать къ себѣ въ домъ музыку, также какъ и столичныя чиновники. Губернаторы, генерал-губернаторы и прочіе чиновники невозжигаютъ жертвенныхъ свѣчей. Чиновники первыхъ четырехъ классовъ, нахо-

дящіяся на родинѣ, не имѣютъ права вѣзжать въ столицу. Маньчжурскіе и китайскіе солдаты и простолюдины въ теченіе одного мѣсяца не совершаютъ браковъ и въ теченіе ста дней не допускаютъ къ себѣ въ домъ музыку.

17) Всѣ большіе и малые чиновники, распоряжающіе дѣлами и обрядами траура, тѣлохранители и служители дворца покойной Тай-хоу, по истеченіи ста дней, снимаютъ трауръ.»

Всѣмъ извѣстно, что въ Китаѣ бѣлый цвѣтъ выражаетъ глубокой трауръ, а черный—обыкновенный трауръ; красный же цвѣтъ служитъ выраженіемъ радости и веселія.

Выносъ тѣла Тай-хоу изъ загороднаго дворца на родовое кладбище нынѣшней династіи назначенъ въ четвертой лунѣ, черезъ четыре мѣсяца послѣ ея смерти, —срокъ довольно непродолжительный по китайскимъ обрядамъ.

Любопытно сравнить событіе смерти и погребенія императрицы-матери съ подобнымъ же, случившемся слишкомъ за двѣсти лѣтъ, при минской династіи, и именно въ 1614 году, которое подробно описалъ Европеецъ, свидѣтель его (*). Церемоніаль сохранился одинъ и тотъ же, почти безъ измѣненія; только въ прежнее время было гораздо больше пышности и великолѣпія, судя по словамъ Семедо. Богдоханъ своими

(*) Histoire universelle du grand royaume de la Chine comp. en italien par le p. Alvarez Semedo etc. trad. par. Louis Coulon p. Paris 1643, ст. 110 и слѣд.

руками положилъ въ гробъ матери жемчугу, золота и парчей, почти на миллионъ нашихъ рублей. Существенная разность при погребеніи состояла въ томъ, что гробъ императрицы минской династіи сопровождалъ народъ, « котораго, восклицаетъ почтенный отецъ, было столько, что никакія силы человѣческія не могли бы счесть. »

Церемоніаль погребенія китайскаго императора, какъ справедливо замѣчаетъ тотъ же Семедо, не отличается отъ погребенія императрицы, развѣ только матерій и другихъ драгоценностей кладутъ болѣе въ гробъ перваго, да при жертвахъ сожигаютъ вещи поцѣннѣ (*).

(*) Писавши эти строки, я не думалъ, чтобъ чрезъ мѣсяць пришлось мнѣ быть свидѣтелемъ погребенія, или, правильнѣе сказать, выноса гроба богдохана.

Литогр. А. Говардъ въ Вѣнѣ.

исп. Гекеръ.

ГЛАВА IX.

Опиумъ.—Опиумъ въ древности и въ настоящее время. — Монополія разведенія маку въ Индіи. — Обработка его; составныя части. — Употребленіе его. — Контрабанда опиумомъ въ Китаѣ.—Количество ея.—Пагубныя послѣдствія. — Мнѣнія о томъ китайскихъ и англійскихъ писателей. — Курильщики опиума въ Китаѣ.

Торговля опиумомъ, поглотившая богатства Китая, разрушающая видимо физическое и нравственное состояніе трехъ сотъ съ половиною миліоновъ жителей имперіи, предвѣщаетъ такъ много пагубнаго въ будущемъ, что мы рѣшились разсмотрѣть этотъ предметъ съ большимъ вниманіемъ во всѣхъ отношеніяхъ: начавъ съ зерна, производящаго растеніе, благотельное и вмѣстѣ гибельное, прослѣдить его чрезъ весь процессъ произрастенія и обработки до той минуты, когда оно своимъ роковымъ плодомъ, постепенно отравляя человѣка, низводитъ его въ могилу.

Порода маковъ представляетъ до сорока видовъ; тотъ, изъ котораго получается опиумъ, называется *papaver somniferum*. Опиумъ извѣстенъ былъ въ древности и получался изъ Фивъ, подъ именемъ фивскаго эк-

стракта. Въ послѣднее время стали мало-по-малу разводить макъ на югъ Европы. Сколько мнѣ извѣстно, первые опыты посѣва были сдѣланы во Франціи, и именно, около 1690 года, въ деревнѣ Обервиллѣ (Aubervilliers); но получавшійся оттуда опиумъ, извѣстный въ торговлѣ подъ именемъ парижскаго, кажется, не такъ былъ дѣйствителенъ, какъ опиумъ азиатскій. Послѣ Индіи, главнѣйшія мѣста разведенія опиума — въ Анатолиі, Каппадокіи, Персіи, Турціи, особенно въ Карагисартъ, что въ древней Фригіи. Все количество собираемаго опиума въ Европѣ незначительно; въ турецкихъ владѣніяхъ не превышаетъ оно двухъ тысячъ ящиковъ (*), и нѣсколько менѣе того въ Персіи; это количество совершенно ничтожно сравнительно съ тою огромною массою опиума, которую производитъ Индія: передъ разрывомъ сношеній Англіи съ Китаемъ, получено до 35,000 ящиковъ, или около 2,000,000 килограммовъ опиума, и — страшно подумать! вся эта масса поглощена Китаемъ, потому что Индійцы потребляютъ только то, что остается въ излишкѣ за доставленною въ Китай пропорціей. Послѣ этого неудивительнымъ покажется нервическая заботливость британскаго правительства въ Индіи — произвести эту огромную массу и сбыть ее, въ противность всѣхъ запрещеній правительства Китая.

Макъ, доставляющій опиумъ, разводится почти во всѣхъ обширныхъ владѣніяхъ Индійской Компаніи, и

(*) Въ ящикѣ можно полагать круглымъ числомъ около 60 килограммовъ; впрочемъ, турецкій опиумъ продается въ меньшихъ ящикахъ, чѣмъ индійскій.

особенно въ Бенгалѣ и Мальвѣ; послѣ нихъ Бенаресъ и Патна наиболѣе отпращиваютъ опиума. Во владѣніяхъ, принадлежащихъ собственно Компаніи, торговля опиумомъ составляетъ ея монополію. Еслибъ кто вздумалъ заняться разведеніемъ мака и обработкою опиума, не обязавшись предварительно сдать управленію Компаніи весь полученный продуктъ за цѣну, которую угодно назначить Компаніи, то отъ него немедленно отобрали бы опиумъ; а если макъ еще не собранъ, то истребили бы плантаціи. Этого мало: Индіецъ, волею или неволею, обязанъ добыть извѣстную часть опиума въ пользу Компаніи. Правда, Компанія соблюдаетъ всю наружную свободу въ этомъ случаѣ и входитъ въ условія съ земледѣльцами; но какимъ образомъ? Она назначаетъ цѣну и количество опиума, которую Индіецъ долженъ доставить, и даетъ ему задатки; но еслибъ кто вздумалъ отказаться отъ предлагаемыхъ условій и задатковъ, то ему кидаютъ деньги въ домъ; если онъ убѣжитъ, то его ловятъ, вталкиваютъ въ домъ — и актъ условія заключенъ. Особые чиновники, всегда изъ кровныхъ Англичанъ, наблюдаютъ за обработкой мака и сборомъ опиума; едва ли какая отрасль управленія въ Индіи подчинена такому строгому порядку и безусловному исполненію распоряженій начальниковъ. Огромное пространство земель, которое прежде засѣвалось хлѣбными растеніями, теперь занято подъ плантаціи мака, требующія самой лучшей почвы; съ каждымъ годомъ эти плантаціи увеличиваются. Кеннеди (Kennedy), который нѣсколько лѣтъ сряду былъ сборщикомъ податей въ Бенаресѣ и аген-

томъ по доставкѣ опиума, увѣряетъ, что въ одномъ округѣ Сару, въ 1821 году, было занято плантаціями мака 20,000 бига (*), а въ 1829 году это количество уже удвоилось. Особые досмотрщики выбираютъ, какъ мы уже сказали, лучший участокъ земли; его огораживаютъ, вспахиваютъ, разбиваютъ землю, очищаютъ отъ дикихъ корней и растений и равняютъ какъ можно лучше; потомъ раздѣляютъ на гряды, въ борозды которыхъ, въ случаѣ нужды, можно пустить воду изъ нарочно устраиваемыхъ вблизи плантаціи резервуаровъ. Орошеніе необходимо, потому что всходы мака бываютъ въ самое жаркое время. Сѣютъ его въ ноябрѣ. Какъ скоро макъ взойдетъ, работники безпрестанно полютъ и поливаютъ его; когда же созреваетъ, для нихъ новая, труднѣйшая работа — сборъ опиума: на маковкахъ дѣлаютъ острыми раковинами легкіе перпендикулярные нарѣзы. Въ Персіи для этого употребляютъ небольшой инструментъ съ нѣсколькими лезвиями, которыми заразъ вонзаютъ въ маковку. Изъ этихъ нарѣзовъ сочится опиумъ, и тутъ-то нужна вся неусыпная дѣятельность рабочихъ, чтобъ не проронить капли драгоценнаго сока, который каждый вечеръ непременно должны они доставлять надзирателю. Сборъ этотъ бываетъ въ февралѣ и мартѣ. Въ теченіе шести недѣль надзиратель, его семейство, работники, женщины, дѣти, старики — всѣ заняты утомительною работою до тѣхъ поръ, пока влага начнетъ сочиться медленно и, вмѣсто бѣлой, становится зеленоватою; это доказы-

(*) Бига равняется 1,474 квадратнымъ метрамъ.

ваетъ, что макъ ужъ не заключаетъ въ себѣ опиуморнаго вещества.

Работникъ обыкновенно получаетъ около осьми рублей ассиг. за серъ (болѣе фунта) опиума; этотъ опиумъ долженъ быть такъ густъ, чтобъ надзиратель могъ свободно опрокинуть его себѣ на руку, нисколько непроливъ.

Papaver somniferum въ Индіи достигаетъ иногда до четырехъ футовъ высоты; цвѣты его бѣлые или дымчатые, большіе; маковая головка величиною съ лимонъ; внутри она раздѣлена на осемь, десять, даже четырнадцать клѣточекъ пористыми перепонками, къ которымъ прикрѣплены зерна; эти послѣднія — бѣлыя или сѣроватаго цвѣта, смотря по свойству мака. Всѣ части растенія употребляются въ медицинѣ; самые побѣги имѣютъ наркотическое свойство; а изъ маковыхъ головокъ приготовляютъ цѣлительный экстрактъ.

Точное химическое разложеніе опиума всегда ускользало отъ усилій ученыхъ, и до сихъ поръ нельзя опредѣлительно сказать, что всѣ составныя части его извѣстны. Деронъ и за нимъ Сертенеръ, Сегенъ, Робикс и Шелетъ подвергали его изслѣдованію и всякій разъ находили неизвѣстныя до того части. Кромѣ свойственныхъ каждому растенію гумми, каучука, солей и проч., въ немъ открыли особенные окислы и альколоиды, какъ то: наркотинъ, морфинъ, меконинъ, норсеинъ и кодеинъ.

Бенаресскій опиумъ считается лучшимъ, потому что онъ заключаетъ въ себѣ ароматъ, происходящій, какъ

замѣчаютъ, отъ особеннаго способа обработки земли; турецкій, хотя содержитъ въ себѣ много наркотическаго свойства, однако считается низшаго достоинства; персидскій извѣстенъ въ торговлѣ подъ именемъ геббара, или слезъ. Прекрасная статья доктора Бюттера, хирурга одного изъ индійскихъ полковъ и офъицика въ Бенаресскомъ округѣ, помѣщенная въ «Журналъ Бенгальскаго Азіатскаго Общества» (№ 51-й, марта 1836 г.), показываетъ вполне, для какой цѣли предназначается огромная масса опиума, собираемая въ индійскихъ колоніяхъ.

Опиумъ употребляютъ различно: въ Сиріи и Турціи изъ него готовятъ, вмѣстѣ съ другими ароматическими веществами, шарики, которые обыкновенно глотаютъ; въ Китаѣ его курятъ. Перейдемъ къ употребленію опиума въ этой послѣдней странѣ.

Сначала опиумъ въ Китаѣ былъ употребляемъ только какъ лекарство, и подъ этой статьёй былъ занесенъ въ китайскій тарифъ; но въ 1796 году правительство замѣтило, что онъ началъ входить въ употребленіе какъ предметъ чувственныхъ наслажденій, и запретило, подъ строгимъ взысканіемъ, ввозъ его; запрещеніе это возобновлялось время-отъ-времени, а между тѣмъ привозъ опиума контрабандой съ каждымъ годомъ увеличивался. Въ 1821 году китайское правительство обязало купцовъ Гонга въ Кантонѣ, подъ ихъ отвѣтственностью, наблюдать за истребленіемъ контрабанды, и Индійская Компанія въ то время находила такое требованіе совершенно основательнымъ, въ видахъ чело-вѣколюбія, строгой истины и исполненія законовъ го-

сударства, съ которымъ находится въ мирныхъ сношеніяхъ; она объявила, что если кто изъ ея агентовъ, капитановъ судовъ, или офицеровъ, сложитъ на китайскій берегъ хотя одинъ ящикъ опиума, тотъ будетъ исключенъ изъ службы Компаніи. Не будемъ останавливаться на изысканіи причинъ, по чему та же Компанія, впоследствии, нарушила законы дружественной державы, ею же признанные, которымъ добровольно подчинилась,—да и можно ли было не подчиниться имъ по чувству справедливости,—и отказалась отъ собственныхъ убѣжденій, и перейдемъ непосредственно къ самому факту, то есть, къ контрабандной торговлѣ.

Англичане умѣли сообщить этой контрабандѣ такое быстрое развитіе, такіе гигантскіе размѣры, до которыхъ едвали доходила какая либо дозволенная, узаконенная трактатами торговля. Вотъ что говоритъ Медгурстъ (W. H. Medhurst) о вывозѣ опиума Остиндской Компаніей въ Китай въ послѣдніе годы до начатія войны:

Годы.	Число ящиковъ.	Цѣнность на доллары (*).
1816	3,210	3,567,000
1820	4,770	8,400,800
1825	9,621	7,608,205 (**).
1830	18,760	12,900,031
1832	23,670	15,338,160
1836	27,111	17,904,248
въ 1837	было вывезено	34,000 ящика, на сумму

(*) Долларъ стоитъ около 3 руб. асс.

(**) Въ этотъ годъ цѣнность на опиумъ упала по причинѣ дурнаго качества собраннаго опиума.

100 мил. руб. ассиг. Свѣдѣнія, собранныя Медгур-стомъ за этотъ годъ, оканчиваются весенними мѣсяца-ми; въ 1838 году вывозъ еще значительно увеличил-ся; въ одинъ июль вывезено около 5,000 ящиковъ; въ 1839 году, какъ извѣстно, возникли непріязненные дѣйствія между Англїей и Китаемъ. Въ этотъ годъ, по свѣдѣніямъ, собраннымъ мною изъ другихъ источни-ковъ (*), оказывается, что въ Калькуттѣ продано опиума, для отправленія въ Китай, всего на 7,683,703 ру-пїи (**); въ 1843—1844 (послѣдовавшемъ за заключе-ніемъ трактата) на 22,846,066 рупїй, въ 1846—1847 на 30,702,994, въ 1847—1848 на 23,625,153 въ 1848—1849 на 34,930,275 рупїй. Чистую прибыль торговли Индїи съ Китаемъ опиумомъ можно положить около 50 милїоновъ руб. ассиг.

Приступая къ описанію пагубнаго дѣйствія торговли опиумомъ, выпишу мнѣніе одного изъ Китайцевъ, пользовавшагося нѣкогда большимъ вліяніемъ въ госу-дарствѣ: конечно, это авторитетъ весьма важный въ разбираемомъ дѣлѣ.

Хуан-дзи-дзы прошелъ по всѣмъ степенямъ госу-дарственнаго управленія, и уже въ званїи вице-прези-дента Палаты Жертвенныхъ Обрядовъ, въ 1836 году, подалъ богдохану докладъ объ опиумѣ; въ этомъ до-кладѣ онъ, между прочимъ, говоритъ:

«Человѣкъ, начавшій курить опиумъ, не можетъ остановиться, и эта привычка дѣлается столь силь-

(*) Лаволле (Revue des Deux Mondes), 13 февраля 1831 года и др.

(**) Рупїя — около 2 руб. 25 коп. асс.

ною и могущественною, что она подавляетъ все чувства, заставляетъ забыть обязанности къ семей-ству, которое несчастный ведетъ къ гибели, и уни-чтожаетъ всякую привязанность къ жизни. Предаю-щіеся этой пагубной страсти въ скоромъ времени те-ряютъ здоровье и силы; цвѣтъ лица ихъ дѣлается болѣзненнымъ, зубы чернѣютъ; эти люди видятъ сами, что роютъ себѣ могилу, но уже не могутъ отойти отъ нея. Куреніе опиума нынче распростра-нилось болѣе, чѣмъ когда либо; эта страсть, убиваю-щая всякую нравственность, господствуетъ на всемъ пространствѣ Китая. Во время правленія Цян-луна и предшествовавшаго ему, когда опиумъ былъ принима-емъ въ таможи и оплачивался пошлиною, за него да-вали чай и другія китайскія произведенія; но нынче, страшась запретительныхъ законовъ, не смѣютъ вымѣ-нивать его публично и покупаютъ подъ рукою, всегда на наличныя деньги. Въ царствованіе Цзя-цинъ получа-лось въ Китаѣ нѣсколько сотенъ ящиковъ въ годъ; те-перь же число это увеличилось далеко за 20,000. За ящикъ опиума, извѣстнаго подъ именемъ черной земли, который считается лучшимъ, платятъ около 800 дол-ларовъ монетой; за такъ называемую бѣлую кожу, вто-раго сорта, платятъ по 600 долларовъ, а за красную по 400. Такимъ образомъ Китай ежегодно теряетъ до 10 мил. ланъ чистаго серебра (около 80 мил. руб. ассиг.). Прежде варвары (иностранцы), торговавшіе съ Кита-емъ, привозили сюда серебро въ замѣнъ нашихъ про-изведеній, и это было источникомъ благосостоянія при-морскаго народонаселенія; но съ тѣхъ поръ, какъ

стали торговать опиумомъ посредствомъ контрабанды и, слѣдственно, на наличныя деньги, серебро выходитъ изъ имперіи и никакими путями не поступаетъ въ нее».

«До 1836 года лана серебра стоила около 1,000 большихъ чоховъ, но въ это послѣднее время возвысилась до 1,200 и 1,300 большихъ чоховъ (замѣтимъ, что нынче она стоитъ 2,000), и такимъ образомъ цѣнность серебра возвышается безпрестанно, вмѣсто того, чтобъ понижаться... Если внутреннія произведенія будутъ такимъ образомъ поглощаться за моремъ, уменьшаясь день отъ дня и мѣсяць отъ мѣсяца, то мы будемъ наконецъ доведены до такого положенія, о которомъ я и думать не смѣю».

Далѣе Хуан-дзи-дзи опровергаетъ мнѣніе тѣхъ, которые, желая уничтожить ввозъ опиума, совѣтуютъ правительству прервать всѣ сношенія съ иностранцами, торгующими въ Кантонѣ. «Разумѣется (говоритъ онъ) для правительства ничего не значитъ пожертвовать нѣсколькими милліонами таможенной пошлины, собираемой съ иностранныхъ товаровъ; но, во-первыхъ, справедливо ли пресѣчь торговлю со всѣми, между тѣмъ, какъ одни Англичане привозятъ опиумъ? во-вторыхъ, приморскіе жители, только существующіе заграничною торговлею, будутъ доведены до крайности; въ-третьихъ, есть ли возможность совершенно пресѣчь сношенія съ иностранцами? Англичане, производящіе нынѣ контрабандную торговлю опиумомъ съ берегами Китая и проникавшіе даже до береговъ Маньчжуріи, не станутъ ли ее продолжать по преж-

нему, вопреки всѣхъ запрещеній, тѣмъ болѣе, что, несмотря на всю справедливость и строгость китайскихъ законовъ, въ самомъ Китаѣ всегда найдутся люди, которыхъ варвары съумѣютъ соблазнить и вовлечь въ сношенія съ собою для промѣна опиума».

Осторожный Китаецъ только боится договорить свою мысль, а она ясно видна изъ всего доклада. Хуан-дзи-дзи не безъ основанія опасается, что у китайскаго правительства не достанетъ средствъ воспретить торговлю, которой Англичане, конечно, станутъ добиваться вооруженною рукою, и эти опасенія, вполнѣ оправдались. Въ заключеніе, онъ предлагаетъ свое мнѣніе, если не свидѣтельствующее въ пользу его человеколюбивыхъ правилъ, то вполнѣ выказывающее знаніе дѣла и стремленіе исторгнуть, какими бы ни было путями, Китай изъ бѣдственнаго положенія, въ какое его поставила запретительная система торговли опиумомъ.

«Хотя всѣми признано, что курильщики опиума умираютъ преждевременно, однако въ Китаѣ каждый день довольно рождается дѣтей для увеличенія его народонаселенія, и нѣтъ повода опасаться, чтобъ оно уменьшилось; но надобно какъ можно торопиться остановить быстрый истокъ богатства, что говорю богатства, — души Китая. Закрыть всѣ наши порты для торговли съ иностранцами — вещь невозможная. А какъ запретительные законы, собственно до торговли опиума относящіеся, не достигаютъ цѣли, то остается единственное средство обратиться къ старому порядку: допустить ввозъ опиума, взимая съ него таможенную

пошлину, какъ съ лекарства, съ тѣмъ, чтобъ, въ замѣнъ опиума, доставлять компаніи различныя произведенія Китая, а не деньги. Такъ какъ таможенные пошлины будутъ гораздо меньше расходовъ, употребляемыхъ на контрабандную торговлю, то варвары станутъ охотно исполнять законы имперіи нашей, и иностранныя деньги попрежнему потекутъ въ Китай, изъ котораго вывозъ серебра строжайше воспретить...» Необходимо воспретить куреніе опиума всѣмъ чиновникамъ, военнымъ и гражданскимъ, учащимся и солдатамъ, но слѣдуетъ разрѣшить народу.»

Не говорю ужъ о томъ, какъ предосудительна такая мѣра для благоустроеннаго правительства; замѣчу только, что если народу, если слугамъ дозволить курить опиумъ, то не будетъ никакого средства уличить чиновниковъ, какъ бы ни были они преданы этой страсти, потому что опиумныя трубки и другія принадлежности куренія, которыя найдутъ у нихъ, всегда будутъ присвоиваться слугами. Но, кажется, Хуан-дзи-дзы хотѣлъ дѣйствовать болѣе на нравственную сторону высшаго сословія, рассчитывая на то, что опиумъ, какъ презрительное средство наслажденій, преданное закономъ черни, сдѣлается предосудительнымъ для образованнаго класса чиновниковъ.

Не такъ думали тѣ, которыхъ сужденію богдоханъ передалъ этотъ докладъ. Большая часть изъ нихъ требовала строжайшаго запрещенія торговли опиумомъ, хотя такія запрещенія, подъ опасеніемъ смертной казни, существовали и прежде, а между тѣмъ торговля, какъ мы видѣли, росла съ каждымъ годомъ;

другіе держались однажды принятыхъ ими убѣжденій — прервать всякія сношенія съ Англичанами, какъ будто опытъ не убѣдилъ, что послѣдніе нелегко откажутся отъ этихъ сношеній и насильно навязуютъ имъ торговлю, подъ тѣмъ предлогомъ, что Китайцы не понимаютъ своихъ выгодъ, а они, Англичане, изъ чувства человеколюбія торгуютъ съ ними. Къ несчастью, до войны съ Англичанами, китайское правительство не переставало считать себя—если не непобѣдимымъ, какъ бывало прежде, то слишкомъ страшнымъ для варваровъ. Правда, и въ то время, Джу-дзюнь писалъ къ богдохану, что отъ употребленія опиума солдаты стали терять силу и храбрость и, несмотря на огромную численность, они были часто биты въ западныхъ войнахъ народами, почти дикими, потому что въ арміи было много курильщиковъ опиума. Богдохану доказывали, что варвары, можетъ быть, съ намѣреніемъ отравляютъ государство и отравляютъ у самаго его источника; что когда армія превратится въ толпу калѣкъ, безъ силы, безъ ума, блѣдныхъ, какъ мертвецы, съ впалыми, слезящимися глазами, замерзающихъ при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра и изнывающихъ отъ зноя, когда финансы Китая будутъ совершенно истощены пагубною торговлею,—тогда варвары нападутъ на Китай и покорятъ его или низвергнутъ въ бездну, которую приготовили своими руками.

Случаю—полагаю, что случаю—угодно было, чтобъ Англичане выжидали такого, или почти такого положенія Китая, какимъ представилъ его въ будущемъ Джу-дзюнь, и объявили ему войну. Всѣмъ извѣстны послѣд-

ствія этой войны. Можетъ быть, были бы любопытны мнѣнія и толки Китайцевъ о войнѣ съ Англичанами; но, скажутъ, что они пристрастны, хотя самый фактъ представляетъ слишкомъ печальное событіе для Европейцевъ, назначающихъ себѣ такое высокое мѣсто во всемирномъ просвѣщеніи. И такъ, оставимъ иностранцевъ въ сторонѣ, а равно ихъ мнѣнія, какъ бы справедливы они ни были, и выпишемъ здѣсь замѣчательныя слова Англичанина, почтеннаго служителя англиканской церкви. А. S. Thelwall чуждъ всѣхъ партій и, съ чувствомъ глубоко опечаленной души, разсуждаетъ о причинѣ несчастной войны своихъ соотечественниковъ съ Китайцами. Мы ограничимся только немногими указаціями.

«Нужно ли—говорить онъ—въ нашъ вѣкъ просвѣщенія исчислять всѣ преступленія, неразлучныя съ системою контрабандной торговли, или доказывать скольконибудь образованному народу, какую страшную безнравственность порождаетъ она между всѣми причастными къ ней? Стоитъ только заглянуть въ убожище контрабандистовъ, чтобъ отыскать исполнителей самыхъ звѣрскихъ предпріятій».

Далѣе: «Едва ли найдется что-нибудь оскорбительнѣй, унижительнонѣй мнѣнія китайскаго правительства о торговцахъ, которые, ради сбыта опиума, нарушили, попрали всѣ законы; изъ-за личныхъ выгодъ отравляютъ, ведутъ къ уничтоженію, посредствомъ медленнаго яда, огромное народонаселеніе Китая».

Обратимся, наконецъ, къ самому употребленію опиума собственно въ Пекинѣ. Несмотря на тщательную,

какъ мы видѣли, обработку опиума въ Индіи, онъ, переходя изъ рукъ въ руки контрабандистовъ, вездѣ разбавляется разными примѣсями и приходитъ сюда довольно дурнаго качества; особенно въ последнее время стали жаловаться на это. Или Пекинцы слишкомъ прикурились, или онъ, дѣйствительно, сталъ такъ слабъ, что ужь *затяжки на два бока* недостаточно для удовлетворенія страсти Китайца. Въ Пекинѣ опиумъ обыкновенно распускаютъ въ горячей водѣ и потомъ осаждаютъ на цѣдильной бумагѣ, чтобъ нѣсколько очистить. Изъ отстоявшейся густой массы отрываютъ щипчиками небольшой кусочекъ, около драхмы вѣсомъ, надѣваютъ на иглу и раскаляютъ на особенно устроеной лампѣ, или, просто, на свѣчкѣ, пока онъ не начнетъ пузыриться; тогда его вкладываютъ въ отверстіе маленькой трубки, насаженной на серединѣ чубука. Замѣтимъ, что чѣмъ чубукъ старѣе, тѣмъ цѣнится дороже; такой, изъ котораго, по выраженію Китайцевъ, закурилось пять-шесть человекъ на-смерть, стоитъ большихъ денегъ. Желающій курить обыкновенно ложится въ постель; прислужникъ, чаще прислужница, подноситъ къ трубкѣ лампу, которую не отнимаетъ во все время куренія; потомъ курильщикъ перевертывается на другой бокъ и выкуриваетъ другую трубку; это и называется *затянуться на оба бока*. Черезъ часъ начинаются видѣнія. Впрочемъ, эти видѣнія не такъ очаровательны, какъ объ нихъ говорятъ и пишутъ; гашишъ, почти безвредный, доставляетъ болѣе сладостныхъ ощущеній. Застарѣлыхъ курильщиковъ опиума, послѣ трехъ-четырехъ трубокъ, болѣею

частью давить кошмаръ, или чортъ тащить съ постели.

Опіумъ ввозятъ въ Пекинъ тайно, разными хитростями. Самая употребительная слѣдующая: изъ Тяньзина доставляютъ въ Пекинъ свѣжую рыбу, для чего на разстояніи 25 и 30 верстъ располагаются особые носильщики, которые приносятъ ее почти со скоростью почты; въ ведрахъ, съ рыбой, устраивается двойное дно и въ немъ обыкновенно прячутъ опіумъ. Таможенные, конечно, знаютъ эту уловку, но, по нѣкоторымъ причинамъ, умалчиваютъ о ней. Сдается опіумъ извѣстнымъ продавцамъ, въ маленькихъ лавочкахъ подъ вывѣскою красной воронки, обращенной внизъ, нѣсколько отличной отъ той, подъ которой продается по мелочамъ вино: это ужь условленный знакъ; курятъ иногда въ этихъ же лавочкахъ, но болѣею частью дома или въ игорныхъ заведеніяхъ (тоже запрещенныхъ въ Китаѣ) или другихъ непозволенныхъ, посвященныхъ распутству домахъ. Иной молодецъ выкуриваетъ до пяти драхмъ въ день, и только, когда очнется, чувствуетъ круженіе головы, дрожаніе членовъ и ходитъ—не то что пьяный, а ровно съ просянкой; на другой день ему непременно нужно опохмѣлиться, иначе онъ самъ-не-свой и ни къ чему не способенъ. Трубка опіума стоитъ до 100 чоховъ (около 20 коп. ассиг.), цѣна очень значительная въ Китаѣ, гдѣ работникъ не продаетъ 100 чоховъ въ день. Вотъ почему куреніе опіума не такъ еще распространилось въ простомъ народѣ, по деревнямъ. Я сказалъ, что въ Китай привозится около 35,000 ящичковъ опіума; но

надобно замѣтить, что окурки опіума всегда перекуриваются въ другой разъ слугами или членами семейства, или, наконецъ, продаются по дешевѣйшей цѣнѣ: они если не такъ пріятны для куренія, то не безвреднѣе цѣльнаго опіума; такимъ образомъ, его выкуривается не 35,000, но, можетъ быть, около 70,000 ящичковъ; между тѣмъ, какъ нѣсколько драхмъ, принятыхъ заразъ, убиваютъ человѣка,—и нѣтъ средства остановить этого смертоноснаго потока, несмотря на все усилія правительства!

Послѣ выписокъ, сдѣланныхъ мною, я ничего не стану прибавлять отъ себя о вредныхъ послѣдствіяхъ куренія опіума, тѣмъ болѣе, что, конечно, еще прійдется намъ встрѣчаться съ настоящими курильщиками и говорить о нихъ.

Нынче разводятъ опіуморный макъ въ самомъ Китаѣ и производство его, не смотря на все воспрещеніе, съ каждымъ годомъ возрастаетъ. Извѣстно, что плантаціи его, появившіяся первоначально, кажутся, въ провинціи Юн-нань, теперь находятся въ Ху-беѣ, Гой-джоу, Фу-дзянь и Дже-дзянь; но все еще индійскій опіумъ далеко предпочитается мѣстному; въ немъ, говорятъ, есть какой-то особенный ароматъ, букетъ, хотя, признаюсь, непривычному къ этому аромату трудно оставаться пол-часа въ комнатѣ, гдѣ курятъ его: запахъ тяжелый, невыносимый, нѣсколько похожій на пережигаемый съ саломъ сахаръ.

Видя на мѣстѣ ужасныя послѣдствія куренія опіума, я, признаюсь, призадумался, читая описаніе Сапена (La Chine, l'opium et les Anglais), который,

между прочимъ, замѣчать, что въ Англии въ простомъ народѣ, и особенно между женщинами, опиумъ начинаетъ входить въ употребленіе. Не уже ли Англии суждено испытать на себѣ разрушительное дѣйствіе яда, которымъ она такъ щедро надѣляетъ Китайцевъ?

ГЛАВА X.

Чай. — Благодѣтельное дѣйствіе чая. — Появленіе его въ Россіи. — Происхожденіе чайнаго дерева. — Количество чая, выпиваемаго въ Китаѣ. — Обработка плантацій и сборъ листьевъ. — Торговля чаемъ. — Причины, по которымъ чай, доставляемый въ Англію, и хуже и дешевле доставляемаго въ Россію. — Приготовленіе чаю.

Сколько разъ случалось мнѣ описывать благотворное дѣйствіе чая! Особенно во время путешествія постигаешь всю цѣну этого цѣлебнаго растенія, и я ли одинъ отдаю ему дань справедливости! Пелиго и Пру нашли въ немъ питательное вещество; медицина прежде ихъ открыла въ чаѣ многія цѣлительныя свойства: онъ облегчаетъ пищевареніе и дѣятельность крови, увлажяетъ кожу, развиваетъ энергію чело-
вѣка, возбуждаетъ дѣятельность. Въ Китаѣ не извѣстна каменная болѣзнь, и это приписываютъ благодѣтельному дѣйствію чая; нѣкоторые, напротивъ, выставляютъ примѣръ Англии, гдѣ эта болѣзнь развита,

несмотря на значительное употребленіе чая; но вспомните, чего не дѣлають, чего не пьють и не ѣдятъ Англичане, чтобъ породить болѣзнь? Притомъ же, употребленіе этого напитка въ Англіи незначительно, сравнительно съ употребленіемъ его въ Китаѣ. Жонке (Jonquet), французскій докторъ, восторженный благодѣтельнымъ дѣйствіемъ чая, еще въ 1658 году называлъ его божественною травою, а настой сравнивалъ съ амврозіей. Японцы называютъ его *всемирнымъ напиткомъ*. Въ Китаѣ цѣлые томы сочиненій, въ стихахъ и прозѣ, посвящены прославленію чая. Изъ огромнаго числа стихотвореній славнаго богдохана и одного изъ знаменитѣйшихъ китайскихъ поэтовъ — Цянь-луна, лучшее, истинно поэтическое, написано имъ во время охоты въ Монголіи — на чашку чаю. Поклонники Будды придаютъ ему религіозное значеніе.

Судьба, какъ бы въ признательность ко мнѣ за то, что я вполнѣ постигнулъ и оцѣнилъ великія качества чая, перенесла меня въ столицу чайнаго царства. Будь я поэтъ, я посвятилъ бы ему цѣлую поэму, въ родѣ тѣхъ, какія писали встарину. Но, въ качествѣ скромнаго путешественника, я могу только описать, какъ чай растетъ, цвѣтетъ и зрѣетъ, какъ обрабатывается, расходится по міру и, наконецъ, употребляется въ видѣ напитка душистаго, цѣлебнаго, благотворнаго.

Могу сказать безъ хвастовства, что я прилежно занимался изслѣдованіемъ этого предмета; много трудился, добывая свѣдѣнія изъ книгъ и отъ торговцевъ чаемъ, выписывая образцы его изъ разныхъ мѣстъ

Китая; моя коллекція чаевъ едва ли не первая въ Европѣ по обилію видовъ, въ ней заключающихся; но все же, навѣрное, не исчерпалъ я вполнѣ этого обширнаго предмета. Утѣшаюсь тѣмъ, что хотя нѣсколько ознакомлю съ нимъ читателей, которые еще не перестаютъ вѣрить, что лучшій чай растетъ въ окрестностяхъ Пекина (*).

Чайное дерево Китайцы называютъ *ча*, листья его *ча-ль*; изъ этого слова Монголы сдѣлали *чай* и передали его намъ. Европейцы переняли слово *the* отъ Фузянцевъ, которые, вообще, коверкають порядочно китайскія слова, а въ выговорѣ Англичанъ едва можно узнать первообразъ *ча-ль*. Употребленіе чая въ Китаѣ относится къ древнимъ временамъ. Въ лѣтописяхъ династии Танъ, въ концѣ VIII-го вѣка, уже говорится о пошлннѣ, положенной на чай, по случаю большаго употребленія его. Слѣдуя китайской легендѣ, чайное дерево выросло изъ рѣсницъ одного изъ послѣдователей Будды-Дармы, который онъ вырѣзалъ, ради истязанія своего тѣла. Впрочемъ, Будда-Дарма—лицо историческое; онъ жилъ въ Китаѣ въ концѣ V-го вѣка. Въ Европѣ познакомились съ чаемъ въ половинѣ XVII вѣка; въ XVIII-мъ вѣкѣ онъ уже вошелъ во всеобщее употребленіе. Я уже рассказалъ однажды («Путешествіе во Внутреннюю Африку»), какимъ образомъ чай сдѣлался извѣстенъ въ Россіи: посланникамъ нашимъ при дворѣ алтынскихъ хаповъ подне-

(*) См. «Encyclopedie des gens du monde», т. XXII, р. 10, 1844 года, гдѣ опять повторена эта истинность.

сли, въ числѣ подарковъ для Государя, 200 небольшихъ пачекъ чая. Послы хотѣли было выбросить его; но въ Москвѣ вполне оцѣнили ханскій подарокъ, и съ тѣхъ поръ чай пошелъ въ употребленіе въ Россіи (1638 г.).

Чайное растеніе разведено въ Китаѣ на огромномъ пространствѣ, отъ сѣверныхъ провинцій губерніи Шанси до Куан-тонской губерніи и Юн-наня включительно, или отъ 23° до 31° широты, и почти отъ Океана до западныхъ границъ Китая, до предѣловъ самаго Тибета. Количество всего собираемаго чая въ Китаѣ съ точностью опредѣлить трудно. Хотя на вывозъ чая выдаются билеты, съ которыхъ собирается пошлина, однако всѣмъ извѣстно, какимъ злоупотребленіямъ подвергается эта выдача; притомъ, же билеты даются на количество болѣе 100 гиновъ, менѣе же того—чай отпускается по частнымъ запискамъ и, конечно, ни покупщики, ни надсмотрщики не упускаютъ случая воспользоваться такою облегчительною мѣрою; самое число выдаваемыхъ билетовъ съ незапамятныхъ временъ одно и тоже, хотя вывозъ чая за границу ежегодно увеличивается. Изъ официальныхъ свѣдѣній за 1812 годъ, обнародованныхъ правительствомъ и которыми мы о-сю-пору пользуемся—потому что впоследствии не было издано полныхъ свѣдѣній по этому предмету, а встрѣчающіяся иногда въ пекинской газетѣ частныя извѣстія показываютъ только, что съ тѣхъ поръ, относительно выдачи билетовъ, все обстоитъ по старому — изъ означенныхъ свѣдѣній видно, что однихъ билетовъ выдано на 41 милліонъ гиновъ чая, (около 60 милліоновъ фунтовъ). Къ этому надо при-

бавить, что во многихъ мѣстахъ, вмѣсто пошлины съ выданныхъ билетовъ, берутъ въ казну чай натурою; такимъ образомъ, въ губерніи Шань-си и Гань-су ежегодно собирается около двухъ милліоновъ фунтовъ чая; если прибавить къ этому, гадательно, и вывозъ по частнымъ запискамъ, то все таки нельзя получить приблизительно-опредѣленной цифры. Нелучше ли исчислить количество собираемаго въ Китаѣ чая такимъ образомъ: изъ таможенныхъ отчетовъ видно, что изъ Кантона и другихъ портовъ Китая въ 1845 г. вывезено въ Европу и Америку около 98 милліоновъ русскихъ фунтовъ; въ Россію 8 милліоновъ, итого 106 милліоновъ русскихъ фунтовъ. Если принять во вниманіе, что въ Китаѣ даже нищія пьютъ чай; что въ каждой лавкѣ, въ каждомъ домѣ постоянно стоитъ чайникъ, или гайваръ съ завареннымъ чаемъ, какъ для приходящихъ, такъ и для самихъ хозяевъ; что вы не увидите порядочнаго человѣка—въ гостяхъ онъ, или дома—передъ которымъ бы не было чашки съ чаемъ, совершенно замѣняющимъ ему воду; что ни одинъ слуга не поступитъ въ услуженіе, не выговоривъ себѣ $\frac{1}{2}$ гина чая въ мѣсяць, что рабочіе по нѣскольку разъ въ день пьютъ чай: принявъ все это въ соображеніе, кажется, мы нисколько не преувеличимъ, если включимъ въ число потребителей чая, половину китайскаго народонаселенія (175 мил.), тѣмъ болѣе, что самая дешевизна его во всемъ Китаѣ позволяетъ эту роскошь (желтый чай стоитъ отъ 10 до 20 коп. сер. за фунтъ, смотря по мѣстности, и въ самомъ Пекинѣ дешевый сортъ не превышаетъ 25 к.). Положивъ, что изъ этихъ

175 миллионъ каждый употребляетъ по 6 фунтовъ въ годъ (у одного знакомаго намъ купца, неслишкомъ богатаго, выходитъ 6 фунтовъ въ мѣсяцъ) — мы получимъ огромную цифру потребляемаго чая въ Китаѣ, болѣе чѣмъ въ 1,000 миллионъ.

Въ естественной исторіи, следуя Линнею, отличаютъ два вида чайнаго дерева: *thea viridis bohea*, и байховый чай; къ нимъ прибавляютъ еще *thea stricta*; но все въ Китаѣ признаютъ только одинъ общій видъ чайнаго дерева.

Въ торговлѣ отличаютъ пять родовъ чая: байховый или чернѣй (со включеніемъ цвѣточнаго), желтый, зеленый, кирпичный и пу-эръ-ча, или, какъ называютъ у насъ, пурча. Байховый чай употребляется преимущественно въ Россіи, желтый въ Китаѣ, зеленый въ Америкѣ и Англии, кирпичный между монгольскими племенами, въ Китаѣ и Россіи находящимися, восточными Киргизами и нашими сибирскими линейными казаками. Пу-эр-ча употребляется въ Китаѣ, собственно въ Юн-нанѣ, на южныхъ островахъ и нѣсколько въ Сибири; въ Европѣ, кажется, пурча, также какъ и кирпичный чай, почти не извѣстны.

Каждый изъ этихъ чаевъ подраздѣляется на множество видовъ; въ своемъ мѣстѣ я назову главнѣйшіе изъ нихъ; но перечислять все, было бы тѣмъ бесполезнѣе, что въ Китаѣ они носятъ совсѣмъ другія названія, чѣмъ въ Европѣ и Россіи. — При моей коллекціи чаевъ приложено подробное исчисленіе всѣхъ находящихся въ ней видовъ, съ обозначеніемъ цвѣтн. Большею части изъ нихъ нельзя было найдти въ про-

дажъ въ Пекинѣ, а потому надо было посылать въ мѣста, гдѣ ихъ собираютъ, что стоило не малыхъ трудовъ. Коллекція эта находится теперь въ Департаментъ Вышней Торговли, и можетъ служить съ пользою, особенно чайнымъ торговцамъ.

Чай, отираваемый въ Европу и особенно въ Россію, преимущественно собирается въ Фу-цзяньской провинціи (Фу-киентъ, по выговору южныхъ Китайцевъ и западныхъ Европейцевъ). Обширныя плантаціи расположены на скатахъ горъ Ву-и-шань, простирающихся верстъ на 100 въ длину, усѣянныхъ шиками и утесами, на которыхъ возвышаются живописныя буддійскія кумирни, и представляющихъ прекрасные виды. Горы находятся на сѣверозападѣ отъ Цян-нин-фу. Лун-шань, небольшая горная возвышенность, даетъ чай едва ли не лучший во всемъ Китаѣ. Въ губерніи Ань-хой, подъ защитой утесовъ Лун-мин-шань, у подошвы которой простирается обширная роскошная долина, находятся плантаціи превосходнаго чая, извѣстнаго подъ именемъ лун-цзинъ; въ той же провинціи на высокихъ горахъ Хуань-шань, скрывающихся, по словамъ Китайцевъ, въ тучахъ и туманахъ, находятся плантаціи чаевъ, извѣстныхъ въ Россіи подъ именемъ цвѣточныхъ: онѣ расположены на полугорѣ. Лучшие сорта — лянъ-синъ, цяо-ше и цзинъ-я; также хорошій чай собирается по горамъ Цю-ю-шань и Я-шань, въ области Нин-го-фу. Въ губерніи Цже-цзянь лучший чай собираютъ съ горы Фань-шань. Чайныя плантаціи Хунаньской провинціи даютъ чай терпкій и невкусный, что приписываютъ низменности мѣстъ; этотъ чай пере-

работываютъ въ кирпичный, который отправляется отсюда въ огромномъ количествѣ. Въ губерніи Сычуанской разводится чай во многихъ мѣстахъ; лучший въ горахъ Мынь-шань и Э-шей-шань. Въ губерніи Гой-чжеу, Куанг-тонъ и Шань-си плантаціи даютъ посредственный чай. Юнь-наньская губернія доставляетъ пу-эр-ча, но объ этомъ примѣчательномъ чаѣ я буду говорить послѣ.

Здѣсь я исчислилъ только главнѣйшіе пункты произрастенія чая. Подробныя китайскія описанія насчитываютъ до 600 такихъ пунктовъ. Но изъ этого вы ужь можете видѣть, что средняя полоса Китая всего болѣе благоприятна къ произрастенію чая; на югъ онъ дѣлается какъ-то грубѣе, терпче; деревцо идетъ больше въ ростъ, даетъ листь длиннѣе и шире; на сѣверѣ онъ слабѣе, и деревья не всегда выносятъ довольно холодный климатъ.

Чайное деревцо, воздѣлываемое на плантаціяхъ, достигаетъ не болѣе полтора аршина роста, впрочемъ, оно искусственно поддерживается въ этомъ видѣ, потому что, оставленное въ дикомъ состояніи, достигаетъ аршинъ пяти вышины; листь его небольшой, зубчатый, особенно къ концу, какъ у мѣсячной розы; цвѣтъ похожъ на *camelia sesanguie*; но дерево, съ котораго собирается пу-эр-ча, говорятъ, бываетъ въ обхватъ чловѣка и достигаетъ около десяти аршинъ высоты. Оно растетъ, какъ я уже замѣтилъ, въ Юнь-наньской губерніи, въ области Пу-эр-л-фу, отъ которой и чай получилъ свое названіе; по отдаленности края, я не могъ собрать о немъ точныхъ свѣдѣній, и

основываюсь, преимущественно, на свидѣтельствѣ почтеннаго отца Іакинѳа (*).

Чайное деревцо старались усвоить другія земли. Мехика едва ли не первая развела чайныя плантаціи, которыя имѣютъ нѣкоторый, хотя не важный успѣхъ; въ Ассамѣ и другихъ мѣстахъ Индіи дѣло это идетъ нелучше; въ Ассамѣ, правда, теперь собирается довольно чая — но что это за чай! Мнѣ случилось пить его: есть ароматъ, но ароматъ постороннихъ веществъ, которыми онъ продушонъ, и именно, кажется, *olea fragrans*; своего же собственнаго, заимствованнаго отъ почвы, который всякій знатокъ можетъ легко уловить — не имѣетъ. Американцы также стараются о разведеніи чайныхъ плантацій: пока все это однѣ попытки; только Японія совершенно усвоила себѣ чайное растеніе, а потому до-сихъ-поръ Китай, да весьма не въ большомъ количествѣ Японія, попрежнему, продолжаютъ надѣлять Европу и Америку всѣмъ запасомъ потребляемаго ими чая.

Я говорилъ, съ какимъ трудомъ воздѣлывается въ Индіи опиуморный макъ, сколько цѣта проливается на тучныя его плантаціи, сколько принужденія, угрозъ со стороны комиссаровъ и проклятій отъ воздѣлывателей этого растенія! Если не столько труда, то все-таки нужно много заботъ, попеченія, можно сказать, любви къ воздѣлыванію чайнаго растенія, которое питаетъ милліоны и поитъ десятки милліоновъ людей.

Для плантаціи обыкновенно выбираютъ скатъ горы,

(*) «Статистическое Описаніе Китайской Имперіи», 1842 года.

чтобъ вода не застаивалась у корней растенія и не гноила ихъ, преимущественно скать южный; растеть чайное дерево и на сѣверномъ и на долинахъ; но собираемый, особенно съ долинъ, чай гораздо хуже. Отсюда безконечное разнообразіе чаевъ, какое только можно встрѣтить въ винахъ: будь виноградъ однихъ и тѣхъ же лозъ, но различіе почвы и вліяніе солнечныхъ лучей на лозы, какъ всѣмъ извѣстно, измѣняютъ вкусъ и ароматъ вина. Чайныя плантаціи большею частью разводятся сѣменами, изрѣдка отсадками. Изъ сѣменъ также добываютъ масло, дурное, употребляемое только для освѣщенія. Сѣмена собираютъ, когда они ужъ начинаютъ выпадать изъ чашечекъ, что бываетъ въ октябрѣ; сажаютъ кучами, въ нѣсколько десятковъ, подъ небольшою тѣнью душистыхъ растеній: *olea fragrans*, розъ, магноліи или бамбука. Чайное деревцо, чувствительное и воспріимчивое не терпитъ многихъ деревьевъ; даже вблизи его нельзя содержать огородъ, иначе плантація захилѣтъ; оно любитъ черноземъ, не очень жирный, смѣшанный съ каменистою осьпью горъ. Дюгальдъ и Леконтъ оба неправы, утверждая — первый, что чайное дерево любитъ каменистый грунтъ, а второй — песчаный; правда, оно по нуждѣ растеть и на этихъ почвахъ, но хило и бѣдно листьями. На четвертый годъ послѣ посѣва начинаютъ собирать листья, и этотъ сборъ если не обильнѣйшій, то лучшаго качества. Дерево на 10 и 12 лѣтнемъ возрастѣ начинаетъ чахнуть, и его замѣняютъ новыми отростками. Опіумъ собираютъ обыкновенно въ зной, днемъ; чайные листочки — на зарѣ и вечеромъ; сорвавъ, ихъ сейчасъ

кидаютъ въ воду, чтобъ не вяли; передъ началомъ и во время работы часто моютъ руки, иначе можно сообщить чаю потный запахъ; рабочіе отстраиваютъ отъ себя всякую нечистоту; даже не ѣдятъ луку, отъ чего такъ трудно воздержаться Китайцу. Кепферъ говорить, что въ Японіи надѣваютъ перчатки, чтобъ не осквернить листочковъ прикосновеніемъ руки. Сборъ чая въ Китаѣ, какъ и сборъ винограда въ Италіи, представляетъ праздничный видъ; сборъ опіума — видъ галерной работы.

Обыкновенно приступаютъ къ этой операціи 23-го нашего марта (Цин-минь), день благоприятный по китайскому календарю; если погода дурна, то по-крайней-мѣрѣ сорвутъ нѣсколько листковъ въ этотъ день и потомъ ожидаютъ хорошей погоды; впрочемъ, въ Китаѣ до времени періодическихъ дождей небо почти всегда чисто. Этотъ первый сборъ — сборъ самаго лучшаго чая. При обрываніи листковъ тщательно отбираютъ молоденькіе ростки, довольно жесткіе, какъ-бы покрытые пухомъ: они-то называются у насъ цвѣтами, и по нимъ чай получилъ названіе цвѣточнаго. Работа идетъ быстро, не смотря на видимую копотливость ея. Въ день опытный работникъ собираетъ до 10 фунтовъ листьевъ, которые, послѣ сушки и обработки, даютъ четвертую часть чая или нѣсколько меньше, то-есть, фунта три. Другіе, болѣе опытные, занимаются этой послѣдней обработкой. Листки, проявивъ нѣсколько на бамбуковыхъ рѣшеткахъ, ставятъ въ чугунныхъ, хорошо обдержанныхъ котлахъ, которые бы не сообщали запаха чаю, на мелкій и постоянный огонь; въ котель

заразъ кладуть около фунта листьевъ, мѣшая безпрестанно тоненькой досточкой, чтобъ они равномерно испарялись, потомъ высыпають на столъ и еще горячія протирають слегка рукой; листы мало-по-малу свертываются, испуская влагу, отъ которой, подъ конецъ, трескается кожа на ладоняхъ у работниковъ. На этихъ столахъ чай окончательно просушивается на солнцѣ или въ вольномъ духу, на кану. Иногда, впрочемъ, его вновь прогрѣвають въ котелкахъ, чтобъ извлечь остатокъ влаги; потомъ ужь перебирають и сортируютъ.

Желтый и зеленый чай собирается съ одного и того же вида чайнаго кустарника; у Китайцевъ и нѣтъ этого различія; цвѣтъ зависитъ отъ способа приготовленія; такимъ образомъ, во время испаренія болѣе тонкихъ сортовъ, работникъ постоянно обвѣваетъ ихъ вѣромъ. Есть еще другіе *секреты*, чтобъ сообщить чаю лучшій, наиболѣе желаемый въ торговлѣ цвѣтъ: каждый изъ плантаторовъ знаетъ ихъ нѣсколько. Англичане особенно гоняются за цвѣтомъ ярко-зеленымъ. Говорили, что чай заимствуетъ этотъ цвѣтъ отъ окиси мѣдной посуды, въ которой поджаривается; но это совершенно несправедливо. Робертъ Уарингтонъ, при разложеніи чая изъ одной подозрительной партіи, открылъ въ немъ присутствіе берлинской лазури; въ такомъ случаѣ, это уже едва ли не фабрикація кантонскихъ купцовъ, тѣмъ болѣе, что тутъ же онъ нашель примѣсь различнаго песку, часто подмѣшиваемаго въ Кантонъ для тяжести. Девисъ, потомъ Гуцлавъ также предполагали искусственное окрашиваніе зеленого чая.

Сколько я могъ узнать, плантаторы если и прибѣгаютъ иногда къ поддѣлкѣ его, то это именно посредствомъ индиго, въ смѣшеніи съ сѣрнокислою известью; и то употребляютъ такое средство только для жемчужнаго чая, извѣстнаго у Французовъ подъ именемъ *poudre à saïon*, у Китайцевъ—сяу-ча. Вообще приготовленіе этого чая требуетъ много времени и истинно китайскаго терпѣнія; нужно отобрать самые молодые и довольно ровные листочки, потомъ у каждаго изъ нихъ оципать верхній и нижній кончики, которые, при поджариваніи, легко пригорають, особенно у молоденькихъ листочковъ, и тогда ужь приступать къ обработкѣ, требующей самаго тщательнаго ухода. Поддѣлка подъ этотъ дорогой чай представляетъ довольно выгоды и производится нерѣдко и въ Европѣ.

Плантаторы собственно занимаются только приготовленіемъ чаевъ—каждаго сорта порознь, и болѣею частью такимъ образомъ, что одни изъ нихъ, даже цѣлые округи, готовятъ только байховый, другіе зеленый и т. д.; можетъ быть, даже самая почва плантацій, склонъ горы, вліяніе солнца и другія условія, отъ которыхъ листь болѣе или менѣе соченъ и плотенъ, служатъ раздѣломъ промышленности округа. Покупщики уже фабрикують чай, то-есть, смѣшиваютъ чернѣйшій съ бѣлымъ, называемымъ у насъ цвѣтками; прибавляютъ листь одной плантаціи къ листкамъ другой и разнообразятъ эти смѣшенія до безконечности, придавая чаю названія своей фирмы. Искусство въ этомъ смѣшеніи составляетъ отличіе ихъ; такъ прославились фамиліи, или фузы, Маюкона, Шелюнги и другихъ.

Чай первого сбора, котораго сравнительно бывает немного, въ Фу-цзяньской губерніи весь и частью въ другихъ мѣстахъ закупается шань-синскими купцами, торгующими исключительно въ Кяхтѣ; чай втораго и третьяго сбора закупаются кантонскими купцами для Европы и Америки: такъ ведется изстари, а здѣсь обычай неизмѣненъ. Вотъ почему нашъ чай несравненно лучше такъ-называемаго англійскаго. Напрасно увѣряли, будто перевозка черезъ море портитъ чай, уничтожая въ немъ аромать. Еще не бывъ въ Китаѣ, я на опытъ убѣдился, что море не имѣетъ тутъ никакого участія, былъ бы только чай хорошо закупоренъ; а онъ, какъ извѣстно, отправляется изъ Китая въ свинцовой укупоркѣ. Въ проѣздъ мой черезъ Москву въ Африку, я купилъ десятка полтора фунтовъ хорошаго цвѣточнаго чаю. Больше года возилъ его съ собою по сушѣ и по морю и, не истративъ весь дорогою, довезъ частичку обратно въ Москву. Со мною былъ и англійскій чай, купленный изъ первыхъ рукъ въ Суэзѣ. Случилось такъ, что насъ собралось съ разныхъ концовъ нѣсколько человекъ знакомыхъ въ Москвѣ, и мы стали пробовать тотъ и другой чай: первый оказался также хорошъ, какъ былъ при покупкѣ; второй, казавшійся по цвѣту высокаго достоинства, весь съдой, какъ лунь, на вкусъ былъ плохъ,—такой же, какъ привозятъ въ Пекинъ, гдѣ байховый чай почти не употребляется. Миссіонеръ Лоренти, жившій нѣсколько времени въ Фу-цзянѣ, писалъ оттуда (1714 г.), что черезъ Кантонъ въ Европу вывозится только худшій сортъ чаю: онъ увѣрялъ даже, что Китайцы подбавляютъ въ него

чай, который уже сами заваривали у себя въ чайникахъ (*). Чай, на мѣстахъ его производства, продается по слѣдующимъ цѣнамъ: высшій сортъ, состоящій изъ однихъ отборныхъ ростковъ (цвѣтковъ) первого сбора — по рублю серебромъ за фунтъ; по этой же почти цѣнѣ и жемчужный чай; черный чай, сортированный, по 50 коп. сер., къ этимъ же цѣнамъ можно отнести мауфынъ и нѣкоторые другіе высокіе желтые чаи. Чай втораго сбора (въ июнѣ) отъ 40 до 30 коп. сер.; чай третьяго сбора (въ августѣ) отъ 25 до 10 коп.; наконецъ чайный листъ, который оставляется на деревьяхъ для того, чтобъ они не истощались и помощью его всасывали влагу изъ воздуха, этотъ листъ, опадающій осенью, собирается уже на землѣ и продается копѣекъ по 5 сер. за фунтъ; иногда изъ него приготавливаютъ кирпичный чай, но этимъ, собственно, занимаются особенныя плантаціи.

Я могу почти безошибочно сказать, что лучшіе чаи, покупаемые кантонскими купцами для западныхъ европейскихъ торговыхъ портовъ, обходятся имъ на мѣстѣ, съ оплатою мѣстной пошлины, по 30 коп. сер. за фунтъ, гуртомъ; чаи, покупаемые шань-синскими купцами для Кяхты, какъ я уже замѣтилъ перваго сбора, обходятся коп. по 40 и даже по 50; эта разность въ цѣнѣ дѣлается гораздо чувствительнѣе по различнымъ условіямъ перевозки къ портамъ европейскимъ или къ границѣ русской, до Кяхты.

(*) Lettres edif. et. cur., t. III p. 226.

Принявъ за главный складъ чаевъ, предназначаемыхъ для Западной Европы, Син-цунь, селеніе подъ 28° 43' с. ш. и 114° 47' в. д., или городъ Тсон-шан-цянъ (Тсон-ганъ-гюень), мы увидимъ, что отсюда до Шан-хая, одного изъ пяти открытыхъ для Европейцевъ портовъ, всего около 1000 верстъ, которыя проходятъ въ 24 дня; перевозка сухимъ путемъ и водою до Шан-хая обходится около двухъ ланъ, то есть мѣнѣе 4-хъ р. сер. за ящикъ; при этомъ его оплачиваютъ всего раза два пошлиною. Посмотрите теперь, какимъ мытарствамъ подвергаются чаи, идущіе въ Россію, какое нескончаемое пространство переѣзжаютъ они!

Я уже сказалъ, что чай отправляется въ Россію почти исключительно изъ Фу-цзянской Губерніи, и именно, собираемый на горѣ Ву-э (или Ву-п-шанъ) и ближайшихъ отрогахъ ея, отдѣляющихъ Фу-цзянскую Губернію отъ провинціи Цзянь-си и Чже-Цзянь. Отсюда чай, уже уложенный въ ящикахъ въ томъ видѣ, какъ мы его получаемъ, кромѣ кожанной обшивки, которая дѣлается въ Кяхтѣ, отправляется въ городъ Чунань, водою или носильщиками; разстояніе водою около 17 верстъ, сухимъ путемъ — 11; тѣмъ и другимъ способомъ доставка мѣста, то-есть, ящика чая, обходится около 4 коп. сер. Изъ Чун-аня путь еще гористѣе, и потому его отправляютъ опять на носильщикахъ, черезъ Юй-шань, до города Цзянь-шань, Чже-Цзянской Губерніи; на разстояніи слишкомъ полутора ста верстъ, доставка обходится около 75 коп. сер. съ мѣста. Въ Цзянь-шанѣ складываютъ чай на барки и отправляютъ внизъ по теченію до рѣки Цян-тан-Цзянь, по-

томъ, перегрузивъ на другія суда, по этой послѣдней рѣкѣ и заливами Восточнаго моря до шан-хайскаго порта; плаваніе это при хорошей погодѣ совершается недѣли въ двѣ; плата около 60 коп. сер. Прежде, въ Шан-хаѣ перегружали чай на морскія суда и отправляли водою до самаго Тянь-зина; путь этотъ совершали дней въ 15—20: плата обходилась по 1 р. 75 к. сер. съ мѣста; но нынче, по случаю размноженія корсаровъ на Восточномъ Океанѣ, рѣдко пускаются съ чаемъ въ море, а перевозятъ сухимъ путемъ, за что платятъ около двухъ рублей съ небольшимъ съ пуда. Изъ Тянь-зина отправляютъ чай на баркахъ, вверхъ по р. Бай-хе до Тун-чжеу (верстахъ въ 20 отъ Пекина), проѣзжая пространство 180 верстъ въ 10 дней; за перевозку платятъ отъ 1 р. 50 до 1 р. 70 коп. сер. съ мѣста; изъ Тун-чжеу сухимъ путемъ, болѣею частью на мулахъ, до Калгана; за разстояніе 228 верстъ платятъ 1 руб. 25 коп. съ мѣста. Наконецъ, въ Калганѣ нанимаютъ монгольскихъ верблюдовъ или быковъ, на которыхъ и отправляютъ чай до русской границы. Въ Кяхту (1285 верстъ) посигиваютъ въ 45 дней; плата около трехъ рублей серебромъ съ мѣста. Всего же разстоянія проходитъ чай, изъ Фу-цзяна до Кяхты, около 5000 верстъ, да отсюда до Москвы 6000 верстъ. Изъ Кяхты до Москвы чай отправляютъ на такъ-называемыхъ передаточныхъ, отъ города до города, а иногда водою; путь этотъ слишкомъ извѣстенъ, чтобъ описывать его; провозная плата отъ 8 до 10 р. с. съ пуда. Вообще издержекъ съ ящика приходится, съ обшивкою, пошлиной и перевозкой, отъ 40 до 50 р. сер.; это

внутри Россіи. Въ Китаѣ же за доставку отъ Ву-э до Кяхты около 10 р. сер., а прибавя къ этому пошлины таможенныя, за билеты, сборъ на содержаніе присутственныхъ мѣстъ тѣхъ городовъ, чрезъ которые провозятъ чай, и мелкіе расходы, приходится всего около 13 р. 50 к. сер. Присоединивъ къ этому издержки внутри Россіи, среднимъ числомъ 45 р. сер., получимъ весь расходъ на перевозку и пошлины чая отъ Фу-цзяна до Москвы въ 58 р. 50 к., къ этому надо еще присоединить цѣну чая на мѣстѣ, которую круглымъ числомъ, съ укупоркой и первоначальной пошлиной, положимъ въ 50 к. сер. за фунтъ (немного меньше этого), а за мѣсто въ 50 ф. 25 р. сер.; следовательно, лучший цвѣточный чай въ Москвѣ обойдется одними расходами, безъ процентовъ на капиталъ и купеческихъ барышей, 83 р. 50 к. сер. за мѣсто въ 50 ф. *чистаго* чаю, то есть, не считая укупорки и вынутаго дорогою *на совокъ*, или около 1 р. 70 к. сер. (около 6 р. асс.) за фунтъ, и это самая высокая цѣна, максимум, потому что мы вездѣ полагали большія платы. Къ тому же, мѣсто чаю очень рѣдко попадаетъ въ 50 ф., но всегда больше, даже свыше положенія, которымъ опредѣлены цвѣточные квадратные чаи въ 57 ф., торговые — въ 65, и такъ называемые шань-синскіе квадратные — въ 50; пеквадратные же попадаютъ въ 80 и болѣе. Только самыя высокія лянсинны бываютъ отъ 45 до 55 ф. Такъ-называемый фамильный чай обходится дешевле на столько, на сколько дешевле его покупающая цѣна на мѣстѣ и сборъ съ него пошлины, то-есть, коп. 40 сер. менѣе противъ цвѣточнаго.

Еслибъ купцы открыли свои тайны, то, кромѣ означеннаго исчисленія, мы имѣли бы и другіе доводы убедиться, что чай обходится именно около этой цѣны. — *если разсчитывать на деньги*; но тутъ то вся и тайна. Наши купцы вымѣниваютъ его на фабричныя издѣлія, болѣею частью свои же, потому что многіе покупщики чаевъ вмѣстѣ съ тѣмъ и фабриканты. Казалось бы, тутъ двойная для нихъ выгода — проценты на свои издѣлія и потомъ проценты на проданный чай; но, подобно тому, какъ Китайцы все свои надежды возлагаютъ не на чай, а на вымѣниваемый отъ насъ товаръ, такъ и наши купцы принуждены разсчитывать не на свой товаръ, а на вымѣниваемый китайскій продуктъ; вслѣдствіе чего, уступаютъ свои произведенія не только безъ пользы, но даже въ убытокъ себѣ, такъ что нѣкоторыя наши фабричныя издѣлія продаются въ Пекинѣ по той же цѣнѣ, что и въ Москвѣ. Поэтому то оптовые русскіе купцы принуждены вознаграждать убытки, понесенные на фабричныхъ издѣліяхъ, при продажѣ чая; но достигаютъ ли они этого? Лучшій цвѣточный чай, который имъ достается, какъ мы уже замѣтили, по 1 р. 70 коп. сер., они продаютъ вдвое и даже болѣе въ Москвѣ, и за всемъ тѣмъ терпятъ нѣсколько лѣтъ сряду убытки; счастливымъ почитался тотъ, кто выходилъ сухъ. Только въ последнее время, когда чай очень поднялся въ цѣнѣ, они нѣсколько поправились.

Многіе у насъ жалуются на дороговизну чая; ссылаются на то, что такъ-называемый англійскій чай гораздо дешевле, вопіютъ противъ неправильности тор-

говли. Но, *во-первыхъ*, англійскій чай, какъ товаръ дурной, на самомъ мѣстѣ дешевле; къ тому жъ, съ перваго взгляда легко убѣдиться, что перевозка чая въ Англію, почти исключительно водою, несравненно удобнѣе, и самый чай въ Китаѣ, какъ мы видѣли, оплачивается раза два пошлюю, между тѣмъ, какъ нашъ оплачивается разъ двѣнадцать, поборами различныхъ наименованій. *Во-вторыхъ*, и важнѣйшихъ: уступая Китайцамъ въ убытокъ себѣ фабричныя произведенія, и наверстывая этотъ убытокъ при продажѣ чая, русскіе купцы, поддерживаютъ свои товары въ Китаѣ въ такой низкой цѣнѣ, что даже англійскія не могутъ соперничать съ нашими. Правда, отъ такого соперничества болѣе всего выигрываютъ Китайцы; такимъ образомъ, въ Пекинѣ сукно московскихъ фабрикъ, года два тому было дешевле, чѣмъ въ Москвѣ, теперь почти въ одной цѣнѣ; а ситецъ англійскій гораздо дешевле въ Пекинѣ, чѣмъ въ Петербургѣ. *Въ-третьихъ*, развѣ мы не выигрываемъ передъ другими, получая хорошій чай! и что же мы платимъ за это? положимъ рубль серебромъ лишняго за фунтъ, то есть, прибавляемъ лишній рубль расходовъ въ мѣсяцъ? Замѣтите, что чай, если и не предметъ роскоши, то все-таки предметъ потребности второстепенный, и употребляется людьми болѣе или менѣе зажиточными. Не только не должно роптать на высокую цѣну чая, но охотно можно бы еще накинуть полтину серебра на фунтъ высшихъ сортовъ чая, какъ для того, чтобъ пустить наши ситцы въ Китай и выгнать оттуда англійскіе, такъ и для того, чтобъ дать возможность

торговцамъ понизить цѣну фамильнаго чая, несоразмѣрно-высокую, и тѣмъ сдѣлать доступнымъ этотъ благодѣтельный напитокъ для бѣднаго класса.

Недовольно того, чтобъ пить чай, надобно умѣть пить его; иначе все равно — пить ли чай или бузину: также точно, какъ для профановъ въ винѣ все равно, какое-бы ни пить вино, только-бы пить. Если Китайцы отираютъ Англичанамъ и Американцамъ чай втораго и третьяго сбора, и даже подкрашенный индигомъ, часто съ примѣсью всякой дряни для лишка тяжести; то они еще очень цѣвнино оплачиваютъ имъ за горы опиума — этого всесокрушающаго яда, которымъ подчуетъ ихъ ежегодно Ост-Индская Компанія; притомъ же, Англичане пьютъ чай съ ромомъ, съ маеломъ, съ кускомъ росбифа — какая тутъ возможность уловить ароматъ, букетъ чая? и не все ли равно для нихъ, какого бы вкуса чай ни былъ: былъ-бы цвѣтъ! Съ прискорбіемъ долженъ я замѣтить, что и у насъ многіе обращаются съ чаемъ, какъ съ сномъ: держать его въ писчей бумагѣ, которая легко всасываетъ въ себя сырость и передаетъ ее, вмѣстѣ съ своимъ собственнымъ отвратительнымъ запахомъ, чаю (объ этомъ уже прежде меня говорилъ почтенный отецъ Іакинѣ); хранить въ деревянныхъ ящикахъ, необклеенныхъ свинцомъ; ставятъ чайникъ на самоваръ, пьютъ часто чай перепрѣлый и т. д. Китайцы завариваютъ чай въ особенныхъ чашкахъ, гайварахъ, прикрывая ихъ въ три четверти крышкой, чтобъ чай не прѣлъ. Китайцамъ это легко: у нихъ собирается двое-трое гостей — можно напоить изъ одной чашки; но при нашей

общительности, такихъ аптекарскихъ приемовъ недостаточно.

Чай средней руки, обыкновенный, отправляется изъ Китая продушонымъ различными цвѣтами: жасминомъ, розою, *chloranthus inconspicuous*, *gardenia florida*, *olea fragrans* и другими. Эта операція производится въ большихъ фарфоровыхъ кувшинахъ; ихъ наполняютъ чаемъ, переложенымъ слоями цвѣтовъ, ставятъ въ кипящую воду и плотно закупориваютъ; но чай высокихъ сортовъ остается въ своемъ натуральномъ видѣ, и его-то именно надобно устранять отъ всякаго посторонняго запаха и душнаго воздуха, чтобъ сохранить чудный, ему свойственный букетъ.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о кирпичномъ чаѣ и пу-эр-ча. Опавшіе, иногда наскоро оборванные, крупные листья собираютъ вмѣстѣ, потомъ сжимаютъ подъ прессомъ, въ видѣ и въ величину нашихъ кирпичей, только нѣсколько тонѣе; такимъ образомъ получается дешевый чай, извѣстный въ Китаѣ подъ именемъ чжуань-ча, что въ буквальномъ переводѣ значитъ кирпичный чай. Употребляютъ его особеннымъ образомъ: варятъ въ котлѣ съ молокомъ, саломъ, солью и поджаренною въ маслѣ мукой; это, какъ видите, родъ похлѣбки, очень питательной и здоровой особенно полезной въ грудныхъ болѣзняхъ.

Пу-эр-ча готовится небольшими комками, отъ фунта до пяти, изъ отборнѣйшихъ листьевъ съ дерева, о которомъ я говорилъ; употребляютъ его также, какъ и кирпичный чай.

Есть еще особенная чайная эссенція въ малень-

кихъ четырехугольныхъ плиткахъ, довольно дорогая; настой ея крѣпкій и терпкій; вываривается иногда изъ пу-эр-ча, иногда изъ другихъ чаевъ; въ нее нерѣдко подбавляютъ разныя лекарственныя вещества и даже корейскій жен-шинъ, и жуютъ для утоленія жажды или для лучшаго пищеваренія. Словомъ, чай является здѣсь въ неисчислимыя видахъ, болѣе или менѣе какъ средство благодѣтельное и для Китайцевъ необходимое (*).

(*) Въ 1851 году возвратился въ Англію Форчюль, который былъ посланъ нарочно въ Фу-цзянскую провинцію, для собранія свѣдѣній на мѣстѣ о чаѣ и чайной торговлѣ и доставленія сѣмянъ и растений для индійскихъ плантацій. Издаанныя имъ по этому предмету свѣдѣнія почти вполне подтверждаютъ мои показанія.

ГЛАВА XI.

Зима въ Пекинѣ. — Зимнія удовольствія. — Поездка въ саняхъ. — Оранжереи. — Неожиданная вѣсть. — Смерть богдохана. — Недоумѣніе. — Восшествіе на престолъ новаго богдохана. — Верховный о томъ указъ и манифестъ о мизостяхъ.

Зима въ Пекинѣ также постоянна, какъ и другія времена года. Въ декабрѣ и январѣ морозъ стоитъ между 6 и 8 градусами по Реомюру, въ тѣни; снѣгу почти не бываетъ. Каналъ замерзаетъ мѣсяца на полтора, и тогда по немъ устанавливается новый путь сообщенія—на саняхъ, которыя, впрочемъ, столько же похожи на сани, какъ и на лодку: это нѣчто въ родѣ большаго стола на высокихъ полозьяхъ, тѣмъ неменѣе поѣздки въ этихъ саняхъ для насъ были пріятнымъ развлеченіемъ. Обыкновенно мы ѣздили въ наше Сѣверное Подворье, и разстояніе верстъ въ семь-осемь проѣзжали въ часъ, иногда даже менѣе. Если прибавить, что въ сани запрягаютъ не лошадей и даже не ословъ, а просто людей, то нельзя не замѣтить, что скорость эта довольно значительна. Дѣло въ томъ, что на каждыхъ двухъ-трехъ верстахъ вы можете найти свѣжую подставку людей, и если прикинете имъ копейекъ десять лишнихъ, то они готовы мчаться, пока

не задохнутся. Въ саняхъ-омнибусахъ можно доѣхать отъ нашего Южнаго до Сѣвернаго Подворья за пять копейекъ. Когда мы являлись у берега—Русскихъ Китайцы всегда узнавали, не смотря на то, что всѣ ходили въ китайской одеждѣ,—то подымался общій гвалтъ и суматоха страшная: каждый хотѣлъ овладѣть нами и посадить силою на свои сани. Признаюсь, эта кутерьма, иногда доходившая между Китайцами до потасовки, много отравляла удовольствіе нашихъ зимнихъ прогулокъ по каналу.

Зима проходила однообразно. Строгий трауръ прекратилъ и тѣ немногія увеселенія, которыми можно было пользоваться. Оставаться въ комнатахъ непріятно, потому что комнаты или холодны или угарны. Въ пекинскихъ домахъ, неисключая и нашихъ, печей нѣтъ; натапливаютъ полъ, который весь изъ камня; топка въ порядочныхъ домахъ устроивается извнѣ, въ простыхъ—внутри комнатъ; трубъ нѣтъ; и такъ какъ здѣсь употребляютъ искъ почительно только каменный уголь, а бѣдные—очень дурной, болѣею частью приготовляемый изъ угольнаго мусора съ частью глины, то можете вообразить, каково имъ, пока не разгорится уголь. Въ иныхъ домахъ топка проходитъ подъ болѣею частью пола, въ другихъ нагревается только часть его, занимаемая каномъ; у насъ, бывало, такъ натопятъ, что ноги жжетъ, а вверху все таки холодно, потому что нѣтъ двойныхъ оконъ. Не безъ того, что черезъ полъ проходитъ запахъ каменнаго угля. Все это, конечно, неслишкомъ способно привязать къ домосѣдству. Самыя посѣщенія Катайцевъ сдѣлались рѣже, и то тай-

комъ, потому что во время общаго траура нельзя бѣдить въ гости; позволяется только посѣщать ближайшихъ родственниковъ, или кого по службѣ и по дѣламъ, нетерпящимъ отлагательства: это одна изъ тѣхъ лазеекъ, которую обыкновенно догадливые Китайцы заранее готовятъ во всякомъ законѣ, чтобы, въ случаѣ нужды, можно было проскользнуть въ нее.

Всего чаще бѣдили мы въ оранжереи. Погода стояла ясная, свѣжая, такъ и манила за городъ; но, къ сожалѣнію, большія разстоянія и невыносимая тряска здѣшнихъ экипажей умѣряли наши порывы къ выѣздамъ.

Въ Пекинѣ каждый покущикъ—желанный гость, и его не отпускаютъ изъ порядочной лавки, не напоивъ чаемъ; но въ оранжереяхъ насъ коротко знали, и здѣсь ужь не справлялись, нужно ли намъ что купить, а встрѣчали угощеніемъ, даже принаровленнымъ къ русскому вкусу: намъ подавали не желтый чай, какъ здѣсь обыкновенно водится, но цвѣточный, всегда съ леденцомъ, иногда съ сахаромъ, который, вѣроятно, покупали отъ нашихъ же слугъ, потому что въ Пекинѣ очень трудно достать сахару. Китайцы дорожатъ имъ, какъ лекарствомъ, на случай боли глазъ.

Здѣшніе садовники выдерживаютъ свои растенія такъ, чтобъ они цвѣли къ новому году, потому что въ это время обыкновенно посылаютъ въ подарки и ставятъ у себя въ комнатахъ растенія въ цвѣтѣ, и въ февралѣ оранжереи представляютъ прекрасное зрѣлище. Оранжерей очень много; онѣ нероскошны, нѣсколько углублены въ землю, отчего въ нихъ поддерживается

постоянно сырость; тонкая пропускная бумага закрываетъ стекла; но онѣ любопытны для Европейца по обилію цвѣтовъ. Топки вездѣ плохо устроены; яркое солнце, которое почти никогда не скрывается за тучами, кромѣ какъ во время періодическихъ дождей, помогаетъ заботливому уходу Китайцевъ—деревья выдержаны и цвѣтутъ очень хорошо. Китайскіе садовники прививаютъ и колируютъ самыя нѣжныя растенія, такимъ образомъ разнообразятъ цвѣты до безконечности и придаютъ имъ удивительную величину. Нигдѣ не видалъ я столько отличій древеснаго піона, какъ въ Китаѣ. Черный піонъ, который, впрочемъ, и въ Пекинѣ рѣдкость, кажется, неизвѣстенъ въ Европѣ. Видовъ астръ насчитываютъ къ Китаѣ до пяти сотъ, если не больше!

Наша мирная и тихая жизнь въ Пекинѣ была внезапно возмущена событіемъ, поразившимъ весь Китай. 13-го февраля, выйдя поутру въ садъ, я замѣтилъ необыкновенное волненіе между слугами, которые, переходя изъ дома въ домъ, о чемъ-то таинственно шептались. Я пошелъ въ комнаты отца—архимандрита, начальника миссіи, котораго засталъ съ пекинскою газетой въ рукахъ; онъ сообщилъ мнѣ, что въ городѣ ходитъ слухъ, будто богдоханъ вчера утромъ померъ въ Хай-тянѣ, своемъ загородномъ дворцѣ, но что въ сегодняшней газетѣ ничего объ этомъ не пишутъ, а потому нельзя давать много вѣры народнымъ слухамъ. Слухи эти въ Китаѣ, особенно въ провинціяхъ, иногда распускаются съ намѣреніемъ, чтобъ возмутить спокойствіе жителей. Правительство строго преслѣдуетъ

такихъ вѣстовиковъ, и потому никто не смѣлъ говорить громко объ этомъ важномъ событіи, пока оно не объявилось официально. На другой день, ночью, почти тайно ввезли въ городъ тѣло богдохана въ обыкновенныхъ его носилкахъ, какъ живаго; но, къ крайнему удивленію жителей, ни въ газетъ, ни на стѣнахъ въ улицахъ города не явилось указа о смерти богдохана и пріемникъ его власти: народъ былъ въ волненіи... Только на четвертый день появился въ газетахъ и вездѣ въ улицахъ прибитый на стѣнахъ указъ отъ имени преемника Китайской Имперіи, подписанный имъ самимъ и тѣмъ числомъ, когда скончался его отецъ. Мы сейчасъ помѣстимъ въ переводѣ этотъ любопытный документъ, а между тѣмъ скажемъ нѣсколько словъ о причинѣ возникшаго въ этомъ случаѣ недоумѣнія. Обыкновенно духовное завѣщаніе богдохана, которымъ назначается его преемникъ, хранится у Тай-хоу (императрицы) и объявляется, по смерти хуан-ди, ею; но, какъ мы писали, Тай-хоу умерла мѣсяць тому назадъ. У покойнаго Дао-гуана не оставалось въ живыхъ ни одной законной жены, чтобъ возвести въ это высокое званіе; пока разсуждали, какъ быть въ такомъ случаѣ, не взять ли Дао-гуану новую законную жену, несмотря на его преклонныя лѣта, или возвести въ санъ хуань-хау побочную, хуан-ди скончался. Впослѣдствіи, министры, желая объяснить причину своего продолжительнаго колебанія, распустили слухъ, что они не могли отыскать духовнаго завѣщанія и только на третій день открыли его, будто бы спрятанное за одною изъ любимыхъ картинъ

богдохана, хотя манифестъ говорилъ другое. Въ этомъ духовномъ завѣщаніи преемникомъ правленія Дао-гуана назначался старшій сынъ его, 4-й по рожденію (*), который только нѣсколькими недѣлями старше своего брата, 5-го по рожденію.

Верховный указъ, данный правленія Дао-гуанъ въ 30-й годъ (**), 1-й луны 14-го числа (13-го февраля 1850 года).

«Безпредѣльные, какъ небо, воспріялъ я милости отъ даровавшаго мнѣ жизнь и воспитаніе покойнаго моего родителя, великаго хуан-ди. Священное его долголѣтіе, близкое къ семидесяти годамъ, крѣпость силъ и бодрость внушали мнѣ сладостную надежду, что еще долго любовь его, какъ солнце, будетъ согрѣвать меня. Лѣтомъ прошлаго года, сверхъ всякаго чаянія, здоровье его пришло въ разстройство; онъ сталъ слабѣе прежняго; послѣдовавшая потомъ кончина моей бабки, повергнувъ его въ глубокую скорбь и сердечное сокрушеніе, окончательно истощила его силы. Сегодня (***) въ часъ зайца (шесть часовъ утра), собравъ свои силы, онъ позвалъ предсѣдателя княжескаго правленія, ближнихъ чиновъ, членовъ Тайнаго Совета и придворныхъ и, въ присутствіи ихъ, собственноручнымъ указомъ благоволилъ назначить

(*) Въ Китаѣ большею частью называютъ дѣтей не по именамъ, а по порядку рожденія, начиная со старшаго.

(**) До окончанія года считается правленіе предшествовавшаго богдохана.

(***) Богдоханъ умеръ 12-го числа, но смерть его считается съ того числа, какъ онъ перенесенъ въ столицу.

меня наследникомъ престола, и въ своемъ премудромъ наставленіи повелѣлъ мнѣ всѣ свои мысли устремить на государственныя дѣла. Съ сердечнымъ сокрушеніемъ и слезами, я принялъ сей указъ, цѣпнѣя отъ страха и опасенія, и предаваясь размышленіямъ о томъ, какъ своими попеченіями и заботами доставить ему всегдашнее спокойствіе и утѣшеніе, въ отплату за отеческую любовь; но между тѣмъ припадки болѣзни его мало-по-малу стали усиливаться и, наконецъ, драконъ воспарилъ на небо! Повергшись на землю, я горько рыдалъ и громко взывалъ къ небу!

«Съ благоговѣніемъ размышляю о томъ, какъ покойный мой родитель, въ теченіе тридцати лѣтъ правленія государствомъ, все время, утромъ и вечеромъ, предавался безпокойствамъ, заботамъ и безчисленнымъ соображеніямъ. Безконечна была бы повѣсть о его благоговѣннѣ къ небеснымъ законамъ, подражаніи предкамъ въ управленіи, о его любви къ народу, просвѣщеніи и военныхъ доблестяхъ. Его безмѣрное милосердіе, которое являлъ онъ въ години бѣдствій народа, вспомоствованіемъ ему деньгами, прощеніемъ податей, его заботы о сбереженіи и приумноженіи государственнаго казначейства, о предотвращеніи бѣдствій отъ наводненія Желтой рѣки — направлены были къ тому, чтобъ даровать жизнь и спасеніе государству. Могу ли вспомнить безъ слезъ и сердечнаго сокрушенія его челолюбіе, проистекавшее изъ души высокой, его истинное милосердіе и чистое состраданіе? Только принявъ во вниманіе

чрезвычайную важность его порученія, я постигнулъ съ благоговѣніемъ принять наследіе; хотя въ глубинѣ души чувствую страхъ и смущеніе, когда представляю свое ничтожество при предстоящемъ величїи, свое одиночество и немощи, однако, согласно волѣ покойнаго моего родителя, преодолая чувства скорби и печали, съ готовностью принимаю наследіе. Почему, пусть всѣ чины, внутренніе и внѣшніе, высшіе и низшіе, общими силами, со всею вѣрностью и справедливостью содѣйствуютъ и вспомоцествуютъ мнѣ въ правленіи.

«Что касается до траура, то хотя покойнымъ моимъ родителемъ и оставлено было завѣщаніе: «по нѣкоторымъ прежнимъ правиламъ снѣть трауръ черезъ 27 дней», однако я, по справедливости, никакъ не могу не послѣдовать древнимъ законамъ—носить должный трехлѣтній трауръ, чтобъ тѣмъ сколько-нибудь выразить сыновнюю любовь и почитать память покойнаго. Относительно же разныхъ большихъ жертвоприношеній, которыхъ не должно совершать въ глубокомъ траурѣ, присутственныя мѣста, завѣдывающія сими дѣлами, обязаны, на основаніи прежнихъ постановленій, общимъ совѣтомъ представить мнѣнїе, когда я долженъ посылать чиновниковъ вмѣсто себя и когда самъ приносить жертву. Должностные чины и народъ обязаны носить трауръ, согласно прежнимъ постановленіямъ. Указъ сей обнародовать внутри и внѣ.»

Помѣщаемъ здѣсь также не менѣе любопытный документъ о милостяхъ, объявленныхъ по случаю воцѣщенія на престолъ новаго богдохана.

Верховный указъ, данный правленія Дао-гуанъ въ 30-й годъ, 1-й луны 26-го числа (25-го февраля 1850 г.).

«Наше Дай-цинское государство воспріяло отъ Неба великія милости. При содѣйствіи его, Тай-цзу и Тай-цзунъ положили начало и основаніе государству; Ши-цзу соединилъ весь Китай подъ одну державу, Шен-цзу, Ши-цзунъ, Гао-цзунъ и Жэн-цзунъ своимъ умомъ и дарованіями доставили Китаю миръ и непрерывное спокойствіе. Подобно имъ, покойный родитель мой, въ теченіе тридцати-лѣтняго правленія государствомъ, рано одѣвался и поздно принималъ пищу; все вниманіе и заботы прилагалъ на то, чтобъ продлить миръ и спокойствіе государства; призывалъ ко двору первые чины для совѣщанія, разливалъ обильно великія милости и благодѣянія; при немъ повсюду, внутри и вѣ, все наслаждалось миромъ и спокойствіемъ; народы воспріяли счастье. Но въ то время, какъ всѣ питали надежду на продолженіе сего счастья и благоденствія, сверхъ всякаго ожиданія, 1-й луны 14 числа, назначивъ меня наследникомъ престола, чрезъ полдня драконъ воспарилъ на небо. Послѣ того, жертвенные сосуды перешли ко мнѣ; и хотя я, при своихъ ничтожныхъ дарованіяхъ, глубоко опасался за свою неспособность, однако, принявъ во вниманіе завѣщанные предками примѣры и наставленія покойнаго родителя моего, не могъ оставить престолъ надолго празднымъ. Почему, пересиливъ чувства скорби и печали, согласно съ полученнымъ повелѣніемъ, 1-й луны 26 числа, донеся напередъ небу, землѣ, предкамъ и

духамъ чадородія и плодородія, я возсѣлъ на престолъ, и слѣдующій годъ правленія повелѣлъ именовать: Сянь-фынь (всеизобильный).

«По прежнимъ достославнымъ примѣрамъ, въ сей день начала новаго правленія, ради моего уваженія ко всему доброму и покровительства несчастнымъ и немощнымъ, я почитаю нужнымъ:

1) Всѣхъ князей и сановниковъ, принцессъ и княжонъ, въ столицѣ и вѣ находящихся, пожаловать разнаго рода вещами.

2) Всѣмъ высшимъ и низшимъ военнымъ и гражданскимъ чинамъ прибавить по одной похвальной отмычки, распространить право ея на повышение чиномъ и должностью.

3) Гражданскимъ чиновникамъ, столичнымъ первыхъ 4-хъ классовъ, а провинціальнымъ 3-хъ классовъ, военнымъ-столичнымъ и провинціальнымъ первыхъ двухъ классовъ, дозволяется опредѣлить по одному сыну въ Высшій Государственный Институтъ для ученія.

4) Столичнымъ и провинціальнымъ чиновникамъ, гражданскимъ съ 4-го класса и ниже, а военнымъ съ 3-го и ниже, по суду разжалованнымъ, но оставленнымъ при прежнихъ должностяхъ, или подвергшимся вычету жалованья, возвратитъ чины и прекратитъ вычетъ.

5) По прежнему производить жертвоприношенія на кладбищахъ предшествовавшихъ династій и Кун-фу-цзы, пяти горамъ, четыремъ рѣкамъ и во всѣхъ храмахъ; для чего, въ свое время, посылать чиновниковъ,

6) Преступники изъ чиновниковъ, солдатъ и простолюдиновъ, до сего 26-го числа находившіеся подъ судомъ, прощаются. Исключаются изъ сего всѣ важные преступники 10 видовъ преступленій: мятежники и бунтовщики, отцеубійцы и убійцы мужа и господина дома, умышленные и злонамѣренные убійцы, отравители, разбойники, дезертёры изъ военной службы.

7) Всѣ ссыльные, если на мѣстѣ ссылки прожили спокойно три года, или достигли семидесяти-лѣтняго возраста—прощаются и могутъ возвратиться на родину.

8) Всѣ изъ придворныхъ ротъ, подвергшіеся уплатъ за лихоимство, воровство и недочеты, если не имѣютъ чѣмъ уплатить—прощаются и освобождаются отъ платежа.

9) Равно и дѣти чиновниковъ, подвергшіеся уплатъ за родителей по казеннымъ недочетамъ — освобождаются отъ платежа.

10) Всѣ офицеры и солдаты, передъ походомъ или по причинѣ какого-нибудь несчастія сдѣлавшіе заемъ въ счетъ жалованья—освобождаются отъ вычета.

11) На слѣдующемъ экзаменѣ на ученые степени прибавить число вакансій: для большихъ губерній 30, среднихъ 20, малыхъ 10, для маньчжурскаго и монгольскаго корпусовъ 8, для знаменныхъ корпусовъ по 6, а для китайскаго 3.

12) Во всѣхъ провинціяхъ въ казенныя училища прибавить воспитанниковъ: въ высшія 7, среднія 5 и низшія по 3 человека.

13) Нынѣшній годъ быть экзамену не въ-зачетъ, по милости, кромѣ очереднаго.

14) Въ Высшемъ Институтѣ ученики и учителя освобождаются отъ занятій на мѣсяцъ.

15) Всѣ, въ областяхъ и уѣздахъ, прославившіеся сынопочтеніемъ и братскою любовью жалуются шарикомъ 6-го класса; только мѣстное начальство должно со всею справедливостью и безпристрастіемъ ходатайствовать о такихъ людяхъ.

16) Всѣмъ раненымъ на сраженіи, престарѣлымъ солдатамъ, кромѣ обыкновеннаго жалованья, дать единовременное пособіе.

17) Старикамъ во всѣхъ провинціяхъ, видѣвшимъ 7 колѣнъ родства по прямой линіи (вверхъ и внизъ), кромѣ обыкновенной награды, пожаловать особенную.

18) Такъ какъ земледѣіе есть основаніе государства, то областные и уѣздные начальники, для поощренія его, должны наградить особенно прилежныхъ земледѣльцевъ.

19) Кромѣ придворныхъ ротъ, всѣмъ солдатамъ осьми знаменъ изъ Маньчжуровъ, Монголовъ и Китайцевъ, охраннаго корпуса и артиллеріи, пожаловать одномѣсячное и хлѣбное жалованье.

20) Солдатамъ и простолюдинамъ, достигшимъ семидесяти-лѣтняго возраста, дать одного сына на услуженіе, освободивъ его отъ казенныхъ службъ; достигшимъ осьмидесяти лѣтъ пожаловать 9-го класса шарикъ, достигшимъ девяноста лѣтъ — 8-го класса шарикъ, достигшимъ ста лѣтъ—7-го, а ста-двадцати лѣтъ—6-го класса шарикъ.

21) Достигшимъ ста и ста-двадцати лѣтъ, сверхъ сего, пожаловать деньги на построение домовъ.

22) Всѣхъ находящихся въ благотворительныхъ домахъ нищихъ, бездомныхъ, увѣчныхъ, чиновники должны, со всею внимательностью и безкорыстіемъ, пропитывать и содержать.

«Я принялъ правленіе для того, чтобъ милостями взыскать несчастныхъ и всѣ силы мои употребить на доставленіе мира и спокойствія подвластной мнѣ странѣ. Вы, князья, и высшіе и низшіе гражданскіе и военные чины! со всею вѣрностью, съ усердіемъ содѣйствуйте и вспомоществуйте мнѣ, дабы безконечное благоденствіе сіяло въ нашей имперіи миллионы лѣтъ!»

Посмертное имя покойнаго богдохана — имя, которымъ онъ занесенъ въ исторію: *чель*—совершенный. Правленіе нынѣшняго названо *Сли-фынь*—всензобилующій, хотя это названіе никакъ нейдетъ къ настоящему положенію вещей въ Китаѣ.

Случай привелъ насъ присутствовать при перенесеніи гроба покойнаго богдохана въ Хай-тянь, гдѣ его тѣло должно быть выставлено во дворецъ. Вотъ какъ мы попали на эту любопытную церемонію. По обыкновенію, въ назначенный для церемоніи день, съ разсвѣтомъ отправились мы въ знакомую намъ лавку Сюя, чтобъ оттуда смотрѣть на процессію; но, подойдя къ главной улицѣ, мы увидѣли, что процессія уже далеко тянулась по ней и попасть на противоположную сторону было невозможно; обогнать погребальное шествіе различными переулками и по-

томъ, перейдя главную улицу гдѣ-нибудь впереди достигнуть лавки Сюя было бесполезно, потому что, судя по разстоянію, мы никакъ не могли туда попасть во время; мы рѣшились было воротиться, какъ вдругъ остановилъ насъ одинъ изъ командировъ маньчжурскихъ полковъ, которые стояли непропицаемой стѣной вдоль всей улицы, отъ дворца до городскихъ воротъ. Маньчжуръ былъ изъ сосѣдственныхъ къ Россіи земель и пріѣхалъ въ Пекинъ недавно, на трехгодичную службу; онъ зналъ нашихъ казаковъ и бывшего со мною члена миссіи, драгомана маньчжурскаго языка, пригласилъ насъ остаться и примкнуть къ его солдатамъ, а потомъ, потихоньку сказалъ драгоману, чтобъ мы не изъявляли ни удивленія, ни любопытства при видѣ зрѣлища. Нечего и говорить, что мы были, подобно всѣмъ прочимъ, въ глубокомъ траурѣ; а трауръ здѣсь одинаковъ для всѣхъ—для хуан-ди, для солдата и для послѣдняго поселянина: это—верхнее платье изъ толстаго, грубаго, бѣлаго холста, необрубленное и вилящее рубищемъ по краямъ и баранья курма (зимой) шерстью вверхъ. Насъ было только двое; другіе отравились ранѣе, а потому, не боясь быть замѣченными въ толпѣ солдатъ, мы рѣшились принять приглашеніе Маньчжура.

Порядокъ церемоніала былъ почти тотъ же, что и при погребеніи Тай-хоу, — только болѣе роскоши и великолѣпія, да впереди гроба вели боеваго коня богдохана.

Молодой хуан-ди шелъ у гроба. Двое изъ прибли-

женныхъ вели или, правильнѣе, тащили его на своихъ плечахъ: по точному смыслу церемоніала, онъ долженъ казаться до того удрученнымъ скорбью, что едва въ состояніи волочить ноги. Хуан-ди плакалъ, но плакалъ не понашему. Онъ вылъ, подобно наемнымъ плакальщикамъ, и когда переставалъ, тогда затыгивали уныло его ближайшіе родственники, за ними—министры; такимъ образомъ этотъ вопль переходилъ отъ однихъ къ другимъ до послѣднихъ рядовъ, до послѣдняго человѣка, имѣвшаго право оплакивать смерть своего богдохана, и плачь не прекращался во всю дорогу. Грустно было глядѣть на двоихъ младшихъ сыновей покойнаго хуан-ди: одному изъ нихъ, кажется, не было и пяти лѣтъ; какъ ни тихо шла процессія, но онъ едва могъ слѣдовать за нею и всегдѣ повисъ на рукѣ своего дядьки; а все-таки силился какъ можно громче кричать, когда доходила до него очередь плакать.

Хуан-ди проходилъ мимо меня, и я имѣлъ возможность рассмотреть его: онъ средняго роста, нехорошъ собой: оспа оставила на немъ слѣды; выраженіе лица, искривленнаго напряженнымъ и неестественнымъ плачемъ, было непріятно. Послѣдствія показали, что онъ далеко не такъ слабъ и простъ, какъ предполагали.

Имя покойнаго богдохана будетъ чтимо исторіей, несмотря на всѣ бѣдствія, сопутствовавшія его правленію. Онъ былъ ума положительнаго, воли твердой, несокрушимой; строгъ для другихъ, но еще строже въ отношеніи себя, и исполнялъ съ точ-

ностью, до послѣдней минуты жизни возложенныя на него небомъ обязанности. Еще наканунѣ смерти онъ занимался дѣлами, диктовалъ распоряженія, помѣчалъ бумаги: вотъ почему смерть его такъ неожиданно поразила всѣхъ.

ГЛАВА XII.

Поездка на земли, принадлежащія мисси.— Состояніе земледѣлія и земледѣльческаго класса въ Китаѣ. — Кадастръ. — Доходы правительства и землевладѣльцевъ.— Кумирня чернаго дракона.

Въ половинѣ марта въ Пекинѣ зацвѣли абрикосы, показалась зелень; въ воздухѣ закружились мотыльки, мухи жужжали и бились на стеклѣ оконъ, просясь на волю; пригрѣло солнце; все манило изъ города, въ которомъ уже начали открывать сточныя трубы, распространявшія повсюду грязь и вонь. Намъ надо было осмотрѣть принадлежащія русскому монастырю земли, изъ которыхъ нѣкоторыя находятся на сѣверо-востокѣ, другія—на югѣ, верстахъ въ 50-ти отъ Пекина. Мы рѣшились сначала ѣхать на первыя. Оттуда я хотѣлъ своротить въ сѣверныя горы, желая соединить пріятное съ полезнымъ, и прикрыть благовиднымъ предлогомъ вторую цѣль своей поездки.

16-го марта мы выѣхали; къ обѣду пріѣхали въ Дуньбу, большую торговую слободу, а вечеромъ были ужь у крестьянина-арендатора нашей земли, мужика богатого и смышеннаго. Вокругъ чистаго двора

его тянулись небольшія пристройки и сарайчики, куда сваливался всякій хламъ и земледѣльческія орудія. Просторный и теплый домъ раздѣлялся стѣнами на двѣ половины; мы заняли одну половину, состоящую изъ большой комнаты съ каномъ во всю длину ея; изъ другой, которой дверь прикрывалась синимъ пологомъ, выглядывало множество женскихъ лицъ; тамъ было семейство хозяина. Нѣсколько картинъ, спускавшихся почти до земли вдоль стѣнъ, украшали, или, по-крайней-мѣрѣ, испещряли комнату; изъ нихъ *счастливое долготіе* также обыкновенно въ домахъ китайскихъ, какъ *мышь kota хорошиятъ* въ нашихъ крестьянскихъ избахъ; въ промежуткахъ висѣли тетради со счетами и разныя записки, свидѣтельствовавшія объ аккуратности и грамотности арендатора. Впрочемъ, низшій классъ народа нигдѣ такъ не образованъ, какъ въ Китаѣ, гдѣ каждый, или почти каждый, знаетъ скольконибудь грамотъ; а тѣ, которымъ не удалось научиться въ дѣтствѣ стараются воспользоваться первымъ попавшимся случаемъ, чтобъ узнать хоть нѣсколько необходимѣйшихъ іероглифовъ, и вы не рѣдко увидите стариковъ, проводящихъ цѣлыя часы за прописью. Кромѣ того, каждый съ малолѣтства заучиваетъ правила первыхъ обязанностей гражданина и члена семейства, составляющія основныя начала ихъ нравственности и политическаго состоянія, и замѣняющія религиозное ученіе; приличія, или церемоніи, если не исполнѣ, то главнѣйшія изъ нихъ, извѣстны всякому Китайцу. Тотъ у него *ваппа*, черепаха, кто не съ-

умѣть сказать комплимента знакомому, или не знать обычныхъ вѣжливостей при встрѣчѣ съ старшимъ. Если нѣтъ въ деревнѣ казенной школы, то поселяне нанимаютъ кого-нибудь изъ студентовъ, которыхъ множество шляется въ провинціяхъ Китая, преимущественно потому, что они не въ состояніи выдержать экзамена на высшія ученые степени, дающія право на штатное мѣсто въ службѣ. Этотъ студентъ преподаетъ *Четырехкнижіе* на столько, сколько самъ его смыслилъ. Полное изученіе Цзинновъ, пяти классическихъ книгъ и толковацій на нихъ, составляетъ предметъ занятій всей жизни ученаго. Отсюда общая односторонность образованія. Китаецъ никакъ не въ состояніи освободиться отъ схоластическихъ путъ и пробиться впередъ на новую дорогу за усовершенствованіями Европейцевъ или, по-крайней-мѣрѣ, за тѣми идеями, которыя могли бы представиться уму свѣтлому, незатемненному педантизмомъ.

Земледѣльческій классъ въ Китаѣ пользуется особеннымъ покровительствомъ правительства. Много прекрасныхъ законовъ издано въ его пользу, но нѣкоторые изъ нихъ, обезпечивая состояніе земледѣльца, стѣсняють право землевладѣльца. Чтобы понять духъ этихъ законовъ, надобно обратиться къ источнику, откуда они истекаютъ.

За четыре слишкомъ тысячи лѣтъ до нашего времени, всѣ земли въ Китаѣ принадлежали правительству, которое надѣляло каждаго Китайца землею, заботилось, чтобъ онъ непременно обрабатывалъ ее, поощряло прилежныхъ, наказывало праздныхъ; повсюду

были особенные приставники отъ правительства, большею частію избранные изъ того же округа, куда назначались: одни смотрѣли за удобреніемъ земель, другіе за проведеніемъ борозды, третіе за посявомъ и такъ далѣе. Слѣды такого же управленія остались въ Америкѣ, и именно въ Перу. Китайское правительство взяло десятину со всѣхъ участковъ; для этого необходимо было раздѣлить зѣмли на хорошія и дурныя, чтобы не требовать отъ земледѣльца болѣе, чѣмъ сколько можетъ давать земля. Отсюда начало кадастра, введеннаго въ Китаѣ до удивительной опредѣлительности и до того укоренившагося въ нравахъ и узаконеніяхъ народа, что всѣ усилія Монголовъ замѣнить его подушнымъ налогомъ, были тщетны. Въ древнія времена въ Китаѣ правительство заботилось, чтобъ каждый работалъ; обѣдѣвшаго по какому-нибудь случаю надѣляло немедленно изъ своей десятины запасомъ сѣмянъ и всѣмъ нужнымъ для поправленія его состоянія. Праздность считалась величайшимъ порокомъ.

Двѣ тысячи лѣтъ спустя, несчастныя междоусобныя войны, набѣги сосѣднихъ ордъ и совершенная неурядица довели правительство Китая до такого стѣсненнаго положенія, что оно принуждено было продать всѣ земли въ частныя руки (221 годъ до Р. Х.). Обогатившіеся войной и междоусобіемъ или пріобрѣтшіе вліяніе и силу въ дѣлахъ управленія, захватили множество земель. Во время же и послѣ междоусобныхъ войнъ появились толпы бродягъ, которые, разсѣявшись по Китаю, разнесли по немъ грабежи, воровство и нищество; наконецъ, возродилось безконеч-

ное число тяжбъ за право владѣнія различнымъ образомъ приобретенныхъ земель. Тяжбы эти были такъ разорительны, что въ Китаѣ въ настоящее время почти нѣтъ владѣльцевъ слѣшкомъ обширныхъ земель. Выдѣляемые маньчжурскою династією княжескіе удѣлы не значительны; чиновники боятся покупать земли въ опасеніи подозрѣнія и конфискаціи; Маньчжуры, составляющіе господствующую касту, стремятся быстро къ своему разоренію, и многіе Китайцы скупили у нихъ часть земель; но не соразмѣрно-огромное народонаселеніе все-таки заставляеть дорого цѣнить всякій, повидимому, никуда негодный лоскутъ земли.

Династія Минъ, послѣдняя изъ китайскихъ династій, вступившая во владѣніе этою имперією въ 1387 году, произвела подробную съемку земель, съ обозначеніемъ кому онѣ принадлежатъ, качествъ и цѣнности ихъ, сообразно съ близостью къ столицѣ, и распредѣлила подати: это ужъ правильный кадастръ, по тѣмъ понятіямъ, которыя мы о немъ имѣемъ. Нынѣшняя маньчжурская династія, въ этомъ случаѣ, безусловно слѣдуетъ правиламъ, положеннымъ предшественниками.

Поземельная подать собирается съ му. Му опредѣленъ еще при государѣ Тай-цзунѣ, въ 627 году, въ 240 квадратныхъ шаговъ; шагъ принять въ пять китайскихъ футовъ; 100 му составляютъ цинъ, неправильно переводимый по-русски десятиною: цинъ больше пяти нашихъ казенныхъ десятиныхъ. Съ му земли платятъ, сообразно цѣнности ея, отъ 4 до 16 коп. ассиг. Съ иныхъ земель взимають подать хлѣбомъ; всего же

съ 40 милліоновъ десятиныхъ земель, исчисленныхъ въ Китаѣ, ежегодно собирается до 26 мил. ланъ серебра и болѣе чѣмъ на 4 мил. ланъ хлѣбомъ. Лану можно опредѣнить въ 7 р. 50 к. ассиг. Другіе, косвенные налоги вносятся съ числа душъ, по ревизіи, бывшей при императорѣ Кан-си въ 1711 году, по которой значилось только 29 милліоновъ, платившихъ подати; этотъ послѣдній сборъ не превышаетъ 3 мил. ланъ серебромъ. Земскихъ повинностей, какъ-то: постоя въ домахъ, почтовой гоньбы и даже какого-нибудь значительнаго исправленія дорогъ—ни землевладѣльцы, ни землепашцы не несутъ; если же что-нибудь и дѣлають, то за плату, которая зачитается имъ въ число податей. Безъ злоупотребленія или крайнихъ несообразностей, тутъ не обходится. Такимъ образомъ, сборъ подводъ на перевозку казенныхъ тяжестей, напримѣръ, мѣди на пекинскій монетный дворъ, пороха въ дальнія провинціи, пушекъ, и многія другія казенныя повинности исполняются по цѣнамъ, съ незамятныхъ временъ опредѣленнымъ и далеко неподходящимъ къ нынѣ существующимъ высокимъ цѣнамъ.

Земли могли бы составить одну изъ выгоднѣйшихъ статей дохода въ Китаѣ; онѣ всегда закортомлены и приносятъ хорошій доходъ безъ всякихъ хлопотъ. Кортормщикъ удобряеть ихъ, оплачиваетъ казенныя подати, исправно вноситъ оброкъ и только заботится о томъ, чтобъ вы не согнали его; но вотъ бѣда, что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ, въ силу покровительствующихъ ему законовъ, заботится также о присвоеніи земли. Сначала онъ построитъ на ней какое-нибудь жилье, и

тогда вамъ трудно согнать его; потомъ, заводитъ фамильное кладбище и совсѣмъ перестаетъ платить оброкъ. Отнять у него въ то время землю почти невозможно, или, по-крайней-мѣрѣ, стоитъ столько хлопотъ и издержекъ, что нерѣдко владѣлецъ отказывается отъ земли. Мы чуть не испытали этого на себѣ. Если земледѣлецъ въ Китаѣ не прибѣгаетъ часто къ этой мѣрѣ, то единственно изъ опасенія быть вынужденнымъ перенести свое кладбище въ другое мѣсто, что сопряжено съ большими издержками.

Обыкновенно платятъ за кортомъ отъ 25 до 50 к. с. съ му, смотря по землѣ; но бываютъ случаи, что и меньше. Цѣнность земли трудно опредѣлить; она зависитъ сколько отъ качества, столько и отъ многихъ случайностей, въ силу которыхъ продается. Землю продаетъ только тотъ, кто нуждается въ деньгахъ, или теряетъ ее по закладной. Мы получаемъ со своихъ земель болѣе десяти процентовъ въ годъ,

Повѣривъ свой участокъ съ планомъ и купчею и переговоривъ о чемъ нужно съ арендаторомъ, мы отправились на Пин-си-фу—землю, находящуюся въ округѣ Чан-пин-чжоу. Вечеромъ пріѣхали въ деревню. Намъ не хотѣлось остановиться на постояломъ дворѣ, гадкомъ и грязномъ, какъ большая часть постоялыхъ дворовъ въ Китаѣ; мы отыскали вблизи кумирню, гдѣ и расположились довольно удобно. Кумирня занимаетъ бывший нѣкогда походный дворецъ императоровъ минской династии, на пути къ ихъ родовому кладбищу. Такіе дворцы находятся на всѣхъ дорогахъ, гдѣ проѣзжаютъ хуан-ди Китая. А такъ какъ этихъ дворцовъ очень

много, поддерживать же ихъ нечѣмъ, то иные мало-по-малу приходятъ въ разрушеніе, другіе, лежащіе по тѣмъ дорогамъ, по которымъ богдохану незачѣмъ болѣе ѣздить, отданы кумирнямъ.

На слѣдующій день мы отправились для осмотра своей земли. Ванъ, Фу и Лу, три земледѣльца-арендатора, уже дожидались насъ на межѣ. Ванъ сдѣлалъ цинань и отрекомендовалъ себя, Вана шестаго, и товарищей своихъ, Лу девятаго и Фу одиннадцатаго, прибавивъ, что они очень хорошіе люди; то же самое сдѣлалъ Лу, и потомъ Фу; вслѣдъ за тѣмъ Ванъ сказалъ обычный комплиментъ, Лу подкрасилъ его, а Фу повторилъ. Потомъ Ванъ просилъ насъ къ себѣ объѣхать, въ полномъ убѣжденіи, что мы не пойдемъ и совершенно зная, что у него нечего поѣсть и проголодавшейся курицы; Фу просилъ откушать чаю, а Лу—напитаться холодной воды. Чтобъ понять это послѣднее приглашеніе, надо сказать, что Китайцы, которые сами никогда не пьютъ холодной воды, считаютъ всѣхъ Европейцевъ ужасными водопійцами; не знаю, русскіе или другіе европейскіе миссіонеры внушили имъ такое о себѣ понятіе. Словомъ, наши арендаторы разсыпались въ вѣжливостяхъ, и не даромъ. Дѣло, видите, состояло въ томъ, что они ужъ въ третьемъ колѣнѣ, то-есть, болѣе полувѣка кортомятъ нашу землю и платятъ все таки опредѣленную въ самомъ началѣ найма плату, по 20 коп. сер. съ му, хотя земли чрезвычайно вздорожали; всѣ попытки прибавить наемную цѣну были напрасны, потому что измѣненіе въ ней дѣлается только съ переменною арендатора; это не законъ, но обыкно-

веніе, которое въ Китаѣ такъ же сильно, какъ законъ. а взять землю отъ Вана, Фу и Лу не было никакого повода: они всегда платили исправно свой оброкъ. Мы, однако, коснулись этого щекотливаго вопроса. Арендаторы съ недоумѣніемъ поглядѣли другъ на друга. Что такое они говорятъ? спрашивалъ одинъ другаго, хотя всякій хорошо понималъ о чемъ идетъ рѣчь, которая для нихъ была вовсе не неожиданна. Имъ повторили предложеніе набавить оброкъ на землю. «Странное дѣло, говорилъ Ванъ, обращаясь вполонину къ намъ, вполонину къ Фу и Лу: — мнѣ еще дѣдъ говорилъ, отецъ повторялъ, и самъ я замѣтилъ, что между нашимъ домомъ и русскимъ подворьемъ есть сочувствіе; иначе, какимъ образомъ могли бы мы увидѣться, когда столько ли (версть) разлучаетъ насъ, зачѣмъ бы пріѣхали они изъ такихъ далекихъ чужихъ земель сюда, въ нашу деревню, еслибъ между нами не было сродства!» Фу прибавилъ, что это точно странно, но тѣмъ не менѣе справедливо; Лу утвердительно кивалъ головой, занятый подбораніемъ какого-то тряпья, выброшеннаго изъ одноколки нашими слугами: для Китайца все нужно, всякая дрянь идетъ въ дѣло.

Это сочувствіе душъ, бывшихъ въ сродствѣ въ одной изъ прежнихъ жизней, основанное на переселеніи душъ по смерти, зашло въ Китай вмѣстѣ съ буддизмомъ, и осталось между Китайцами собственно какъ предметъ суевѣрія, но не вѣры. Подобный же комплиментъ, который такъ краснорѣчиво выразилъ Ванъ, простой мужичокъ, мы прежде слышали отъ одного изъ весьма значительныхъ чиновниковъ.

Мы видѣли, что нелегко было сговориться съ нашими арендаторами, а потому пригласили ихъ, когда будутъ въ городѣ, зайти къ намъ въ подворье.

Нельзя не подивиться трудолюбію Китайца: онъ вѣчно копается на своей нивѣ; зато его нива обработана какъ наша гряды, если не лучше; земля у него не знаетъ отдыха: когда взойдетъ и подрастетъ пшеница, въ бороздахъ, между нею, сѣютъ гречиху, для которой тѣнь не вредна вначалѣ; пшеница поспѣваетъ рано, и Китаецъ вырываетъ ее съ корнемъ, а потомъ сѣетъ вмѣсто нея, въ тотъ же годъ, одинъ изъ скороспѣлыхъ гороховъ, который всходитъ и растетъ подъ тѣнью гречихи; наконецъ собираетъ гречиху и, въ заключеніе, горохъ. На слѣдующій годъ тоже, съ небольшою разницею, и именно: въ той бороздѣ, гдѣ онъ сѣялъ пшеницу, сажаетъ гречиху, и наоборотъ. Орошеніе полей не вездѣ введено въ Сѣверномъ Китаѣ.

Китайскіе поселяне питаются одною пшениною кашею, и пьютъ чай; вина въ деревняхъ почти не знаютъ, рѣдкіе въ состояніи наѣдаться до сыта даже кашей; мясо ѣдятъ только богатые, раза два въ мѣсяцъ, и то, какое мясо? Я уже замѣтилъ, что здѣсь всякое животное, какая бы смерть не постигла его, естественная или насильственная, все цѣнится, продается и съѣдается людьми.

Поздно вечеромъ мы воротились въ кумирню. Оставалось еще осмотрѣть три наши участка земли; но они были не далеко отъ Пекина, верстахъ въ 15 ближайшей, и мы отложили осмотръ ихъ до обратнаго пути. Горы, синеватою грядою тянувшіяся противъ насъ на

сѣверѣ, такъ и манили къ себѣ. Мы раздѣлились на двѣ партіи, одни отправились по направленію къ Пекину, а мы—въ кумирню Лунь-цюань-сы, чернаго дракона, лежащую на скатѣ горѣ. Изъ кумирни намѣревались мы сдѣлать нѣсколько поѣздокъ по окрестностямъ. Кумирня Лунь-цюань-сы известна была еще португальскимъ миссіонерамъ, которые передали ее въ распоряженіе Русскимъ. Здѣшній хешенъ—пріятель четырехъ миссій. Дѣйствительно, трудно найти за пекинской долиной мѣсто лучше этой кумирни. Чудныя горы, которыхъ подошва унизана садами фруктовыхъ деревьевъ, прекрасный ключъ воды, что довольно рѣдко здѣсь, видъ изъ кумирни—съ одной стороны на долину, залитую зеленою и золотомъ различныхъ поствовъ, изъ которыхъ возвышаются куши сосенъ и можжевельника, прикрывающихъ кладбища, съ другой—на горы, нависшія надъ кумирнею; наконецъ, близость цѣлительныхъ водъ и самое радушное гостепріимство хешена, разумѣется, несовсѣмъ безкорыстное,—Китайцы лучше всѣхъ другихъ умѣютъ скрывать свои побужденія—однимъ словомъ: все это, вмѣстѣ взятое, было причиною, что Русскіе избирали, по преимуществу, эту кумирню, куда удалялись отъ лѣтней духоты и вони Пекина.

Хешенъ встрѣтилъ насъ у воротъ кумирни и представилъ намъ своего духовнаго сына, которому, какъ говорилъ, онъ передалъ управленіе всѣми дѣлами, чтобъ предаться вполне молитвѣ. Хешенъ, кажется, рассчитывалъ на пріѣздъ новой миссіи, и передѣлалъ одинъ изъ старенькихъ флигелей, куда съ гордостью

ввелъ насъ. Дѣйствительно, мы нашли тутъ прекрасное помѣщеніе, неснишкомъ, впрочемъ, избалованные китайскимъ комфортомъ; только хешенъ надобдалъ намъ немолкаемыми хозяйственными распоряженіями и хлопотами, которыя показывали, что онъ еще не совсѣмъ предался молитвѣ. Онъ до того занялся нашимъ пріѣздомъ, что позабылъ въ суетахъ позвонить въ обычное время въ колоколъ, чѣмъ обыкновенно давалъ знать жителямъ деревни, что въ кумирнѣ неусыпно молятся, и нисколько не разсердился, когда нашъ казакъ, отъ-нечего-дѣлать, принялся звонить вмѣсто него. Надо, впрочемъ, замѣтить, что здѣшніе буддійскіе монастыри давно не имѣютъ того значенія, которое многіе привыкли придавать этому слову; самыя даже большіе изъ нихъ, гдѣ, какъ увидимъ, монастырскій уставъ очень строгъ и исполняется со всею точностью, не пользуются особеннымъ уваженіемъ въ Китаѣ; ламы, хешены и вообще монашествующіе разныхъ буддійскихъ сектъ служатъ иногда предметомъ колкихъ замѣчаній со стороны здѣшнихъ ученыхъ, а между народомъ пользуется уваженіемъ только тотъ изъ нихъ, кто лично заслужилъ его.

Нашъ хешенъ былъ не безъ значенія въ своей деревнѣ, можетъ быть, по богатству, конечно, относительному, и мы, къ большому своему неудовольствію, должны были испытать силу его вліянія на здѣшнихъ жителей. Два крестьянина изъ-за чего то затѣвали между собой тяжбу. Тяжба вещь страшная вездѣ, а въ Китаѣ и того страшнѣе. Ссорившіеся рѣшились, передъ началомъ такого важнаго дѣла, прійти посоветоваться

съ хешеномъ. Три ночи хешенъ и духовный его сынъ усовѣщевали Китайцевъ помириться — три ночи, потому что днемъ земледѣлецъ ни за что не оставитъ своихъ работъ; а такъ какъ Китайцы, подобно жидамъ, не могутъ разсуждать безъ крику и шуму, то въ теченіе этихъ ночей, мы съ трудомъ, только утомленные усталостью, могли уснуть, и очень были рады, когда, однажды утромъ, вошедшій къ намъ хешенъ объявилъ съ торжествомъ, что онъ наконецъ помирилъ ссорящихся.

ГЛАВА XIII.

Тань-шинскіе горячіе ключи, дворецъ и садъ. — Кладбище императоровъ минской династии. — Понятія Китайцевъ о безсмертій души. — Сравненіе памятниковъ древняго Египта и Китая. — Встрѣча съ однимъ изъ потомковъ богдохановъ династии Минъ.

Тань-шинскіе горячіе ключи верстахъ въ 7—8 отъ Лунь-цюань-сы. Дорога извиается между нивами и деревеньками, то исчезая въ зелени первыхъ, то являясь одѣтою камнемъ. Мы пріѣхали прямо къ чиновнику, смотрителю казенныхъ ваннъ и дворца. Послѣ обычныхъ привѣтствій и чашки чаю, онъ объявилъ, что надняхъ изъ дворца украли какую то картину, а потому строгаѣше запрещено пускать кого-нибудь даже въ садъ къ ваннамъ; но спутникъ мой нисколько не смутился отъ такого положительнаго отказа. За другой и третьей чашкой, онъ успѣлъ изъявить свою радость, что чиновникъ и пополнѣлъ и побагатѣлъ, и вообще, во всей его особѣ и домѣ видна благодать неба; наконецъ, сказалъ ему, что мы совсѣмъ не такіе люди, на которыхъ бы распространялось запрещеніе; что хотя мы пріѣхали издалека, однако хорошо знаемъ приличіе и благодарность. Чиновникъ велѣлъ подать разныхъ сластей и сдѣлался не такъ непреклоненъ.

Много еще было переговорено всякой всячины, совершенно ни для кого незанимательной, пока мы опять обратили рѣчь на предметъ поѣздки нашей; наконецъ чиновникъ сказалъ: «развѣ переговорить съ главнымъ привратникомъ» и послалъ за нимъ. Опять пошли совѣщанія и увѣщанія, кончившіяся тѣмъ, что намъ показали и ванны, и садъ, и дворецъ.

Ванны богдохана и женъ его, и двѣ ванны, содержащія, какъ кажется, зрителями для больныхъ посѣтителѣй, находятся въ хорошемъ состояніи; онѣ изъ дикаго камня и обиты свинцомъ; но народныя, въ которыхъ купаются одни праздные ламы, приходятъ въ разрушеніе; самая вода едва проникаетъ въ нихъ, потому что многія трубы испорчены. Ванны устроены Европейцами, по порученію императора Канси: онѣ, говорятъ, очень цѣлительны; воды сѣрнистыя, не такъ сильны, но горячи; въ одномъ изъ двухъ ключей до 32°; въ немъ съ трудомъ можно держать руку.

Дворецъ также приходитъ въ разрушеніе; онъ ничѣмъ не отличается отъ другихъ, которые намъ случилось видѣть. Замѣчательна картина извѣстнаго Кастильони, рисованная въ китайскомъ вкусѣ, во всю поперечную стѣну, и представляющая двухъ болонскихъ собачекъ въ зелени сада. Кругомъ дворца множество корридоровъ и переходовъ во внутреннія комнаты богдоханскихъ женъ и евнуховъ.

Садъ, въ своемъ запущеніи, еще прекраснѣй. Большое озеро, поросшее неньюфарами и осокой, какъ-то таинственно отражало разрушенные, узорчатые мостики; бамбуковыя куртины превратились въ непрохо-

димую чащу; вьющіяся растенія расплозились по дорожкамъ и перевилились съ переносками, которые были въ полномъ цвѣтѣ. Садъ великъ; онъ разросся и вообще мало испорченъ искусствомъ. Небо было чисто; едва вѣяло легкою, весеннею прохладой. Мы провели здѣсь нѣсколько отрадныхъ часовъ, и какъ люди, знающіе приличіе, на обратномъ пути зашли поблагодарить чиновника, доставившаго намъ удовольствіе подышать свѣжимъ воздухомъ.

На другой день, вмѣстѣ съ хешеномъ, который, какъ тѣнь, повсюду слѣдовалъ за нами, мы отправились на кладбище императоровъ династіи Минъ. По словамъ его, отъ кумирни было не больше 40 ли, то есть, съ небольшимъ 20 верстъ, и мы не торопились выѣздомъ, но оказалось добрыхъ 30 верстъ; къ тому же, мы то и дѣло плутали въ безчисленномъ множествѣ извиляющихся повсюду дорожекъ; нашъ проводникъ безирестанно слѣзалъ съ лошади, безъ чего нельзя завязать разговоръ съ Китайцами; только и слышалась обычная фраза: «старшій братецъ, позвольте позаимствовать отъ васъ свѣту: кудаѣ хать?» и проч.; старшій братецъ, который иногда былъ цѣлымъ десяткомъ лѣтъ моложе спрашивавшаго, принимался подробно описывать мѣстность, и въ силу этого описанія мы опять заѣзжали куда-нибудь въ ровъ: еще благо, что съ китайскимъ экипажемъ легко справиться. Наконецъ, часа въ три послѣ обѣда, мы переѣхали черезъ развалины, служившія нѣкогда воротами къ кладбищу.

Почти всѣ кладбища китайскихъ богдохановъ раз-

рушены; отъ нѣкоторыхъ остались едва замѣтные слѣды ихъ существованія, о другихъ и самая память исчезла. Легко вообразить себѣ, сколько ихъ было, когда каждый потомокъ Неба занималъ особое кладбище, въ чертѣ общаго, своей династіи посвященнаго, издерживая на него при жизни огромныя суммы и погребая вмѣстѣ съ собою несмѣтныя сокровища (послѣднее выводится теперь изъ употребленія). Эти-то сокровища, постоянно привлекая алчность Монголовъ и Маньчжуровъ, были отчасти причиною разрушенія кладбищъ. Маньчжуры, покорившіе въ послѣдній свой набѣгъ Китай и покорясь сами китайскимъ нравамъ и образованію, имѣли благоразуміе пощадить кладбище предшествовавшей династіи, минской, и даже принять его подъ свое покровительство, какъ свидѣтельствуемъ поставленный у входа памятникъ. Это была одна изъ политическихъ мѣръ, привлечшихъ къ нимъ Китайцевъ. Величіе царственныхъ могилъ такъ поразило дикихъ Маньчжуровъ, что они, поклонники шаманства, при самомъ водвореніи своемъ въ Китаѣ, принялись строить для себя кладбища по образцу китайскому; но отъ недостатка ли средствъ, или отъ неумѣнья—только кладбище нынѣ царствующаго дома уступаетъ въ великолѣпнѣи кладбищу династіи Минъ. Богдоханъ Цянлунъ похитилъ нѣкоторыя вещи изъ старыхъ гробницъ для своей могилы, за что подвергся обвиненію еще при жизни своей, но все таки она не такъ величественна, какъ могила перваго владителя изъ Миновъ.

Къ ней-то подъѣхали мы. Хотя время и люди по-

падали ее, однако ни то, ни другіе не заботились о ней; время—потому что, въ дѣлѣ рукъ человѣческихъ, оно беретъ на себя одну разрушительную часть; люди—по восточному изреченію: *что прошло, то прошло*; династія исчезла, и пускай заботится о ней Небо. Прежніе богдоханы, хотя изрѣдка, разъ-другой во время цѣлаго царствованія, ѣздили сюда для приношенія жертвъ; нынче только старшій изъ потомковъ нѣкогда царствовавшей династіи, самъ человекъ безвѣстный, пріѣзжаетъ ежегодно для поклоненія своимъ предкамъ. Военной стражи, посмертнаго штата—нѣтъ; крестьянская деревенька, пользующаяся отъ казны клочкомъ земли, обязана охранять кладбище; ключи находятся у ея старшины. Мы должны были дожидаться, пока принесутъ ихъ, и, по китайскому обыкновенію, которое пришлось по вкусу и Русскимъ, расположились пить чай подъ обширнымъ навѣсомъ кладбищенскихъ воротъ.

Наконецъ принесли ключи, и мы вошли въ ограду кладбища. На первомъ дворѣ, осыпленномъ деревьями, возвышался пирамидальный очагъ, весь изъ желтыхъ изразцовъ, для сожженія приносимыхъ въ жертву вещей; далѣе—ворота, составлявшіе сами по себѣ обширное зданіе. На другомъ дворѣ, на возвышеніи въ нѣсколько уступовъ, стояло громадное зданіе, обведенное въ нѣсколько рядовъ, по числу уступовъ, перилами изъ бѣлаго мрамора: все зданіе составляло одну залу, гдѣ ставился гробъ богдохана, до перенесенія его въ могилу; длина ея 80 шаговъ, ширина 40; посерединѣ небольшое возвышеніе, обнесенное простою рѣшеткою; потолка нѣтъ;

полъ изъ плитъ огромныхъ размѣровъ; крыша поддерживается 60-ю колоннами и полуколоннами, извѣстными во всемъ Китаѣ своею громадностью, составляющими предметъ его гордости; колонны изъ такъ-называемаго южнаго кедра. Такихъ деревьевъ теперь не найти въ Китаѣ, да и едва ли гдѣ на островахъ; каждая колонна толщиною въ нѣсколько обхватовъ; дерево ничѣмъ не покрыто, въ натуральномъ видѣ и, несмотря на то, что находится въ сырой комнатѣ, вполне сохранилось. Кровля изъ желтой черепицы. Общій видъ залы очень величественъ, и мнѣ ничего подобнаго не случалось видѣть въ Китаѣ, гдѣ всякое зданіе раздроблено на части, загромождено мелкими украшеніями, испещрено яркими красками. Эта зала вполне соответствуетъ своему назначенію: въ ней тихо, пустынно, торжественно! Изъ нея выходъ прямо къ могилѣ. Подъ сводами высокой башни вносятъ гробъ въ могильный склепъ, обширный, одѣтый внутри гигантскими каменными плитами. Когда поставятъ гробъ на мѣсто и послѣдній человѣкъ выйдетъ изъ склепа, тогда подрубаютъ стойки у двери, и огромный камень заваливаетъ ее сзади; потомъ закладываютъ выходъ, замуравливаютъ, такъ что и слѣдовъ его не видно, и ужь послѣ проводятъ къ нему каменный корридоръ, который у конца раздвояется, для того, чтобъ замаскировать жилище смерти отъ взоровъ любопытныхъ. Въ древнихъ кладбищахъ китайскихъ императоровъ, говорятъ, существовалъ цѣлый лабиринтъ входовъ и выходовъ, скрывавшій дверь, ведущую въ могилу. Эта таинственность посмертныхъ жилищъ богдоханскихъ, этотъ ходъ подъ

сводами очень напоминаютъ внутренность пирамидъ египетскихъ; но простота послѣднихъ и ихъ громадность представляетъ первообразъ; китайскія могилы, уже изукрашенныя памятниками, башнями, предмогильнымъ зданіемъ—подражаніе, какъ ни древни кладбища первыхъ китайскихъ императоровъ, которые служили образцами для послѣдующихъ. Прибавьте къ этому, что и хуан-ди Китая, подобно властителямъ древняго Египта, съ перваго дня восшествія на престолъ начинаютъ постройку своего посмертнаго жилища, оканчиваютъ вмѣстѣ съ концомъ жизни и заботятся о немъ болѣе, чѣмъ о своихъ дворцахъ; прибавьте еще посмертный судъ надъ богдоханомъ, превратившійся нынче въ простой приговоръ, дающій проименованіе умершему—и вы, невольно, придете къ нѣкоторымъ сближеніямъ между двумя отдаленными мірами: древній Египетъ и Китай, сами-по-себѣ, составляютъ отдѣльные міры. Разумѣется, частности должны были вылиться въ другую форму въ Китаѣ. Далѣе мы увидимъ еще нѣкоторое сближеніе въ памятникахъ этихъ двухъ государствъ.

Въ могильномъ склепѣ оставляютъ любимыя вещи покойника и многія сокровища, какъ бы для того, чтобъ онъ ими пользовался; особенно въ древнія времена этотъ обычай былъ въ силѣ, и вмѣстѣ съ похоронами хуан-дѣвъ служилъ истощеніемъ государства. Вообще, посмертную жизнь Китайцы не могутъ понять иначе, какъ въ связи съ земною, матеріальною. Я имѣлъ случай нѣсколько разъ это замѣтить. Самъ Кун-фу-цзы, Конфуцій (котораго напрасно называютъ основателемъ но-

ваго вѣрованія: онъ только собралъ и нѣсколько очистилъ старыя ученія отъ толковъ и басенъ, и привелъ ихъ въ систему), самъ, говорю, Кун-фу-цзы или Кун-цзы, какъ за-просто называютъ его (фу значитъ мужъ), допуская безсмертіе души, ничего не говоритъ ни о духовномъ мірѣ, ни о будущей жизни, между тѣмъ, какъ явившееся въ его время ученіе Ли-эръ (Лао-цзы), которое имѣло такое сильное вліяніе на нравственное образованіе Китая и такъ долго противоборствовало и часто преобладало надъ ученіемъ Конфуція, это ученіе, полагавшее все назначеніе, все счастіе человѣка въ нравственномъ совершенствованіи, на которое едва доставало краткой жизни человѣка, основывалось на безсмертіи души, существующей вѣчно, но слишкомъ въ матеріальномъ значеніи слова. Люди не умираютъ, по понятіямъ Ли-эръ, или, лучше сказать, его послѣдователей и учениковъ, но, достигши старости и усовершенствовавъ себя, превращаются въ духовныя существа; дѣхи эти живутъ въ горахъ, неоскверненныхъ присутствіемъ человѣка, и тамъ наслаждаются жизнью; блага ея неисчислимы и неизвѣстны людямъ обыкновеннымъ. Они-то, эти духи, могутъ, въ знакъ особой милости, посѣщать своихъ послѣдователей и открывать имъ будущее. Заботливость Египтянъ о сохраненіи тѣла и другіе признаки, о которыхъ я говорилъ въ описаніи путешествія своего по Египту, свидѣлствуютъ также достаточно о вѣрованіи ихъ въ нераздѣльность посмертной жизни съ землею. Китайцамъ, правда, неизвѣстно бальзамированіе, но заботливость ихъ о сохраненіи умершихъ очень ве-

лика. Они увѣрены, что южный кедръ предохраняетъ тѣло отъ гніенія, и потому, боясь допустить умершаго до разложенія, немедленно кладутъ въ кедровый гробъ и заколачиваютъ герметически; увѣряютъ, будто-бы тѣла, открываемыя черезъ столѣтія, были невредимы. Передъ гробомъ ставятъ огромный мѣдный чанъ съ масломъ, замѣняющій лампаду, полагая, что она будетъ теплится десять-тысячъ лѣтъ.

Въ башнѣ, надъ сводами, стоитъ высокая мраморная доска, какая обыкновенно ставится у могилы покойника, съ надписью: вынь-хуан-ди (просвѣщенный), посмертное проименованіе перваго хуан-ди, изъ Минновъ, извѣстнаго въ исторіи болѣе подъ названіемъ правленія, Юнг-ло; кровля на башнѣ изъ желтой черепицы со вздернутыми, по китайскому обыкновенію, полями. Башня служитъ, какъ мы сказали, входомъ въ могилу и вмѣстѣ съ тѣмъ выходомъ на кладбище, гдѣ возвышается огромный могильный курганъ, высотой почти въ уровень съ башнею и около версты въ окружности; онъ весь покрытъ различными дикими деревьями, особенно здѣшнимъ дубомъ. У могильныхъ насыпей приносили обыкновенно людей въ жертву. Обычай этотъ изъ самыхъ древнихъ. Геродотъ говоритъ о немъ, описывая Скивовъ. Въ Китаѣ встрѣчаемъ его въ первый разъ около 621 года до Р. Х., когда, по смерти Мукуна, владѣтеля западной части Китая, Тзи-ни (Шен-си), сто-пятьдесятъ-семь человѣкъ принесли себя въ жертву на могилѣ покойника. Далѣе, за два вѣка до Р. Х., послѣ смерти извѣстнаго хуан-ди Чжин-шигуан-си, всѣ жены и наложницы его, неимѣвшія дѣ-

тей, и множество оруженосцевъ и служителей погребены живые возлѣ могилы покойнаго. Въ новѣйшее время, около 1160 года, въ правленіе уже нынѣшней династїи, царедворцы, убѣдившіе богдохана Шуньцзи отказаться отъ отчаяннаго намѣренія послѣдовать въ могилу за страстно-любимою имъ женой и за-живо быть погребеннымъ съ нею, какъ-бы для успокоенія его, отправили вмѣсто него на тотъ свѣтъ тридцать человѣкъ.

Еще и нынче случается здѣсь, что, по смерти людей значительныхъ, ихъ жены или наложницы обрекаютъ себя смерти—большею частью душатся. Китайское правительство не только не воспрещаетъ такихъ самоубійствъ, но даже записываетъ ихъ въ исторїи, какъ подвиги добродѣтели и мужества, въ поощреніе потомства. Подобно тому, какъ въ Индіи, самоубійство женщинъ почти никогда не бываетъ слѣдствіемъ любви и отчаянія: это обычай, къ исполненію котораго всегда нужно постороннее побужденіе. Такимъ образомъ, остающіяся послѣ покойника жена и наложницы начинаютъ уговаривать и подстрекать одна другую: «Какъ онъ тебя любилъ, какъ нѣжилъ, говоритъ жена молодой наложницѣ:—отчего бы тебѣ не послѣдовать за нимъ?» — «Я только наложница, отвѣчаетъ та:—а ты законная жена; ты прославишь имя свое, воздашь достойную честь покойнику, если согласишься умереть на его могилѣ; и оставлять тебѣ послѣ себя некого, и жить осталось не долго! А чести сколько! Твое имя запишутъ на доскѣ, занесутъ въ исторїю. Послушай меня: ты огорчала его при

жизни, утѣшь теперь!» И слѣдствіемъ такихъ убѣжденій, иногда тщеславія, бываетъ то, что болѣе легковѣрная изъ женъ или наложницъ соглашается на самоубійство.

Отъ могилы Вынь-хуан-ди вправо и влѣво, по всей долинѣ, обставленной живописными пригорьями, осѣненной деревьями въ глубинѣ, и занятой нивами спереди, расположены кладбища, ближе къ горамъ, оканчивающіяся ущельемъ; тутъ погребены всѣ императоры минской династїи, кромѣ первыхъ двухъ: они покоятся въ окрестностяхъ Паикина, который былъ столицей во время ихъ правленія. Кладбищъ числомъ тринадцать, одно отъ другаго въ верстѣ и полуверстѣ; всѣ построены по тому же образцу, только меньше. Расположенные въ безпорядкѣ, какъ позволяла мѣстность, то полузакрытыя увалами и купами деревьевъ, то выглядывающія изъ за нихъ своими пестрыми, блестящими крышами, или чернымъ пятномъ створчатыхъ воротъ, или бѣлою стѣною башни, или сѣткою яркой рѣшетки, они представляютъ новый, чудный видъ, какихъ мнѣ мало случалось видѣть. Къ кладбищамъ ведетъ дорога, уставленная по обѣимъ сторонамъ каменными статуями людей и звѣрей. Люди въ два человѣческихъ роста въ вышину и несоразмѣрно массивные въ толщину; эта несоразмѣрность формъ еще поразительнѣе въ животныхъ; такимъ образомъ, ноги лошадей составляютъ грубую массу, которая годилась бы для поддержанія туловища слона. Видно было, что заботились не столько о естественности, сколько о прочности; и, дѣйствительно, достигли этого:

статуи совершенно сохранились; только нѣсколько носов и ушей окорнано время. Всѣ статуи изъ строваго известняка, который здѣсь преобладаетъ во всѣхъ издѣліяхъ, какъ гранитъ въ Египтѣ. Люди изсѣчены порядочно; числомъ двѣнадцать; изъ нихъ, по одеждѣ, легко отличить четырехъ военныхъ отъ осьми гражданскихъ чиновниковъ, а по шапкамъ — четырехъ князей. Тутъ гораздо лучше можно видѣть древній китайскій костюмъ, чѣмъ на рисункахъ: длинныя платья, широкіе рукава, роскошь складокъ и драпировки и отсутствіе косы напоминаютъ больше общій восточный костюмъ, чѣмъ нынѣшній китайскій; военные въ кольчугахъ, въ наколѣвникахъ съ изображеніемъ огромной львиной пасти, съ мечами и жезлами въ рукахъ. Животныхъ по двѣ пары различныхъ породъ, именно: слоновъ, лошадей, верблюдовъ, тигровъ, цилиновъ и еще какого-то баснословнаго животнаго—одна пара въ стоячемъ положеніи, другая на колѣняхъ. Люди и звѣри предназначены для служенія покойнаго по смерти. Цилинь—животное несущее, —занимаетъ такое же важное мѣсто у Китайцевъ, какъ сфинксъ въ вѣрованіяхъ Египтянъ. Цилинь по виду ни-на-что не похожъ: морда тигра, спинной хребетъ покрытъ чешуей и выдался словно у крокодила; лапы какъ у другихъ четвероногихъ животныхъ. Вообще, изображенія всѣхъ этихъ животныхъ показываютъ невысокую степень художества въ Китаѣ.

Можете себѣ вообразить обширность этихъ кладбищъ, если скажу, что отъ могилы, которую я опи-

салъ, до воротъ, замыкающихъ ограду, около осьми русскихъ верстѣ. Кромѣ статуй, по дорогѣ расположено нѣсколько воротъ, то деревянныхъ, то каменныхъ, множество столбовъ съ различными украшеніями и нѣсколько мостовъ. Столбы, ворота и мосты имѣютъ какое нибудь символическое значеніе.

Если видъ на кладбища хороши со стороны, то отъ главнаго вѣзда, откуда представляется вся эта масса зданій, горъ, бѣлокорыхъ кедровъ, растилающихся куполомъ, и тополей, пирамидами взбѣгающихъ вверхъ, статуй, колоннъ, кровель, испещренныхъ карнизовъ, свѣсившихся съ кровель коньковъ и полютенъ, и все это на аломъ горизонтѣ неба, на которомъ догораютъ послѣдніе лучи заходящаго солнца — этотъ видъ таковъ, что на него, кажется, ввѣкъ бы не насмотрѣлся!

Ужь поздно ночью подѣхали мы къ Чем-пин-чжау, одному изъ областныхъ городовъ Чжи-лійской Губерніи. Китайскіе города, по постановленію, должны запираются на ночь; но это строго соблюдается только въ Пекинѣ и въ пограничныхъ мѣстахъ, какъ, на примѣръ, въ Калганѣ и др. Областной начальникъ Чем-пин-чжау, вѣроятно, видя, что черезъ самыя городскія стѣны, во многихъ мѣстахъ разрушенныя, легко войти, считаетъ достаточнымъ на ночь притворять ворота, также весьма шаткія, для предупрежденія всякаго незаконнаго покушенія на безопасность вѣреннаго ему города; кучеръ нашъ оттолкнулъ ихъ, и мы безпрятственно вѣхали въ крѣпко спавшій

городъ и едва достучались въ гостинницѣ. Китайцы не имѣютъ обыкновенія ѣздить по ночамъ.

На другой день узнали мы, что въ той же гостинницѣ остановился одинъ изъ потомковъ династїи Минъ, который ѣхалъ издалека на родовое кладбище, для обыкновеннаго поклоненія предкамъ; онъ также узналъ о нашемъ прїѣздѣ; легко себѣ представить, что любопытство было возбуждено съ обѣихъ сторонъ; на этотъ разъ мы устранили излишнія церемонїи и посѣтили одинъ другаго. Потомокъ знаменитыхъ богодохановъ очень бѣденъ, простъ, мало образованъ; это былъ старикъ лѣтъ 60-ти; съ нимъ ѣхалъ молодой человекъ лѣтъ 16-ти, благообразнаго, кроткаго вида.—Потомковъ династїи Минъ много въ Китаѣ. Правительство не заботится о нихъ и самаго общества, къ которымъ они принадлежатъ, не преслѣдуются строго, хотя конечно знаютъ о ихъ существованїи.

Отъ Чемъ-пинъ-чжау до Пекина верстъ 40, и къ вечеру мы были дома.

ГЛАВА XIV.

Монгольское и корейское подворья. — Связь наша съ Монголами.—Посѣщенїя Корейцами и Тибетцами русскаго подворья.—Отмѣна празднества новаго года.—Фейерверки и пороухъ въ Китаѣ.

Вороны не давали намъ покоя: на зарѣ, когда движеніе и шумъ выживали ихъ изъ Хай-тяна, онѣ улетали на промыселъ по окрестностямъ Пекина, бѣдшею частью въ обширный загородный паркъ, служавшій звѣринцемъ. Не знаю, почему вороны стаи избрали своимъ постояннымъ передовымъ постомъ нашъ садъ, гдѣ и останавливаются для перваго отдыха и перваго завтрака. У насъ нѣтъ столько вѣтвей въ саду, сколько налетаетъ этихъ пернатыхъ, которыя поднимаютъ такой шумъ, такой крикъ, сшибаясь на деревьяхъ, отнимая другъ у друга кости и всячески уничтожая соперника, что самый водоносъ, спящїй, обыкновенно, мертвымъ сномъ, пробуждается отъ этого гвалта. По всей вѣроятности, мы обязаны этимъ милымъ посѣщенїемъ сосѣдству монгольскаго подворья. Это подворье состоитъ изъ обширнаго, ничѣмъ незастроеннаго двора, гдѣ прїѣзжающіе въ Пекинъ Мон-

голы кочуютъ въ юртахъ, какъ у себя дома. Тутъ рѣжутъ они барановъ и стряпаютъ себѣ кушанье на открытомъ воздухѣ; запахъ крови и всегда вѣрная добыча привлекаютъ воронъ, пока шумъ пробужденной столицы не выживетъ ихъ и отсюда. Послѣ посвященія ихъ, нашъ садъ покрывается костями. Вороны такъ дерзки, что иногда похищаютъ кости у собакъ и уносятъ куски мяса съ оконъ кухни. Здѣшнія вороны имѣютъ отличіе отъ нашихъ европейскихъ воронъ, и составляютъ собою новый видъ; но отъ этого намъ не легче и, признаюсь, просыпаясь всякій день спозаранку, я весьма охотно спровадилъ бы ихъ туда, откуда онѣ не могли бы никогда вернуться въ нашъ садъ.

Монгольскій дворъ особенно оживаетъ съ новымъ годомъ, когда сюда стекаются со всѣхъ аймаковъ, кто для принесенія поздравленій или дани, кто для мелкой торговли. Монголы привозятъ на продажу мясо, разнаго рода дичь и масло, котораго нѣтъ въ Пекинѣ, да въ немъ и не нуждаются Китайцы, замѣняя его свинымъ жиромъ. Масло покупаемъ только мы да Татары. Молока также нѣтъ въ Пекинѣ; иногда съ трудомъ достаемъ мы его отъ Татаръ. Зато въ другой сѣвѣстной провизіи, и особенно въ овощахъ, въ Пекинѣ нѣтъ недостатка, и жизнь здѣсь вообще недорого. Промышленные Китайцы не пропускаютъ случая воспользоваться пріѣздомъ Монголовъ; они раскидываютъ лавки на ихъ дворѣ и обрабатываютъ степныхъ простяковъ еще лучше, чѣмъ насъ. Совсѣмъ не то случается съ ихъ сосѣдями, Корейцами: тутъ Китайцы,

въ свою очередь, попадаютъ въ просакъ и бываютъ обманываемы этими записными торгашами.

Корейцы весьма охотно признаютъ себя подданными Китая. Подъ предлогомъ привоза дани, которая ничтожна и отчасти вознаграждается получаемыми отъ китайскаго правительства подарками, подъ этимъ предлогомъ, они пріѣзжаютъ въ Пекинъ собственно для торговли, и производятъ ее безъ пошлины. Такъ же точно являются они съ данью въ Японію и торгуютъ съ нею; но тутъ требованія гораздо большія: отъ нихъ берутъ золото, и, вообще, съ ними обходятся весьма нерадушно. Я думаю, Корейцы рады были-бы навязаться въ подданство всякой державѣ, только бы имъ позволили ввозить беспошлинно свои произведенія и вывозить туземныя.

При насъ было въ Пекинѣ цѣлое посольство изъ Кореи; оно явилось сюда съ извѣстіемъ о смерти своего короля и за инвеститурой новому правителю Кореи. Пользуясь этимъ случаемъ, оно настояло, чтобъ дозволили удвоить число слѣдовавшихъ съ ними верблюдовъ, противъ опредѣленнаго однажды навсегда, подъ тѣмъ предлогомъ, что съ такимъ важнымъ извѣстіемъ посылаются и люди важные, слѣдовательно, свита ихъ должна быть значительнѣй; собственно же цѣль ихъ была та, чтобъ имѣть возможность ввезти побольше товаровъ безъ пошлины. Монголы всегда ведутъ дружбу съ нашимъ подворьемъ. Корейцы, пользуясь тѣмъ же правомъ сосѣдства и еще больше потому, что они, подобно намъ, иностранцы въ Пекинѣ, хотя положеніе наше здѣсь далеко не то, что

ихъ, Корейцы также всегда добиваются знакомства съ Русскими. Изъ любопытства, мы принимаемъ ихъ у себя; но посѣщеніе ихъ—настоящее наказаніе для нашихъ слугъ, у которыхъ, какъ вообще у всѣхъ Китайцевъ, Корейцы пользуются слишкомъ незавидною репутаціей; ихъ иначе не выпускаютъ въ нашъ дворъ, какъ подъ покровительствомъ и ручательствомъ нашего портнаго, работающаго вообще для иностранцевъ.

Мы любили слушать рассказы Корейцевъ о Японіи, и ихъ сравненіе Японцевъ съ Китайцами часто забавляло насъ. Само-собою разумѣется, что мы не очень-то вѣрили тому превосходству, которое Корейцы отдавали Китайцамъ: мы хорошо знали, что въ Японіи они заговорили бы совсѣмъ иначе, чѣмъ въ Пекинѣ; тѣмъ не менѣе, мы беремъ смѣлость сомнѣваться въ необыкновенномъ соединеніи многихъ добродѣтелей, которыя придаютъ Японцамъ путешественники, вполнѣ, впрочемъ, достойные довѣрія, какъ Головинъ, Зебольдъ, Кемферъ. Думаю, что эти восторженныя похвалы характеру Японцевъ происходятъ оттого, что рѣшительно нѣтъ возможности изучить ихъ глубже. Если, на-примѣръ, станете судить о Китайцѣ, разумѣется, изъ образованнаго круга, по первымъ о немъ впечатлѣніямъ, вы рѣшительно будете въ восторгѣ отъ него: его утонченная вѣжливость, никогда, впрочемъ, недоходящая до униженія, изящныя манеры, его нравственныя правила, которыя онъ выскажетъ вамъ такъ наивно, какъ будто эти правила выходятъ изъ глубины души его, какъ будто онъ прирождены ему — все это вполнѣ очаруетъ васъ. Если я иногда

очень легко отзываюсь объ этихъ нравственныхъ началахъ въ Китаѣ, то потому, что знаю, ихъ источникъ и заранѣе не вѣрю имъ. Не совѣтую принимать безъ разбора все, что пишется въ китайскихъ книгахъ, иначе вы будете приведены еще въ большее заблужденіе. Между узаконеніями многія дѣйствительно отличаются чрезвычайнымъ благоразуміемъ (на-примѣръ, о продовольствіи народа въ голодные годы, о запасныхъ хлѣбныхъ магазинахъ, о школахъ), но они истекаютъ не изъ потребностей народа, а изъ преданій. При обращеніи съ Китайцами и ихъ книгами, никогда не должно упускать изъ вида, что они не всегда дѣйствуютъ такъ, какъ говорятъ.

Можно спорить о томъ, дѣйствительно ли Китайцы населили Японскіе острова, или эти выходцы твердой земли только смѣшались съ населеніемъ, которое существовало до ихъ прихода, которое существуетъ и теперь; но нельзя сомнѣваться, что Китайцы образовали Японію, какъ политическое государство, какъ одно тѣло, и вдохнули въ нее свое нравственное начало. Самое свойство характера Китайцевъ состоитъ въ томъ, что они, пребывая вѣрными своимъ правиламъ, ученію и привычкамъ, умѣютъ переработать на свой ладъ каждый народъ, съ которымъ вступаютъ въ соприкосновеніе, какъ побѣжденные или какъ побѣдители, безъ различія отношеній. Наконецъ, китайскій письменный языкъ и, что всего главнѣе, кодексъ приличій и церемоній, совершенно китайскій, доказываютъ ясно, откуда Японія заимствовала свое нравственное образованіе.

По китайскимъ историкамъ, еще за 450 лѣтъ до нашей эры, во время раздора удѣльныхъ князей въ Китаѣ, одинъ изъ нихъ (изъ Хан-чжеу) принужденъ былъ съ своею свитой бѣжать изъ отечества моремъ; вѣтромъ прибило его къ острову Нипону: Китайцы называли его *Жи-бенъ*, то-есть, начало солнцу, или восточный островъ. Слово это, въ выговорѣ южныхъ Китайцевъ (Ни-пенъ), было передано въ Европу.

Сами Японцы называютъ свое государство, вмѣстѣ взятое, Дай-Нипонъ, Великій Нипонъ и только, смотря по мѣстности, къ этому слову придаютъ различныя прилагательныя, какъ-то: *Яматъ* — гористая страна, *Гиномото* — буквальный переводъ на туземный языкъ слова *Жибенъ* и т. д. Японцы не терпятъ, чтобъ происхожденіе ихъ производили отъ Китайцевъ; они съ презрѣніемъ и враждой отзываются о жителяхъ Поднебесной Имперіи, и это естественно: Китайцы и нынче называютъ Японию своею колоніей, а привозъ въ Китай мѣди Японцами — данью, хотя эту дань они оплачиваютъ своими произведеніями. Этого еще мало: Китайцы приписываютъ происхожденіе Японцевъ — преступникамъ и разбойникамъ, изгнаннымъ или бѣжавшимъ изъ Китая отъ преслѣдованія правительства, и въ свою очередь иначе не отзываются объ Японцахъ, какъ съ негодованіемъ.

Я очень далекъ отъ того, чтобъ отвергать многія прекрасныя черты характера Японцевъ; но не могу также не предполагать въ нихъ нѣчто общее, тождественное съ характеромъ Китайцевъ, въ чемъ рассказы Корейцевъ еще болѣе убѣдили меня.

Корейцы не отвергаютъ и даже гордятся (по-крайней-мѣрѣ въ Пекинѣ) тождествомъ своего происхожденія съ Китайцами; но Китайцы искренно презираютъ ихъ и говорятъ, что они изъ милости дали имъ свои письменна и ученіе.

Мы, съ своей стороны, тоже не очень церемонились съ Корейцами, даже не отплатили имъ визитовъ; это, впрочемъ, мы сдѣлали потому, что Корейцы, хотя и живутъ въ домахъ, однако такъ грязно, что къ нимъ нельзя войти. Пристава ихъ поступаютъ съ ними далеко не такъ благосклонно, какъ съ Монголами, и явно притѣсняютъ несчастныхъ жителей Гуаньскаго королевства, выжимая деньги отъ нихъ и отъ китайскихъ купцовъ, которые приходятъ въ ихъ подворье по дѣламъ торговли.

Въ числѣ главныхъ произведеній, привозимыхъ Корейцами въ Пекинъ, — жень-ченъ, пользующійся огромною славою въ Китаѣ и хорошо извѣстный въ Европѣ. *Жень-ченъ*, луковичное растеніе, котораго родина въ Маньчжуріи; корень его употребляется въ Китаѣ отъ всѣхъ почти болѣзней; и точно, какъ средство возбуждающее, онъ очень дѣйствителенъ. Говорятъ, были примѣры, что человекъ, совсѣмъ умиравшій, по приѣмѣ жень-чена, возвращался къ жизни и получалъ употребленіе физическихъ и нравственныхъ силъ; но, по всѣмъ вѣроятіямъ, ненадолго. *Жень-ченъ* обыкновенно даютъ тѣмъ, кто не успѣлъ передъ смертью сдѣлать духовное завѣщаніе. Нельзя, однако, не замѣтить, что повелители Китая, постоянно употребляющіе его, чрезвычайно долголѣтны, несмотря на труды и нравственныя потрясенія, съ которыми сопряжена ихъ жизнь.

Маньчжурскій жень-ченъ недоступенъ, по своей баснословной цѣнѣ, даже для богатыхъ; притомъ же, его нельзя найти въ торговлѣ, потому что весь жень-ченъ, собираемый въ Маньчжуріи, представляютъ ко двору, и оттуда ужь посылаютъ по нѣскольку корешковъ въ подарокъ, какъ драгоценность, къ важнымъ лицамъ; отъ нихъ-то иногда и можно его достать или отъ придворныхъ браковщиковъ, которые всегда умѣютъ стащить нѣсколько корешковъ, несмотря на то, что этотъ драгоценный корень разбирается и сортируется въ присутствіи цѣлаго комитета. Вывозъ съменъ или самаго растенія жень-ченъ изъ Маньчжуріи строжайше запрещенъ: это собственность сына неба, принадлежность его верховнаго сана! Несмотря на то, Корейцы какъ-то умѣли развести корень у себя; говорятъ, однако, что корейскій жень-ченъ не имѣетъ того дѣйствія и той силы, какъ маньчжурскій, но по виду тотъ и другой очень похожи между собою.

Въ числѣ пріѣзжихъ къ Новому году въ Пекинъ, были Тибетцы, и тоже съ данью ко двору. Между ними находился лама, старинный знакомецъ нашего подворья, черезъ котораго одинъ изъ членовъ миссіи выписывалъ изъ Хлассы разныя тибетскія книги для нашихъ библиотекъ; этотъ лама былъ желанный гость въ подворьѣ: онъ привезъ намъ разные подарки изъ Тибета и былъ, въ свою очередь, осыпанъ подарками. Разказы его о Хлассѣ чрезвычайно интересны, хотя и не лишены многихъ преувеличеній и баснословныхъ описаній о чудесахъ живыхъ послѣдователей Будды; но мы ужь привыкли къ чудесному на Востокъ.

Тибетъ гораздо въ большей зависимости отъ Китая, чѣмъ Корея. Покоренный и успокоенный китайскими войсками, онъ уступленъ властителемъ Китая далай-ламу, главному духовному хранителю буддизма; но далай-ламу окружаютъ китайскіе пристава, которые и управляютъ его дѣйствіями. Даже отысканіе того лица, въ которое переселяется духъ умершаго далай-ламы, хотя составляетъ предметъ чисто религіозный и принадлежность ламъ, однако не изъять изъ-подъ вліянія приставовъ, и преемникъ правителя Тибета всегда почти назначается по указанію китайскаго правительства, изъ семействъ, преданныхъ ему.

Въ послѣднее время, по случаю смерти далай-ламы или, какъ выражаются буддисты, переселенія его въ другое тѣло, китайское правительство прибѣгло было къ хитрости, но хитрость не удалась на этотъ разъ. Видя тѣсную связь Монголіи съ Тибетомъ и религіозную зависимость первой отъ далай-ламы, и боясь потерять современемъ вліяніе на отдаленный Тибетъ, который, каковы бы ни были судьбы его, легко можетъ увлечь за собою Монголію, оно хотѣло было увѣрить простодушныхъ жителей степей, что духъ далай-ламы, оставляя прежнее свое жилище, раздвоился и поселился одной своей половиной въ Тибетъ, а другой—въ Монголію; а потому имъ стоитъ только поискать хорошенько между своими, и они вѣрно найдутъ его въ какомъ нибудь монгольскомъ семействѣ, такимъ образомъ будутъ имѣть своего собственнаго далай-ламу. Но эта ересь послужила только къ ропоту и неудовольствію, и китайское правительство успѣшило оставить свою мысль.

Всѣ эти посѣщенія прїѣзжихъ гостей въ Пекинъ отчасти награждали насъ за потерю празднествъ, сопровождающихъ, обыкновенно, первые дни новаго года въ Пекинѣ. Едва ли найдется что-нибудь въ Европѣ, подобное празднику фанарей въ Пекинѣ; развѣ итальянскій карнавалъ отчасти напомнить его. Безчисленное множество фанарей, разнообразныхъ, формы самой причудливой—то въ видѣ звѣрей, птицъ; змѣй, то изображающихъ лодки и цѣлыя зданія—виситъ сѣтью надъ улицами, особенно главными изъ нихъ, покрываетъ стѣны домовъ и лавокъ, превращаетъ ночь въ день. Страшная трескотня фейерверковъ заглушаетъ шумъ волнующагося одною общою, тѣсною массою народа: фейерверки повсюду — во дворахъ, у лавокъ на площадкахъ, на самыхъ улицахъ, и часто подъ ногами вашей лошади и подъ собственнымъ вашимъ носомъ разрываетъ ракету; но здѣсь это непочемъ: здѣсь и лошади и люди привыкли къ этому, обстрѣлены и закалены въ огнѣ — фейерверковъ!... Здѣшніе фейерверки превосходны: до наступленія траура, мы часто потѣшали и себя и своихъ гостей великолѣпными фейерверками, которые здѣсь очень дешевы.

Изобрѣтеніе пороха въ Китаѣ относится къ глубокой древности; но оно, кажется, имѣло цѣлью забавлять, а не умерщвлять людей, потому что искусство пиротехники извѣстно съ давнихъ временъ и даже доведено до совершенства, между тѣмъ, какъ объ огнестрѣльномъ оружіи говорится въ первый разъ въ исторіи Китая почти около того времени, какъ оно появилось и въ Европѣ. Впрочемъ, въ исторіи упоми-

нается о какой-то воспламенительной массѣ, которую кидали въ наполненные водою рвы, окружающіе обыкновенно стѣны города, для того, чтобъ взорвать ихъ: эта масса напоминаетъ древній греческій огонь.

Вотъ еще преданіе, доказывающее, что если не порохъ, то другіе незапно воспламеняющіяся разрушительныя вещества были извѣстны въ Китаѣ. Куминъ, извѣстный полководецъ временъ Троецарствованія (въ III вѣкѣ по Р. Х.), поставилъ на пути, гдѣ долженъ былъ проходить непріятель, каменную статую, съ книгою въ одной рукѣ и мечомъ въ другой; предводитель непріятельской арміи, заглянувъ въ книгу, былъ такъ увлеченъ содержащемъ ея, что перевернулъ нѣсколько листовъ: отъ прикосновенія пальцевъ къ листамъ и потомъ къ языку, онъ вдругъ почувствовалъ боль; листы были напитаны ядомъ. Несчастный хотѣлъ бѣжать, но не могъ: подножіе статуи было изъ магнита и притягивало его желѣзную кольчугу. Куминъ вырвалъ у статуи мечъ и разшибъ ее; ударъ далъ искры, которыя воспламенили горючія вещества, наполнявшія статую и съ трескомъ разразившіяся надъ неосторожнымъ воинномъ. Войско въ страхъ разбѣжалось.

Здѣшній порохъ недуренъ; составныя части его тѣ же и почти въ томъ же количествѣ, какъ и въ европейскомъ порохѣ (селитры 75,7, угля 14,4 и сѣры 9,9); но обработка его хуже; онъ оставляетъ по себѣ большіе копоты въ дулѣ орудія, чѣмъ нашъ.

ГЛАВА XV.

ОБСЕРВАТОРИИ: РУССКАЯ И КИТАЙСКАЯ.—ШКОЛЫ РУССКАГО ЯЗЫКА ВЪ ПЕКИНѢ.—БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.—ФАБРИКАЦІЯ БУМАГИ, ИНДИГО И ЦВѢТОВЪ.—БАНКИ.—МОТНЫЙ ДВОРЬ.—КАПСЮЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ.—ПРОЩАЛЬНЫЯ ВИЗИТЫ.—ОБРАТНЫЙ ПУТЬ ВЪ РОССІЮ.

Апрѣль подходилъ къ половинѣ; я рѣшился выѣхать изъ Пекина въ началѣ мая, а потому надо было помышлять о сборахъ. Больше всего заботила насъ постройка новой обсерваторіи; предметъ этотъ требовалъ нѣкоторыхъ спеціальныхъ свѣдѣній, и потому я хотѣлъ привести его къ концу при себѣ; участие и помощь одного изъ членовъ миссіи, назначеннаго для занятіи при обсерваторіи, и отцовъ архимандритовъ много способствовали къ тому, что не только окончили обсерваторію, но и инструменты въ ней оставили до моего отъѣзда. Обсерваторія находится при сѣверномъ дворѣ. Такъ какъ главнѣйшая цѣль ея—магнитныя наблюденія, то при постройкѣ старались всячески избѣгнуть употребленія кирпича и желѣза, хотя этого не легко было достигнуть въ Пекинѣ, гдѣ дерево почти недоступно по своей дороговизнѣ. Она выстроена изъ дикаго камня, такъ называемою здѣсь тигровой кладкой,

а балки, подоконники, и пр. — изъ тесаннаго песчаника. Русская пекинская обсерваторія, какъ по самому зданію, такъ и по инструментамъ, въ ней заключающимся, не уступаетъ лучшимъ европейскимъ обсерваторіямъ, для этой же цѣли предназначаемымъ, съ которыми она находится въ связи по своимъ занятіямъ.

Китайская обсерваторія теперь, по изгнаніи іезуитовъ, находится въ жалкомъ положеніи. Прекрасныя европейскіе инструменты заброшены, многіе изломаны, занятія астрономическаго комитета ограничиваются большею частью одними наблюденіями надъ погодой да составленіемъ календаря, для котораго, впрочемъ, еще при іезуитахъ подготовлены были всѣ матеріалы на сто лѣтъ. Неизбѣжное же опредѣленіе въ календарѣ счастливыхъ и несчастныхъ дней и различныя предсказанія, конечно, находятся внѣ сферы астрономическихъ наблюденій. Нельзя, однако, не замѣтить, что Китайцы довольно вѣрно предугадываютъ погоду. Такимъ образомъ богдоханы всегда справляются въ астрономическомъ комитетѣ, когда имъ вѣхатъ молиться о прекращеніи засухи, и большею частью случается, что послѣ ихъ посѣщенія кумирни чернаго дракона начинается дождь. Цян-лунъ, который вообще любилъ пускать пыль въ глаза, отправляясь въ кумирню, отдавалъ приказаніе своимъ спутникамъ брать плащи, въ родѣ нашихъ непромокаемыхъ, для защиты отъ дождя въ обратный путь.

Сколько я могъ замѣтить изъ объясненій Китайцевъ, имъ, кажется, извѣстенъ тотъ періодъ времени, который знали древніе подъ названіемъ *золотаго числа*

или *Цикла-метона*. Циклъ этотъ соотвѣтствуетъ нашимъ 19-ти солнечнымъ, или гражданскимъ годамъ, по истеченіи которыхъ, солнце, луна и земля вступаютъ въ тѣ же самыя условія относительно своихъ фазъ, въ какихъ прежде находились, и по всѣмъ вообще замѣчаніямъ, по истеченіи этого періода, повторяются тѣ же самыя метеорологическія явленія, такъ что достаточно перенести всѣ явленія, замѣченныя въ теченіе 19-ти лѣтъ, на дни тѣхъ же наименованій слѣдующихъ періодовъ, чтобъ предузнать погоду.

Хотя дѣйствіе магнитной стрѣлки издревле извѣстно Китайцамъ, однако принесло имъ мало пользы, какъ при астрономическихъ наблюденіяхъ, такъ и для навигаціи. Въ первый разъ темно упоминается о дѣйствіи магнитной стрѣлки въ 121 году по Р. Х., но въ сочиненіяхъ, писанныхъ сто лѣтъ спустя, ужь довольно ясно описывается устройство китайскаго компаса, каторый и по сіе время остался почти неизмѣненнымъ.

Клапротъ весьма основательно предполагаетъ, что Арабы впервые узнали употребленіе компаса на морѣ отъ Китайцевъ, именно, около XII вѣка, и передали его французскимъ крестоносцамъ; впоследствии, узналъ о немъ и Амальфеи, который, такимъ образомъ, не изобрѣлъ его, а только сдѣлалъ повсюду извѣстнымъ и, можетъ быть, распространилъ и улучшилъ способъ его употребленія.

Для наблюденія при нашей обсерваторіи, приучаются старшіе ученики изъ Албазинцевъ, что не прекращаетъ ихъ ученія, потому что наша русская школа,

какъ я ужь имѣлъ случай замѣтить, находится при сѣверномъ же подворьѣ, близъ котораго и поселены Албазинцы. Въ школѣ учатъ читать и писать по славянски и по китайски, священной исторіи, катихизису и церковному пѣнію. Албазинцы очень охотно отдаютъ своихъ дѣтей въ школу, сколько потому, что ученики могутъ, впоследствии, поступить въ пѣвчіе или наблюдатели при обсерваторіи, гдѣ получаютъ порядочное жалованье, столько и потому, что въ Китаѣ ученіе составляетъ всеобщую потребность народа. Въ Пекинѣ есть еще училище русскаго языка, которое содержится на счетъ китайскаго правительства. Цѣль его — доставлять драгомановъ русскаго языка для Палаты Внѣшнихъ Дѣлъ, которая, по трактатамъ, состоитъ въ сношеніяхъ съ нашимъ Правительствующимъ Сенатомъ. Что въ этой школѣ ровно ничего не знаютъ по русски, объ этомъ и говорить нечего. Замѣчательны здѣшніе экзамены въ русскомъ языкѣ... но я умалчиваю о нихъ, не желая выносить сору изъ избы. Тѣмъ не менѣе, однако, Маньчжуры и Монголы всячески стараются попасть въ это училище, потому что окончившіе въ немъ курсы получаютъ ходъ въ Палату Внѣшнихъ Дѣлъ. Впрочемъ, былъ случай, что воспитанники школы заплатились дорого за незнаніе русскаго языка: это было во время нашего русскаго посольства Головкина въ Китай, которое, какъ извѣстно, принуждено было вернуться изъ Урги. Ургинскіе правители требовали отъ Палаты Внѣшнихъ Дѣлъ, для переговоровъ съ Русскими, людей, свѣдущихъ въ русскомъ языкѣ. Палата нисколько не затруднилась въ исполненіи

этого требованія: она отдала приказаніе послать четырехъ лучшихъ воспитанниковъ школы въ Ургу, что и было приведено въ исполненіе. Переводчики явились; но каково было положеніе ихъ, когда ихъ заставили говорить съ Русскими? Разумѣется, сейчасъ же открылось, что они ничего не смыслятъ и, по донесеніи объ этомъ ургинскихъ правителей, переводчики были отправлены въ ссылку.

Немного дней оставалось жить въ Пекинѣ, и потому мы рѣшились разомъ осмотрѣть всѣ тѣ общественныя заведенія столицы, которыхъ еще не видали. Намъ удалось таки кое-куда проникнуть; мы были въ тюрьмахъ, въ богадѣльняхъ, на фабрикахъ, даже на монетномъ дворѣ, куда и самихъ Китайцевъ не пускаютъ. Нечего много говорить о всѣхъ этихъ заведеніяхъ. Тюрьмы находятся въ жалкомъ положеніи. Богадѣльни содержатся хорошо, большею частью добровольными пожертвованіями; только на нѣкоторыя изъ нихъ прибавляетъ правительство, но ихъ вообще немного; онѣ предназначены преимущественно для стариковъ, и далеко не соотвѣтствуютъ огромному населенію столицы. Есть пріюты на ночь для нищихъ и немѣющихъ своего крова. Вотъ еще одна благотѣльная мѣра начальства, которую вполне можетъ оцѣнить только житель Китая, гдѣ бѣдность доходитъ до крайности, гдѣ, дѣйствительно, человекъ можетъ умереть съ голоду; эта мѣра подала было поводъ къ самымъ нелѣпымъ баснямъ въ Европѣ; сначала, и мы хорошенько не понимали ея. Каждый день, рано утромъ, раздавался необыкновенный скрипъ колесъ. Однажды, мы

вышли посмотрѣть, что это такое? и увидѣли огромную телегу, запряженную быкомъ или даже коровой. Эта телега собираетъ тѣла умершихъ младенцевъ, которыхъ родители не въ состояніи похоронить, и отвозитъ ихъ на общественныя кладбища: она совершаетъ обычные объѣзды по всему городу, и всякій день возвращаетъ съ добычею къ жилищу смерти. Заслышавъ скрипъ ея, навстрѣчу выходитъ отецъ или мать умершаго, кладетъ на нее завернутое въ холстъ тѣло и удаляется, неговоря ни слова, много что иногда сунетъ десятокъ чоховъ въ руку суровому и безмолвному возчику. Въ Европѣ говорили, что родители часто клали въ эти телеги живыхъ младенцевъ—не знаю, дѣлается ли это гдѣ-нибудь на югѣ, хотя очень сомнѣваюсь въ томъ, видя разительные примѣры привязанности Китайцевъ къ дѣтямъ, но въ Пекинѣ этого никогда не бываетъ.

Не стану много говорить о фабрикаціи индиго, котораго обработка здѣсь очень несовершенна, производится на открытомъ воздухѣ, въ цементованныхъ ямахъ, гдѣ оно осаждается посредствомъ раствора извести. Упомяну мимоходомъ о производствѣ писчей и оберточной бумаги: она выдѣлывается по мелочамъ въ безчисленномъ множествѣ фабрикъ или, правильнѣе, простыхъ сараевъ и домовъ. Главное бумажное производство въ Нанкинѣ и далѣе на югѣ, откуда доставляется лучшая бумага въ Пекинѣ. Остановлюсь нѣсколько на фабрикаціи искусственныхъ цвѣтовъ. Эта отрасль промышленности развита здѣсь въ высшей степени. Въ Китаѣ каждая женщина, какъ бы бѣдна ни была, украшаетъ свою голову цвѣткомъ, сообразно времени года;

только богатые могут носить натуральные цветы, и то не всегда; все же прочие довольствуются искусственными; и надо заметить, что эти цветы, по своей необыкновенно дешевой цене, доступны для всех. Они одинаковы для знатных и бедных; действительно, цветы так хороши, что их стыдно носить хоть кому. Стоять они—этому трудно поверить—копеек десять ассигнациями за цветок с зеленью! Цветы здесь фабрикуются из древесной сердцевины, которую обрывают винтообразно и потом расправляют на парах; она превосходно принимает краски, подобно чистой слоновой кости, только еще нежнее ее. В Европу несправедливо называют ее рисовой бумагой. При фабрикации цветов, разделение работ доведено до удивительной дробности: цыплята улицы занимаются этою промышленностью; но каким образом? Один дом, например, делает только лепестки какого-нибудь цветка, другой—листья, третий—тычинки, четвертый—ветви и так далее; а сколько всех доступных фабрикации цветков! И этот дом передает свое ремесло детям; иное семейство, может быть, цыплята только и производят, что листочки розы, и знания его не простираются за пределы этого ремесла; да еще, разве, посвятит он часть времени на изучение нескольких иероглифов, нужных для сведения счета по своему делу. Наконец, есть дома, которые занимаются собиранием частей цветка в целое. Особые скупщики цветов разсылают их с носильщиками по всему городу. Невозможно заказать что-нибудь отличное в этом роде,

потому что ремесленник не может сделать ни хуже, ни лучше того, как он делает; притом же, чтобы заказать букет цветов, надо иметь дело с цыплятским населением какой-нибудь улицы. Китайцы смеются над такой прихотью Европейцев. И в самом деле, разве вам не предлагают именно тот род цветов, который носят в известное время года все, и самые знатные—так чего же вам еще нужно? Разве эти цветы дурны? Да, может быть, вы пожелаете иметь камелию, когда носят лань-хоа? Но нет, в Китае вы невольно плывете с общим потоком и не станете выходить из порядка, ни нарушать приличия: Китай все и всех переваривает в своей варь.

Проходя по улицам, вы почти на каждой из них встречаете дома, огражденные толстою решеткой: это закладные лавки. В Китае нет государственных банков, нет того, что называется в Европе ломбардом: известные купцы открывают банки, выпускают ассигнации и принимают за них металл; так как монеты в Китае не существуют, кроме медной, то каждый находится в необходимости менять у них золото и серебро прежде, чем пустить их в оборот. Правда, в больших лавках с товарами также принимают металлы на вес; но почти по тому же курсу, который существует у меня. При начале месяца, при конце года, курс на металл обыкновенно несколько понижается; в первом случае, потому что выдается жалованье военным, а во втором, потому что совершаются все расчеты. Впрочем, в настоящее время, как я уже заметил, се-

ребро чрезвычайно возвысилось въ цѣнѣ. Частные банки нерѣдко банкротятся, и тогда ваши ассигнаціи ничего не стоятъ; конечно, вы можете завести процессъ съ банкиромъ, но я никому не совѣтую имѣть процессъ въ Китаѣ.

Ростовщики—это вампиры Китая; они принимаютъ вещи за четверть настоящей ихъ цѣнности и берутъ по два, иногда по три процента въ мѣсяцъ. Манчжуры и живущіе въ Пекинѣ Монголы, по недостатку знанія практической жизни, часто прибѣгаютъ къ этому, повидимому, легкому средству доставать деньги, и окончательно разоряются. Нерѣдко ростовщики ссужаютъ деньгами назначаемыхъ въ провинцію областныхъ или уѣздныхъ начальниковъ, которымъ нѣчѣмъ заплатить за разныя одолженія высшихъ властей въ Пекинѣ и за переѣздъ до мѣста назначенія; тогда сами отправляются съ ними, чтобъ перехватить ихъ доходы въ двойную уплату своего долга.

Остановимся на пекинскомъ монетномъ дворѣ, чтобъ только замѣтить, какъ жалокъ онъ! Въ Китаѣ употребляется одна мѣдная монета; она не чеканится, какъ это дѣлается во всемъ свѣтѣ, но отливается въ формы и потомъ отчищается на камнѣ самымъ простымъ способомъ—ладонью человѣческой; слѣдствіемъ такой манипуляціи бываетъ то, что ладонь рабочаго деревеннѣтъ, дѣлается нечувствительною къ боли и вообще къ осязанью. Можно себѣ вообразить, во что обходится *отливка* монеты при такихъ механическихъ устройствахъ. Цѣлое населеніе, заключенное въ стѣнахъ монетнаго двора, въ особыхъ лачужкахъ, занимается этими работами и передаетъ ремесло свое отъ отца къ

сыну; нельзя не замѣтить, что формовка идетъ очень быстро и составъ ея хорошъ; жаль только, что она обращена на такой неблагодарный предметъ. Угаръ мѣди, при плавкѣ, довольно значителенъ.

Мы не были на пороховомъ заводѣ, но зашли на фабрику, гдѣ приготовляются капсулы для ружей. Заведеніе это довольно новое, и еще не успѣли совсѣмъ загрязнить его. Миѣ очень любопытно было узнать, кто научилъ Китайцевъ дѣлать капсулы? Проводникъ нашъ таинственно указалъ на Татарина, важно расхаживавшаго по фабрикѣ.—«Да его-то кто научилъ?» — «Дьяволъ!» отвѣчалъ шопотомъ Китаецъ.—«Положимъ, что дьяволъ; да вѣдь черезъ кого же шбудъ онъ послалъ ему эту чертовщину, можетъ быть, черезъ варваровъ въ Кантонѣ или Шанхаѣ?» — «Нѣтъ, онъ лично научилъ его». — Ну, ужь если Китаецъ заговорилъ о дьяволѣ, то отъ него не добьешься толку. Китайцы первоначально, во время войны съ Англичанами, купили нѣсколько ударныхъ ружей у Американцевъ и множество пистоновъ, потомъ стали пердѣлывать и свои ружья, которыя были прежде съ фитилями, и такъ какъ вскорѣ у нихъ не достало капсулей, то стали дѣлать сами; едва ли они не своимъ умомъ, безъ посторонней помощи дошли до этого мастерства, или, по-крайней-мѣрѣ, только по однимъ слухамъ, потому что приемы ихъ въ этомъ дѣлѣ совсѣмъ другіе, чѣмъ у насъ. На фабрикѣ занимаютъ не послѣднее мѣсто битыя бутылки, изъ русскаго подворья, которыя Китайцы употребляютъ для осажденія гремучаго серебра. Пистоны вообще плохи.

Время отъезда настало. Размѣнявшись прощальными подарками и послѣдними визитами со всеми знакомыми и откланявшись кому слѣдуетъ, я отправился на дачу къ Дзи-сы даженю, двоюродному брату покойнаго богдохана, чтобъ проститься съ нимъ и его милымъ семействомъ и уѣхать изъ Пекина подъ вліяніемъ пріятнаго впечатлѣнія. Это были единственные Китайцы, которые, навѣрное, искренно жалѣли объ отъѣздѣ нашемъ; я никогда не забуду ихъ радушнаго пріема и того, что они допустили насъ, иностранцевъ, въ свой семейный кружокъ. Жена слишкомъ учена для женщины; разговоръ ея довольно тяжелъ; но это, вѣроятно, потому, что мы недостаточно учены по-китайски; притомъ же, въ этомъ состоитъ хорошій тонъ знатной Китайки; обращеніе всего семейства мило и просто; младшая изъ дочерей, хорошенькая и рѣзвая Китайка, подчасъ, забывала съ нами строгость китайскаго этикета. Съ грустью узналъ я ужъ здѣсь о несчастіи, постигшемъ это почтенное семейство.

Справедливость требуетъ сказать хотя нѣсколько словъ о другомъ лицѣ, съ которымъ мы находились въ сношеніяхъ, если не въ дружбѣ, и который былъ намъ во многомъ полезенъ — это о Сай-шан-гѣ. Его также постигла самая горькая участь. Это конечно лучший человѣкъ во всемъ Китаѣ! Не смотря на первое мѣсто, занимаемое имъ въ государствѣ, онъ бѣденъ; дѣти его, достойные молодые люди, идутъ общою дорогою чиновниковъ; онъ просвѣщенъ и любимъ всеми. Къ несчастію, года два тому его назначили главнокомандующимъ надъ войсками противъ нынѣшнихъ мя-

тежниковъ — и онъ былъ разбитъ на голову подъ Панкиномъ. Самъ онъ, бывши еще министромъ, нѣсколько разъ писалъ, что войско никуда не годится, что его дурно учатъ, что большая часть солдатъ считается только по спискамъ, а жалованье за нихъ получаютъ начальники: на это не обратили вниманіе, а вся вина пораженія обрушилась на него. — Сай-шан-гу отозвали, передали высшему суду, и присудили къ отсѣченію головы. Казнь его отложена до дня общихъ казней въ Китаѣ. Можетъ быть и пощадятъ жизнь несчастнаго, но богдоханское рѣшеніе возбудило общее негодованіе въ Пекинѣ. Этотъ человѣкъ не замѣнимъ. Юй-ченъ, стоящій нынче въ главѣ управленія и бывший председателемъ въ судѣ надъ Сай-шан-гой, конечно, заплатитъ скоро за поспѣшность приговора и неумѣстное честолюбіе.

Что за странныя чувства волновали каждого изъ насъ при отъѣздѣ. Конечно, никому не жаль было оставить Пекинъ; но людей, прожившихъ здѣсь около одиннадцати лѣтъ, привыкшихъ къ здѣшнему образу жизни, столь не похожему на европейскій, неимѣвшихъ большихъ радостей, но незнавшихъ и заботъ, какъ-то смущало вступленіе въ новую, исполненную волненій жизнь. Самый путь, продолжительный, представлявшій много труда и лишеній, отчасти пугалъ ихъ, невыѣзжавшихъ изъ своего подворья далѣе тридцати верстъ. Положеніе остававшихся въ Пекинѣ членовъ миссіи было иное, можетъ быть, болѣе печальное. Правда, они заранѣе обдумали и рѣшились на свой подвигъ и, конечно, никто не раскаявался въ своемъ

рѣшеніи, но все-таки тяжело было очутиться въ этой дали, въ уединеніи, которое еще чувствительнѣе среди многолюднаго и совершенно чуждаго имъ города. Грустно было и мнѣ разставаться съ ними; особенно жаль было одного изъ нихъ, на которомъ уже лежала печать роковой болѣзни, столь пагубной здѣсь. Онъ умеръ, вскорѣ послѣ нашего отъѣзда, отъ чухотки! Миръ праху его! Это былъ одинъ изъ достойнѣйшихъ молодыхъ людей. Дорогою въ Пекинъ, я ему поручилъ вести путевой журналъ, и онъ добросовѣстно исполнилъ этотъ трудъ. Его юношескій жаръ и пылокое, горячее сердце не разъ отвлекали и меня отъ горькой существенности. Да, многихъ раскидалъ я на пути жизни, многихъ, которые были и гораздо моложе и гораздо здоровѣе меня, и кости ихъ уже истлѣли въ далекихъ краяхъ! Не могу безъ чувства искренней благодарности обратиться къ тѣмъ изъ участниковъ и сотрудниковъ моихъ экспедицій, которые такъ добросовѣстно, съ такою готовностью раздѣляли со мною труды, помогали мнѣ своими совѣтами, своимъ теплымъ, живымъ участіемъ.

На обратномъ пути намъ предстояло бѣдствіе, котораго мы счастливо избѣжали прошлымъ лѣтомъ. Это былъ голодный годъ въ Монголіи. Въ Гоби было совершенное безтравье; народъ откочевалъ далеко къ горамъ и рѣкамъ. Въ иные переѣзды мы не видали и былинки во всей степи—гладко, какъ столъ! Тамъ еще, гдѣ травы были высоки въ предшествовавшемъ году, ихъ сшибло вѣтромъ, скомкало съ пескомъ и землею и навалило кучами въ полѣ: этимъ питался

скотъ; но песокъ и земля, которые онъ поглощали съ сѣномъ, вредили ему не менѣе голода. Мы шли день и ночь; объ дневкахъ нечего было и думать; останавливались не тамъ, гдѣ были выставлены Монголами юрты, а гдѣ находили хоть признакъ травы, потомъ шли дальше и у колодцевъ поили лошадей. Были дни, когда у насъ падало по двадцати лошадей; а безъ скота, что сдѣлаешь въ этой голодной пустынѣ? Къ счастью, оказался большой запасъ сухарей. Степныя лошади сначала упорно отказывались отъ этой пищи; но голодъ заставлялъ ихъ глотать землю, не то, что сухари. Мы отобрали нѣсколько, болѣе сильныхъ лошадей, которыхъ запрягали чаще другихъ и поддерживали ихъ сухарями, а для людей увеличили мясную порцію. Я не зналъ, какъ мы выйдемъ изъ этой голодной степи и рѣшился было, вопреки настоянію китайскихъ приставовъ, своротить, съ назначеннаго намъ пути, на Керелунъ, но добраться до него нелегко и неизвѣстно, что еще будетъ тамъ? Съ Божьей помощію мы выбрались, однако, изъ Гоби и остановились на три дня у Тугурика, гдѣ были порядочныя травы, чтобъ дать время отдохнуть людямъ и оправиться скоту. 9-го іюля достигли мы Кяхты, а черезъ полгода опять тянулись длиннымъ караваномъ въ Китай,—только въ другую часть его, по другому пути....

КОНЕЦЪ.

О П Е Ч А Т К И :

1-й части.

На стран.		Напечатано:		
3	рѣчимъ	<i>амѣсто</i>	рѣкамъ.	
23	явства	—	яства.	
40	знающаго	—	знающій.	
78	окружаю	—	окружено.	
83	въ мирѣ	—	въ мирѣ.	
106	оказались	—	оказались.	
108	отъкопавшіе	—	толковавшіе.	
111	ссорными	—	сорными.	
119	оставило	—	оставили.	
139	въ дной	—	въ одной.	

2-й части.

На стран.				
47	не могли	—	не могъ.	
31	чиновниковъ	—	чиновникъ.	
64	поводъ	—	поводомъ.	
64	одинъ	—	однимъ.	
108	вса	—	вся.	

ИЗЪЯСНЕНІЕ КАРТИНОКЪ:

Въ первой части, 1-я картинка изображаетъ видъ съ Великой Стѣны, 2-я—типъ китайскаго купца; во второй части обѣ картинки представляютъ сцены уличной жизни въ Пекинѣ.